МАРЬЮС АНДРЭ

ХРИСТОФОР КОЛУМБ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1929

M/Г

ЮНОШЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

MARIUS ANDRÉ

CHRISTOPHE COLOMB

(VÈRIDIQUE AVEHTURE)

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

СГ,

ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

48

МАРЬЮС АНДРЭ

А 664

ХРИСТОФОР КОЛУМБ

(ПРАВДИВОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ)

Перевод с французского
С. БЕРНЕР

(920)
64 т.х.

МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
Каталог

65631 1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Дома детской книги
ДЕТГИЗА

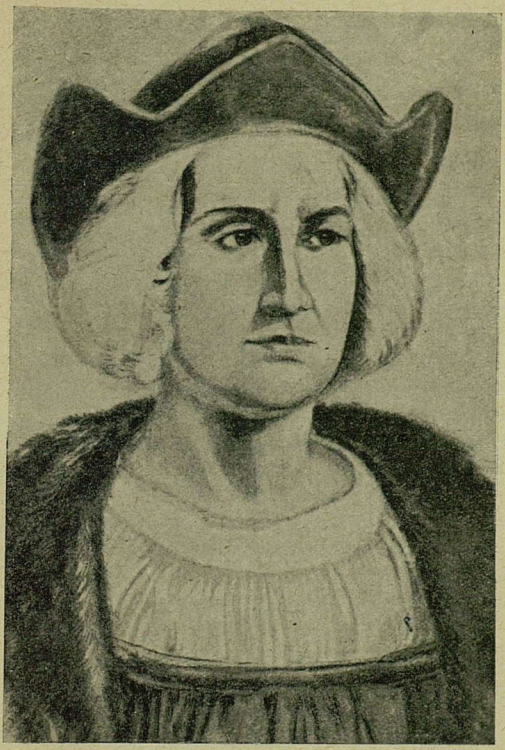
ФУНДАМЕНТ. БИБЛИОТЕКА
Дет. [illegible]
Моск. Госуд. Пединститута

Главлит № А 17.775. Р. пл. 618. 1939 г. Изд. № 2509. Тираж 7.000 1—7 тыс.

«Мосполиграф» 14-я типография, Варгунихина гора, 8. Зак. № 1372.

674599 КХ-рег

Российская государственная
детская библиотека



ХРИСТОФОР КОЛУМБ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Потомок победителя Митридата в гостях у францисканцев Рабидского монастыря

В ПАЛОССКОМ порту, перед дверью таверны, за столом, сделанным из доски, положенной на два винных боченка, сидело несколько моряков.

Они праздновали возвращение товарища, проведшего два года на борту португальского королевского корабля, в плавании—из Лиссабона в Мадеру и к Азорским островам, и дальше вдоль берегов Гвинеи.

— Каково винцо, Франсиско?—спросил вернувшегося один из моряков.

— Бр!..—поморщился тот, опорожнив стакан;—когда долго поживешь на Мадере, то после на андалузское вино и глядеть не хочется. Ну и остров, скажу я вам! Этакое счастье привалило португальцам, что они стали на нем хозяевами... Тамошним беднякам живется получше, чем нашим богачам. Вы вот понятия не имеете, что значит хорошее варенье, и я, два года назад, этого не знал. А на Мадере все его едят, и уже начинают есть повсюду в Португалии, потому что королевские мореплаватели открыли и этот остров и много других, а оттуда идет столько сахару, и такого, притом, сладкого, что прямо благодать...

— Скажи, а золото? Много его там?

— Золото есть на материке, в Гвинее, но принадлежит оно королю. Недалеко от форта Мины есть страна дикарей, кожа у которых чернее души осужденного на вечные муки... Так вот золота там столько, что достаточно лишь нагнуться, чтобы его подбирать. Но зато соли у них совсем нет. А на кой чорт им золото, когда нет соли, без которой нельзя обойтись?

Тут вот дело и идет к мене. Есть такое место, куда по приказанию короля свозят мешки с солью. Когда дикарю она нужна, он приносит туда корзинку золотого песку и берет себе мешок соли. Хотя за этим никто не наблюдает, но обмен всегда совершается честно. Время от времени королевские офицеры доставляют туда новые партии соли и увозят корзинки с золотом.

— А на что королю столько золота?

— Мало, думаешь, стоят войны против неверных, которых он задумал изгнать из Марокко и соседних областей? С того времени, как инфант дон Энрике, космограф и мореплаватель— да покоится он в мире!—основал мореходную академию на Сагресском мысе и толкнул португальцев на путь открытий, королевские корабли заплывают с каждым годом все дальше и дальше, а солдаты и купцы возводят сооружения и основывают торговые предприятия все дальше к югу Африки. Помяните мое слово, кончится тем, что они откроют путь в океан и заберутся очень далеко в сторону Индии,—быть может даже к христианскому королевству пресвитера Иоанна... И тогда они уж наверное заключат с ним союз и не только выгонят мавров из Марокко, но еще и отвоюют у восточных мавров Иерусалимское королевство...

— И подумать только,—вмешался младший из моряков,— что мы уступаем португальцам и честь и выгоды от всех этих открытий!.. Хуже мы их, что ли, в морском деле! Или боимся мы пускаться в далекое плаванье? Или наши капитаны, взять к примеру хотя бы Мартина Алонсо Пинсона, хоть в чем-либо уступят самым отважным капитанам Лузитании!.. Королева...

— Придержи язык, Хуан Хосе,—прервал его старший из моряков.—Много ты понимаешь, молокосос! Нет у нас разве Канарских островов, которые стоят Мадеры и Азорских—вместе взятых! Настанет и для нас время славных открытий... Доберемся и мы—и до Индии, и до самого может быть Китая, где крыши домов из чистого золота... Недаром Мартин Алонсо отправился в Рим, чтобы изучать—и уж можно поручиться, что изучит!—морские карты, хранящиеся у космографа папского престола... Знаете ли вы, что все земли, которые были открыты за последние пятьдесят лет, уже раньше были отмечены на этих картах, вместе с их названиями? Остается открыть остальные—

вроде острова св. Брандана и Антилии. Папа о них знает... Вот это—острова! Они полны золота, всяких пряностей, драгоценных камней, многоцветных птиц... Эти острова, Франсиско, будут побогаче твоей Гвинеи! Но раньше чем отплывать к их берегам или затевать войны с африканскими маврами или с теми, кто завладел гробом господним, надо прежде всего выгнать тех, кто сидит на наших собственных землях. Именно это и говорят и Мартин Алонсо, и францисканцы... Королева Изабелла со своим супругом, королем арагонским, подготовляют это изгнание, и каждый из нас должен пожелать успеха их оружию... Мадонна Рабидского монастыря, с тех пор как ее извлекли из воды, покровительствует этой великой задаче. Вы ведь знаете, что я, как ни грешен, а был одним из тех, которым удалось извлечь ее со дна морского? Не мешало бы тебе, Франсиско, отправиться поблагодарить ее за счастливое окончание плаванья...

— Пойду сегодня же. Я шел туда, когда повстречался с вами.

* * *

Рабидский монастырь, куда после встречи с моряками собирался направиться Франсиско Вальехо, моряк Могерского порта расположен был на мысе, выдававшемся в океан, в каком-нибудь льё от Палоса.

В древности здесь возвышался языческий храм. Когда христианство распространилось по всему югу Иберийского полуострова, на этом месте была поставлена часовня, где находилась мраморная мадонна, покровительница мореплавателей. Впоследствии здесь был построен монастырь.

Четыреста лет спустя, когда под ударами мавров стали одна за другой падать твердыни католической Испании, монахи монастыря, опасаясь со стороны мавров надругательств над этой статуей, предпочли сами погрузить ее в море.

Протекли столетия, в течение которых Испания продолжала оставаться под мавританским игом, пока в северной, горной части ее, не началось наконец движение, приведшее к освобождению страны.

В декабре 1472 г. рыбаки забросили невод возле порта Гуэльвы и вытащили статую, пробывшую на морском дне семьсот пятьдесят лет,

Население прибрежной полосы, от португальской границы и до Гибралтарского пролива, увидело в этом знамение того, что маврам не только не удастся вернуть себе отвоеванные у них области, но что они будут изгнаны и из тех королевств и сеньерий, которые они еще продолжали занимать.

* * *

— Вот тогда и для нас настанет время,—сказал старший из моряков,—отправиться на открытие стран, богатых золотом и пряностями...

— В Антилию?

— В Антилию или в другое место,—это смотря по тому, что Мартин Алонсо разузнает в Риме. У него на этот счет уже есть кой-какие предположения: он бы хотел пробраться еще дальше в сторону Индии. В те времена, когда мавры покорили Испанию и Португалию, на Антилию бежали со своими прихожанами семь епископов, и каждый из них построил там по городу; потому-то она и называется Островом Семи Городов. Давно пора разыскать ее... Не поговаривают ли теперь об этом в Лиссабоне и на Мадере? Ты не слыхал, Франсиско?

— Понятно, говорят. А еще больше толков об этом на Азорских и Канарских островах, откуда Антилия несколько дней в году бывает видна. Некоторые того мнения, будто это пловучий остров...

Вдруг Франсиско замолчал. К таверне подходил человек, ведший за руку ребенка. По виду можно было принять его за иностранца; его одежда покроем и коричневато-серым цветом напоминала одеяние францисканцев. Он был высокого роста и крепкого сложения; свежее смуглое лицо его было сплошь усеяно веснушками. Ему вряд ли могло быть больше тридцати пяти лет, хотя по почти седым волосам ему можно было дать и больше.

Приняв его за монаха, моряки поднялись, ожидая обычного в те времена благословения. Но иностранец, пригласив движением руки их сесть, поспешно произнес:

— Я не монах, а такой же моряк, как и вы. Если я ношу сейчас эту одежду, то лишь потому, что из Португалии я совершаю паломничество в монастырь Рабиды...

Он, вместе с ребенком, вошел в дом и потребовал котелок воды. На глазах изумленных хозяйки и служанки таверны,

не привыкших к проявлению подобной чистоплотности у своих обычных посетителей, он засучил рукава и старательно вымыл себе руки, лицо и шею, а затем помыл и ребенка. Покончив с этим, он чрезвычайно учтиво попросил хозяйку подать ему на стол, находившийся снаружи, яичницу и кружку воды.

В ту минуту, когда он переступал порог таверны, до него донеслись слова, сказанные Франсиско Вальехо:

— ...об островах св. Брандана и Бразилии мало что известно. Они быть может и пловучие. Но никак не Антилия! Будь это так, наш несчастный товарищ Алонсо Санчес из Гуэльвы, побывавший там, уж наверно бы об этом сказал...

Услышав это, незнакомец вздрогнул и побледнел, словно пораженный внезапным ужасом; на мгновение он остановился в нерешительности, но затем, овладев собой, подошел к морякам и спросил их, не потеснятся ли они немного, чтобы очистить краешек стола для него и его ребенка; те охотно согласились.

Нарезав хлеб и дав ломоть ребенку, незнакомец обратился к морякам:

— Я случайно услышал, как вы рассказывали о моряке из Гуэльвы, который, будто бы, посетил Антилию. Это, надо думать, один из тех слухов о таинственных и внезапных открытиях, которые время от времени обегают все порты, а потом, на поверку, оказываются вздорными баснями...

— Ну, нет!—горячо ответил моряк.—Алонсо Санчес не болтун. Если вы сами португалец или хотя бы бывали в Португалии, вы не могли не прослышать о нем.

— Я впервые слышу это имя,—ответил незнакомец.—Я не португалец, а лигуриец.

— Вот как! Немало генуэзцев живут в наших краях... На серебре многие из них сколотили себе изрядное состояние. И ваши соотечественники, надо это признать, прекрасные моряки. Одного лишь не пойму, почему это они предпочитают плавать по одному только Средиземному морю, особенно же— к его восточным берегам... Там никаких открытий не сделаешь. Если вам случалось бывать в Лиссабоне, то вам должно быть известно, что плавание по океану куда более прибыльно. А вам лично приходилось плавать?

— Я плавал по всем морям, какие когда-либо посещались мореплавателями,—спокойно сказал незнакомец.

— По всем?! По морям Франции, Фландрии, Англии?..

— Я об'ездил весь восток и весь запад. Я побывал на северном пути, где лежит Англия, и дальше к северу, за самым островом Фуле.

— А в Гвинее вам приходилось бывать?—спросил Франсиско Вальехо.

— Да, я об'ездил все побережье. Я был в Мине, принадлежащей королю португальскому и находящейся несколько к югу от экватора...

— К югу... А вы в этом уверены?

— Вполне. Будучи космографом и картографом, я сам, с помощью квадранта, определял широту.

Франсиско, имевший звание лоцмана, слегка подмигнул сидевшим против него товарищам, что означало: „врет, бахвалится!..

И впрямь, как можно было верить незнакомцу, что он побывал в Мине, раз последняя расположена не к югу, а больше чем на пять градусов к северу от экватора! Во всяком случае, если он там и бывал, то значит квадрантом он уж наверно не пользовался.

— Я был также на Малагеттском побережьи,—продолжал рассказывать лигуриец,—где я принял груз перца. Там мне довелось как-то вечером видеть резвившихся на берегу сирен...

— Сирен?! Вы видели сирен? Своими глазами?..

— Почему бы и нет? Но в действительности они совсем не таковы, какими их изображают поэты: прекрасные женщины с благозвучными голосами... Нет, это довольно безотрадного вида мужчины, испускающие хриплые крики. Не я один их видел, и многие могут это подтвердить. Их существование во всяком случае достовернее существования Антилии—Острова Семи Городов...

— Наш друг и товарищ Алонсо Санчес,—сказал Франсиско,—был там и оттуда вернулся. Он был лоцманом на борту португальской каравеллы, отплывшей с грузом разных товаров во Фландрию. По дороге они были застигнуты необычайно свирепой бурей, которая отнесла их далеко в сторону и прибила к острову, который таким образом и был открыт. Они высадились на берег. Алонсо Санчес определил положение острова, который он и нанес на свою морскую карту. Когда буря улеглась, они порешили возвратиться в Португалию, и там

снарядить новую экспедицию, для того, чтобы приобрести законные права на владение этим островом и на взимание доходов в пользу короны и тех, кто этот остров открыл. Но на обратном пути их каравелла пошла ко дну перед самым Порто-Санто. Погиб весь экипаж судна, кроме лоцмана Алонсо Санчеса, которого выбросило на берег. Там его, умирающего, подобрали рыбаки. Он все же нашел в себе силы сообщить им, что он недавно открыл Антилию и намерен туда возвратиться. Как раз в ту минуту к нему подошел какой-то человек, который унес его к себе в дом и принялся за его лечение. Все же Санчес умер там несколько дней спустя.

Во время этого рассказа иностранец заметно побледнел.

— От кого вы все это узнали?—спросил он.

— Я только что вернулся из Порто-Санто,—ответил Франсиско Вальехо.—А эту историю мне рассказал один из тех рыбаков, которые нашли бедного Алонсо на берегу; имени же человека, унесшего Санчеса к себе, они не знают и думают, что он иностранец.

Лигуриец продолжал хранить молчание. Он отодвинул от себя яичницу, к которой едва прикоснулся,—так его занимали сведения, сообщенные ему лоцманом из Могера. Затем он кликнул своего сына, игравшего невдалеке с другими детьми.

— Пойдем, Диего, пора... —сказал он.—Нам еще немало итти, раньше чем доберемся до монастыря.

Попрощавшись с моряками и хозяйкой таверны, он удалился, направляясь к мысу.

— Никогда не поверю,—сказал Франсиско своим товарищам,—что этот иностранец космограф и мореплаватель. Он, я уверен, и квадранта-то никогда в руках не держал...

* * *

Добрых два часа понадобились иностранцу, чтобы достичь монастырских ворот. Его сын, хотя и отдохнул и поел в таверне, все же чувствовал усталость, что впрочем не мешало ему отпускать время от времени руку отца и гоняться за бабочками или взбираться на деревья за плодами.

Сперва они шли узкими дорожками, окаймленными апельсиновыми и лимонными деревьями и смоковницами; потом, чтобы сократить расстояние, они стали пробираться сквозь

виноградники и размариновые кусты. Наконец они подошли к опушке соснового леса, увенчивавшего мыс.

Лигуриец остановился, любуясь прекрасным пейзажем, развернувшимся перед его глазами, поражавшим богатством красок и совершенством своих очертаний. Потом он перевел свой взгляд на океан, где мелькали сверкавшие на солнце белые паруса, и полной грудью вдохнул легкий морской ветерок, уже пропитавшийся на берегу запахом растений и цветов.

— Какое благоухание!—сказал он сыну.—Ничего нет на свете приятнее запахов земли, плодов и цветов, которые таким вот легким и нежным ветерком смешаны с запахом моря...

Но как бы ни было приятно дышать этим воздухом, нужно было торопиться к монастырю. Вскоре белые стены выступили на темном фоне окружавших его сосен.

Они постучались в ворота.

Открывшему им монаху-привратнику лигуриец сообщил, что он благочестивый почитатель святого Франциска и вместе с сыном своим совершает паломничество к Рабидской мадонне; он хотел бы видеть отца Антонио де-Марчена.

— А как о вас доложить?—спросил привратник.

— Отцу я неизвестен и имя мое ему ничего не скажет. Благоволите передать ему, что я явился к нему от имени его покойного друга, лоцмана Алонсо Санчеса.

Привратник впустил обоих посетителей в монастырь и отправился за отцом Антонио.

Последний появился несколько минут спустя и быстро подошел к лигурийцу. Воздев руки, он воскликнул:

— Это вы видели нашего бедного Алонсо? Не поручал ли он вам передать что-нибудь своим друзьям в монастыре Рабиды?

— Да, падре. Когда его корабль погиб у Порто-Санто, я как раз жил там: мой свояк состоит губернатором острова. Найдя Санчеса на берегу умирающим, я перенес его к себе. Несмотря на весь уход, которым я его окружил, он через два дня умер у меня в доме...

— Что он вам говорил перед смертью? Правда ли, что он возвращался из Антилии?

— Он это утверждал, при чем настаивал на том, чтобы я довел об этом до вашего сведения. Относительно своего последнего плавания он сообщил мне ряд подробностей, чрезвычайно меня заинтересовавших, так как и я не чужд мореходной науки.

Многое я узнал на собственном опыте мореплавателя, немало вынес также из бесед с другими членами моей семьи и семьи моей жены, дочери мореплавателя и открывателя новых земель, португальца Перестрельо...

— Пройдем в нашу библиотеку, — сказал отец Антонио, — там нам будет удобнее разговаривать. Ребенок может остаться в саду—привратник за ним присмотрит.

Монах, взяв гостя под руку, повел его по лестнице на галлерею, тянувшуюся внутри всего монастыря, и открыл одну из дверей.

Они оказались в небольшом помещении, все стены которого были уставлены книжными полками. Посередине находился стол с разложенными на нем географическими картами; вокруг него стояли четыре скамьи. Другой мебели в комнате не было, да ее бы и некуда было поставить.

— Можно было бы подумать, что находишься скорей у ученого географа, чем у монаха,—заметил лигуриец, обводя взглядом книги и карты.

— Ученым меня понятно назвать нельзя,—ответил монах,— но страстным любителем—безусловно. Нас здесь семеро монахов францисканцев, которые, помимо выполнения своих прямых обязанностей, все свое свободное время посвящают изучению науки о мореплаваньи. Мы вычерчиваем карты как для нужд мореплавателей, так и для самих себя. Наш приор, отец Хуан Перес, сам подает нам в этом отношении благой пример. Слава об его учености и благочестии дошла до королевского двора. Королева выбрала его своим духовником, и, пожелай он только, он был бы епископом. Но всем почестям, которыми его осыпали, он предпочел монастырь Рабиды, Палосский порт, каравеллы и своих моряков. Он упросил королеву взять себе другого духовника и покинул двор. На прошлой неделе он был вызван королевой, нуждавшейся в его совете; но он обещал нам, что возвратится не позже, чем через месяц.

Пришелец внимательно слушал отца Антонио, но взгляд его приковала одна из географических карт, развернутых на столе.

— Вас это, я вижу, интересует?—сказал монах. — Ну понятно раз вы сами моряк... Антильский остров, открытый Алонсо Санчесом, нанесен на эту карту. Да кстати в волнении, которое охватило нас обоих с самого вашего появления здесь, при воспоминании о моем бедном друге, вы забыли назвать себя...

— Меня зовут Кристобаль Колон.

— Вы стало быть галисиец?

— Я?!. Gallego?..—пришелец привстал, словно он был одновременно и смущен и обижен подобным вопросом.—Что вам дает основание так думать?..

— Не сердитесь, сударь. Я отнюдь не из тех, кто позволяет себе пренебрежительно относиться к галисийцам, среди которых кстати сказать встречается немало превосходных моряков. На подобное предположение навело меня ваше имя Колон. По галисийски это означает: широкая шея.

— Мое имя, — сказал пришелец, — не галисийское и имеет другое обозначение. Я лигуриец и происхожу из семьи графов Коломбо из Куккаро, замка в Монферрате. Ленные права на этот замок и на все города и деревни, принадлежавшие моим предкам, основаны на акте императора Оттона, пожаловавшего трем братьям Коломбо эти владения и феодальные права на них за военные услуги, оказанные империи. В 1341 году маркиз Монферратский даровал привилегии Энрико Коломбо, моему прадеду. Из подлинных имперских документов видно, что моя семья пользовалась могуществом и славой в середине десятого столетия, но происхождение ее гораздо более древнее: моим прямым предком был Колоний, римский полководец, победитель понтийского царя Митридата, приведший его пленником в Рим и заслуживший почетный триумф и консульские знаки отличия. Со временем имя Колоний превратилось в Коломб или Колумб. Именно для того чтобы восстановить это славное имя и отличить себя от других членов семьи, я стал называть себя Колоном. Мой дед, подобно многим другим благородным лигурийцам и ломбардам, пустился в морские предприятия, но потерпел неудачу. На этих делах он потерял значительную часть своего состояния, а остальное погибло от войн и гражданских смут. Но все доблести, которыми они гордились на протяжении веков, Колумбы сохранили и поныне: два моих двоюродных брата, старше меня возрастом—адмиралы. Вместе с одним из них, на борту его корабля, я проделал морскую кампанию. С другим же я плавал с целью исследования океана. Король Ренэ доверил мне командование одной из своих военных галер, и я сражался за него.

Отец Антонио де-Марчена разглядывал Колумба с смешанным чувством удивления и восхищения. Ведь он принял его сперва за

С74 599
Российская государственная детская библиотека

простого кормчего! После всего услышанного пришелец вырастал в его глазах в важную особу, посещение которой являлось честью для монастыря и его скромных обитателей.

— Вы меня извините,—сказал он,—всего этого я не знал... Имея подобных предков и пользуясь примером и советами ваших знаменитых родственников, вы можете стать когда-нибудь великим мореплавателем...

— Я пустился в плавание с четырнадцати лет,—продолжал рассказывать Колумб,—и с того времени я ни разу не изменил морю. Я неотступно занимаюсь только этим. Мореходная наука порождает в своих служителях жажду открывать тайны вселенной. Вот уже более двадцати лет, как я плаваю. Я плавал по всем морям, в каких когда-либо бывали мореплаватели... Я много беседовал с учеными, духовными и светскими, латинянами и греками, евреями и маврами и людьми разных других исповеданий. От природы я одарен некоторой сообразительностью; в науке мореходства я приобрел обширные познания, и в астрономии, геометрии и арифметике смыслю, сколько это мне нужно. Я не чужд также искусству рисовать географические карты и в надлежащем месте наносить на них города, реки, горы, острова и гавани... Я прилежно изучал космографию, историю, философию и другие науки. В нашем деле всякое знание полезно. Алонсо Санчес, не отличаясь знатностью происхождения, был тем не менее человеком образованным, хотя свои знания он почерпнул скорее из собственного житейского опыта, чем из книг. Какое несчастье, что он так преждевременно погиб! Он без сомнения открыл бы острова...

— Конечно!—воскликнул монах.—Я убежден, что он сумел бы вернуться на Антилию...

— Помимо Антильских,—прервал его Колумб,—есть очень много других островов, которые можно было бы открыть,—островов, изобилующих золотом, драгоценными камнями, благовонными веществами и пряностями... На их существование указывают столько достоверных признаков, что было бы безумием этому не верить. Мало ли раз западные ветры пригоняли на побережье Порто-Санто деревянные изваяния причудливой формы, вырезанные не металлическими инструментами и сделанные явно не руками христиан,—или тростник незнакомой породы, до того толстый, что в пространство между двумя коленами, можно было бы влить девять графинов вина... Несколько подобных

Фундамент. библиотека Дет. отделение Моск. Госуд. Университета
Научная библиотека

тростников хранятся у моего свояка Педро Корреа, и у короля португальского они тоже есть: он мне их показывал как-то, когда мы с ним беседовали о предстоящих открытиях. Затем, вы вероятно знаете, что к этим берегам, а также и к Азорским, волнами прибивало сосны совсем отличной породы от тех, что растут в ныне известных странах. В водах этого архипелага случалось даже находить трупы людей, чрезвычайно широкоскулых, видом своим совсем непохожих на христиан, а также и нетонущие челноки или пироги с каютой, очень своеобразной формы... Но недостаточно ли и этих фактов, чтобы перестать сомневаться в существовании на западе островов, лежащих за теми, которые уже открыты и заселены испанцами и португальцами? Некоторые из них вне сомнения принадлежат к разряду пловучих островов, — вроде тех, о которых упоминают Плиний и Сенека. Жителям Азорских и Канарских островов они бывают издали видны в известные времена года и притом всегда на западе. Не так давно один кормчий, по имени Доминго де-Арко, видел пловучую землю к западу от Мадеры. Он обратился к королю с просьбой снабдить его средствами для дальнейших изысканий, и тот уважил его просьбу...

После некоторого молчания монах заговорил:

— Я никогда не верил в существование пловучих островов, не верю и теперь. И тот, который бывает виден с Лас-Пальмас, не является ли он всего лишь отражением острова Ферро на каком-нибудь облаке?.. И тем не менее то, что он там находится, подтверждают столько серьезных лиц, неспособных дать себя ввести в обман миражу, что порой не знаешь, что́ и думать... Есть так много поразительных и необ'яснимых явлений, в существовании которых... в то же время... нельзя усомниться, что и в данном случае нельзя притти к заключению,—правда это или вымысел. Мы живем в эпоху, богатую открытиями. Многим мореплавателям случается сейчас открывать такие чудеса, такие сокровища, которых нет и никогда не было в Европе. Но,— знаете ли?—не им принадлежит честь этих открытий! Они лишь вновь находят то, что уже было открыто другими за пятьдесят, за сто или даже за тысячу лет до них... Возьмем Гвинею, „открытую“ португальцами. Уже за сорок лет до того, как они впервые вступили на гвинейский берег, существовали карты мира, где эта береговая линия была обозначена. Теперь они надеются добраться до царства пресвитера Иоанна, до Индии,—

и что же?—этот путь тоже обозначен на тех же картах, Если эти карты оказываются такими точными, португальцам остается лишь ими руководствоваться. На южной оконечности Африки, имеющей форму треугольника, находится мыс Диаб. Пусть обогнут этот мыс и плывут по направлению к Индии, держась все время Софалийского берега и Лунного острова, который размерами своими превосходит Испанию. Никто не знает, ни того, кто первый высадился на этом острове, ни того, каким образом это открытие дошло до картографов, пометивших его на своих картах. Но известно, что честь открытий в 1346 году Рио-дель-Оро принадлежит каталонцу Хаиме Ферреро. Что же касается мыса Диаб, то его мы находим на планисфере Марино Сануто от 1306 года и на карте фра Мауро, составленной лет тридцать пять назад. Один древний историк повествует о том, как финикийские мореплаватели, пройдя Гибралтарский пролив, плыли вдоль берегов Африки и вдруг, по их словам, солнце оказалось с правой стороны от их корабля. Этот историк добавляет от себя, что сам он этому не верит. Меж тем об'ясняется это странное явление очень просто: финикияне обогнули мыс Диаб и плыли по направлению к Лунному острову.

— На этих картах,—продолжал отец Антонио,—изображены и другие земли. По одной надписи можно судить, что в Индийском море свыше пяти тысяч островов. И немало есть таких, которые гораздо ближе к нам! Нужно лишь дать себе труд отыскать их. Не надо даже изобретать для них названий,—они уже их имеют, как например Антилия и Бразилия. Острова, расположенные у Зеленого мыса, еще до открытия их португальцами фигурируют на картах под именем Зеленых островов. Мадера, на одной карте 1351 года, то есть за полвека до открытия этого острова, обозначена названием, переведенным с итальянского *Isola di legno*[1]. Но самое замечательное и непонятное, это то, что на карте, нарисованной в 1434 году вашим соотечественником, генуезцем Бедэром, обозначена Антилия и притом, с надписью *Isola novo scoperta*—недавно открытая... Это очень странно! Ведь это открытие произошло еще в 1414 году, и совершил его испанский мореплаватель, самый знаменитый картограф нашего времени и вместе с тем превосходный моряк—Мартин Богемец, с которым я имел счастье беседовать несколько

[1] Остров деревьев.

лет назад, во время его пребывания в Гуэльве. Двумя годами позже Бедэра, другой итальянец, по имени Андреа Бианко, нарисовал карту, где название Антилии сопровождалось надписью: *Questo he mar de Spagna...*[1].

— Этого не может быть!.. — воскликнул Колумб и вскочил, словно пораженный неожиданным и страшным ударом.

— Почему бы и нет?—спокойно возразил отец Антонио.— В том случае, если испанец вступил во владение этим островом,— как это повидимому и было, — море, омывающее эти берега, должно быть по праву признано испанским...

— Хорошее право, нечего сказать, когда остров попрежнему остался необследованным и когда законного ввода во владение им не было произведено!

— Э, дорогой синьор, подумайте только, чем была Испания в 1414 году! У ее властителей были заботы поважнее, чем устройство морских экспедиций... Но раньше чем память об этом открытии изгладилась из умов, один картограф занес этот остров на свою карту. Будучи итальянцем он тем не менее великодушно признал безусловное право на Антилию за Испанией. И вот этот-то остров стоил теперь жизни одному из наших моряков, бедняге Алонсо... Итак, как вы видите, у нас уже два случая открытия одного и того же острова. Я не касаюсь уже легенды о семи епископах, якобы открывших его... Передают будто португальцы недавно пытались его найти, но безуспешно. У меня правда на этот счет очень скудные сведения. Быть может вам известно по этому поводу что-либо более определенное, поскольку вы сейчас прибыли из Португалии? Рассказывают, что в одной из португальских экспедиций принимал участие некто, по имени Педро де-Веласко, родом из Палосского порта. Я лично его не знаю, он еще в ранней молодости покинул этот край и больше сюда не возвращался...

Христофору Колумбу было известно все, что происходило за последние три-четыре десятилетия в мире португальских мореплавателей, в особенности же то, что касалось Антилии; этими сведениями он не замедлил поделиться с отцом Антонио.

Педро де Веласко был, по его словам, лоцманом у мореплавателя Диего де-Тэйва, отправившегося, еще при жизни принца Энрике, на поиски Антилии. Он отплыл на сто пятьдесят лье

---

[1] Здесь находится Испанское море.

к юго-западу от Файаля, затем вернулся той же дорогой, и на обратном пути открыл остров Флорес. Около 1472 года он уступил права на этот остров своему соотечественнику Фернандо Теллесу, и король Альфонс V утвердил эту передачу и предоставил Теллесу исключительное право на открытие островов и материков за пределами гвинейских вод. В том числе пожалован ему был и Остров Семи Городов, но достичь его ему не удалось. Он тем не менее утверждал, что открыл остров, который должен был, по его словам, быть недалеко от Антилии. Но он никогда туда больше не возвращался, и не было произведено ни заселения этого острова, ни узаконенного, именем короля, ввода Теллеса во владение этим островом. Точное расположение последнего не было даже занесено ни на одну мореходную карту.

— Алонсо Санчес, будь он жив, безусловно туда бы вернулся!— повторил монах.—Он-то уж наверно знал, где остров находится... И тогда эти воды стали бы по праву Испанским морем. Ах, кто теперь сумеет его заменить!..

Колумб приподнялся было резким движением, точно собираясь что-то сказать, но потом, не произнеся ни слова, опять опустился на скамью.

И моряк, и монах, оба склонились над картами. Отец Антонио указывал своему собеседнику те места, о которых только-что шла речь:

— линию африканского берега, в ту пору еще не открытого, продолженную на карте до мыса Диаб;

— другой мыс, впоследствии названный мысом Доброй Надежды, открытый год спустя Бартоломео Диасом и который Васко де-Гама обогнул в 1497 году;

— далее, за этим мысом, на восток—Софалийский берег и огромный Лунный остров, который, будучи открыт позже, получил название Мадагаскара;

— необ'ятный Индийский океан, кишащий бесчисленными островами, хотя еще и неимевшими названия, но которые в отдаленные времена посещались очевидно мореплавателями, так как нельзя было бы предположить, что картографы сами догадались об их существовании;

— Бразилию, изображавшуюся картографами того времени в виде острова, и относительно местонахождения которой царило среди них разногласие;

— наконец Антилию—таинственную и недосягаемую, омываемую морем, названным Испанским.

По мере того как оправдывались одно за другим предсказания, заключенные в этих картах, все сильней и сильней воспламенялось воображение португальцев и прибрежных жителей Испании. В правоте этих пророчеств было нечто потрясающее.

Сотни тысяч людей оказались охвачены новыми надеждами, планами, стремлениями—как материального, так и духовного порядка: прелестью неизведанных приключений, жаждой опасности и славы, желанием обогатить родную страну, надеждой расширить научные знания,—не говоря уже о надежде поживиться богатствами, скрытыми в этих таинственных землях...

Некоторые героически настроенные моряки грезили о возможности плыть, не поворачивая, до тех пор, пока не возвратятся в то же место, откуда они начали свое плавание,—потому что в Испании, как и в Португалии, никто уже не сомневался в том, что земля имеет форму шара. „Все согласны с тем, что земля имеет круглую форму"—писал ученый Эней Сильвий Пикколомини, ставший впоследствии папой, под именем Пия II. И этого взгляда придерживались одинаково и духовные и светские исследователи.

Отец Антонио де-Марчена и некоторые другие монахи Рабидского монастыря, во главе с его настоятелем Хуаном Пересом, посвящали все свое свободное время изучению вопросов мореплавания и открытия новых земель.

Отец Антонио, будучи человеком рассудительным и уравновешенным, умел во всем, что устно или письменно до него доходило, отличать истину от выдумок. По некоторым фразам, даже по жестам своего собеседника, он заметил, что тот часто переходит грань, отделяющую народные бредни и легенды от установленных фактов и научно допустимых возможностей. Это обстоятельство не мешало впрочем Христофору Колумбу оставаться в его глазах важной особой, искусным и сведущим мореплавателем. В этом отношении он, как мы знаем, резко разошелся в оценке Колумба с лоцманом Франсиско Вальехо. Но можно ли вообще не поддаться влиянию той атмосферы, в которой живешь и которая целиком проникнута потоком вымыслов и фантазий, разделяемых всем народом! Не упивался ли и сам

отец Антонио чтением Марко Поло, где впрочем не все сплошь должно быть отвергнуто, и „Книгой о чудесах вселенной“ Жана де-Мандвилля, имевшейся у него в итальянском переводе!

Не раз грезил он с открытыми глазами об Антилии, куда семь испанских епископов увезли свою паству и выстроили семь городов. И он без улыбки слушал одного моряка, рассказывавшего ему, что вокруг Антилии находилось много других островов, которые к моменту прибытия туда епископов, были заколдованы и обращены в гигантских морских птиц, из которых некоторые приближались к Канарским и Азорским островам... Эти птицы и есть пловучие острова. И они снова превратятся в земли и займут свое постоянное место около Антилии, когда все мавры будут изгнаны из Испании...

Сейчас же в своей маленькой библиотеке, где прошлое и будущее было начертано на картах и описано в книгах, монах больше чем когда-либо, старался не давать над собой воли этим пьянящим мечтаниям, потому что чувствовал, что его собеседник мог бы с новой силой увлечь его.

Долгое время мысли и взгляд Колумба были прикованы к одной из карт. Затем он принялся нетерпеливо перелистывать книгу Мандвилля.

— Это увлекательный писатель,—сказал отец Антонио,— хотя еще мало известный—по крайней мере у нас. О, здесь нет недостатка во всякого рода сказках, слышанных им в разных местах или даже им самим сочиненных! Но немало здесь и очень верных наблюдений. Я могу вам дать прочесть эту книгу...

Колумб казалось не слышал его. Внезапно он оторвался от книги и прошептал, словно про себя:

— Но ведь и я открыл острова...

— Вы?—воскликнул пораженный монах.—Вы сделали тайные открытия?

— Тайные... да, - пока по крайней мере... Если вы под этим подразумевается, что для этого у меня не было ни от какого короля ни охранительных грамот, ни специальных разрешений... Но я понятно сумею добиться узаконения и уже сделанных открытий, и тех, которые я предполагаю совершить и конечно совершу... Я уже сделал предложение королю португальскому и имел с ним по этому поводу ряд совещаний. Но я не в силах

был настоять на своем: он остался слеп и глух к моим предложениям. Он счел мои требования чрезмерными...

— А что вы у него просили?

— Титул генерал-адмирала океана, пожизненное вице-королевство над всеми уже открытыми мной землями, а также и теми, которые я открою впоследствии, десять процентов всех доходов от этих земель и право назначения губернаторов; все эти права должны передаваться по наследству и на вечные времена быть сохранены за моей семьей.

Эти требования Колумб изложил невозмутимым тоном, исполненным уверенности в своей правоте.

Монах, молча и в замешательстве, глядел на него.

— Неужели,—произнес он наконец,—могли вы надеяться, что король согласится на подобные привилегии на вечные времена? Предположим, что вы сумеете открыть острова такие же обширные и богатые, как например Лунный остров, и впоследствии эти земли будут заселены португальцами и другими европейцами. Что же получится?—Вы и ваши наследники можете стать могущественнее самого короля...

— Поверьте, падре, что я требую себе лишь по заслугам. Земли, которые я уже открыл и которые в моей власти так же прочно, как если бы они были у меня в руке, а также и те, в открытии которых я совершенно уверен,—стоят того, чего я прошу. В моей семье уже есть два адмирала—я буду третьим. Выслушайте меня, падре, я доверяю вам и говорю с вами совершенно искренно. Я призван выполнить предназначение, и нет такой человеческой силы, нет такой преграды, которая бы меня от этого удержала!.. Чтобы посвятить этому всего себя, я порвал все узы, не исключая даже семейных. Я покинул в Лиссабоне жену и многочисленных детей, которых быть может я уже никогда не увижу, и взял с собой лишь старшего сына, чтобы дать ему в Испании воспитание, достойное будущего вице-короля всех земель и островов, которые я подарю кастильской короне.

— А если королева отвергнет ваши притязания? Ведь вы требуете очень многого...

— Я ни на пядь не отступлю в своих требованиях, хотя бы для этого мне пришлось до последнего издыхания колесить по всем королевствам, республикам и вольным городам христианского мира. Если королева кастильская не согласится подтвердить королевским указом и охранными грамотами все, что я

у нее прошу, ну, что ж!—я захвачу своего маленького Диего и отправлюсь к королю Франции или же к английскому королю!..

* * *

От Алонсо Санчеса Христофор Колумб узнал не только о том что Антильский остров в действительности существует, но также и то, что он расположен на расстоянии от семисот до семисот пятидесяти лье, по прямой линии, к западу от Канарских островов.

Умирая, кормчий просил Колумба передать его последний привет отцу Антонио де-Марчена, одному из лучших космографов Кастилии, обладавшему обширными познаниями в науке мореходства. Он добавил, что настоятель монастыря Рабиды отец Хуан Перес тоже является выдающимся космографом и пользуется большим доверием королевы, духовником которой он состоит.

Располагая этими ценными указаниями, открывшими перед ним возможность успеха, Колумб поспешил отправиться в Рабидский монастырь. Отсюда он предполагал отвезти своего сына Диего в Гуэльву к своей свояченице донне Виоланте Бриоланхе Молиар, а затем направиться в Севилью, где находился королевский двор, чтобы там попытаться получить аудиенцию у королевы.

Диего был его единственным сыном. Все, что он рассказывал отцу Антонио о жене и многочисленных детях, оставленных им в Лиссабоне, чтобы беспрепятственно отдаться своей высокой задаче,— было выдумкой—и притом не единственной, имевшей целью тронуть сердце и поразить воображение монаха.

На доверчивого отца Антонио этот незнакомец, которого он принимал за благородного лигурийца, произвел очень сильное впечатление, которое еще усилилось во время следующей беседы. О своих научных познаниях, о своем опыте мореплавателя, о славном прошлом своей семьи, об открытиях, им уже совершенных и тех, которые он собирался совершить, Колумб говорил с такой уверенностью и непринужденностью, что у слушателя не могло возникнуть на этот счет никаких сомнений. „Что ж!—думал отец Антонио, привычный к зрелищу человеческих слабостей,— у него необузданное воображение, он любит

похвастаться, в нем чувствуется некоторая, свойственная аристократам, кичливость,—что ж из этого? У каждого из нас есть свои недостатки...“

В палосской таверне Колумб допустил грубую ошибку в определении места расположения форта Мины и тем дал основание простому кормчему решить, что он ложно выдает себя за ученого и опытного мореплавателя. Здесь же, в монастыре, он ни в этой беседе, ни в последующих ни разу не допустил какой-либо ошибки, могущей броситься в глаза монаху и внушить ему какие-либо подозрения.

Отец Антонио пригласил Колумба погостить несколько дней в монастыре. Тот с радостью согласился: подобное предложение очень соответствовало его желаниям. Отец Антонио отличался такими большими познаниями в морском деле, а в его библиотеке было столько интересных книг, манускриптов и карт!

Все послеобеденное время напролет упивался он этими перлами мореходной науки.

Лихорадочно переходил он от одной книги к другой, словно хотел все их поглотить сразу. Имя автора или название какой-нибудь книги внезапно приковывали его внимание, он хватался за нее, перелистывал несколько страниц и, не найдя в ней того, что искал, сейчас же ее отбрасывал, не думая о том, что в другой главе могли содержаться интересующие его сведения. По всему было видно что это человек, одержимый одной основной идеей, вокруг которой вращались все его мысли. Наконец, он набрел на „Книгу о чудесах вселенной“ и с головой ушел в ее чтение.

Когда отец Антонио возратился в библиотеку, Колумб невидящим взглядом смотрел перед собой и казался погруженным в мир грез. Перед ним книга Мандвилля была открыта на странице, озаглавленной: „Царства, находящиеся между четырьмя реками, вытекающими из земного рая“.

„...Направляясь дальше к востоку, попадают в страну высоких гор и скал, где не бывает ни дня, ни ночи—это царство тьмы. И тянется это царство до самого земного рая, который отстоит оттуда недалеко. Этот восток—не наш восток, потому что мы этим именем обозначаем место, где восходит солнце. Но восток есть действительно начало земли, потому что, когда у нас день, там царствует ночь, что объясняется круглой формой земли. Создатель сотворил землю круглой, и в самой середине неба... Мудрецы утверждают, что земной рай—самое

возвышенное место на земле. Он настолько высок, что почти достигает орбиты луны, по которой она совершает свой путь, и воды потопа, покрывавшие всю землю с самыми высокими горами, не могли до него достигнуть. Земной рай со всех сторон окружен стеной, неизвестно из чего сделанной, но кажется будто она из пены, не видно в ней ни камней, ни других твердых веществ. В этой стене есть только один вход, окруженный пылающим пламенем, так что ни один смертный не мог бы проникнуть внутрь. В середине же, на самой вершине, находится источник, откуда вытекают четыре реки, бегущие в разные земли. Первая река называется Флизон или Ганг, что одно и то же, и течет она в Индию; в этой реке много драгоценных камней, деревьев алоэ и золотого песку. Другая река имеет название Гийон и протекает по Эфиопии и Египту. Третья называется Тигром и протекает по Ассирии и Большой Армении. Четвертая зовется Евфратом и протекает по Мидии, Персии и Малой Армении. Утверждают, что все пресные воды на земле берут свое начало от этих четырех рек".

— Бросьте, сударь!—с улыбкой произнес отец Антонио, дружески опустив руку на плечо Колумбу.—Отдохните-ка немного от ваших странствий. Этот Мандвилль—забавнейший рассказчик всяческих небылиц, он утверждает, что земной рай почти соприкасается с луной! В этой книге есть главы более занимательные, чем та, которая привлекла ваше внимание. В одном месте он например рассказывает о человеке, совершившем путешествие вокруг света и проплывшем для этого море с пятью тысячами островов. Было ли и в самом деле совершено это путешествие? Не знаю... Важно то, что оно могло быть совершено, потому что земля кругла. Скажите, свои открытия вы совершили тоже в Индийском море, и туда вы собираетесь возвратиться? Если это так, то подобная попытка может оказаться рискованной и во всяком случае неосторожной, если вы предварительно не заручитесь грамотами от короля португальского...

— Не говорил ли я вам уже, отец мой, что этот король остается глух и слеп к моим предложениям? Один лишь бог да я—мы будем знать, где искать мои острова! Я пренебрегу всеми опасностями, чтобы их отыскать! Я знаю, что они существуют, что они необычайно плодородны, богаты золотом, серебром и жемчугом...

— Поскольку дорогой на юг владеют португальцы, вам остается лишь путь на запад, и на этом пути вы найдете и Антилию, и ее архипелаг, а если проникнете дальше, то и Сипанго, царство Богдыхана, и прочие земли, которые посетил Марко Поло...

Колумб не ответил. Он с большим жаром говорил о своих островах, но всегда хранил молчание, когд речь заходила о том, где они находятся.

Отец Антонио заговорил с ним о тех затруднениях, которые могут встретиться ему на пути. При этом монах отнюдь не преследовал цели отбить у Колумба охоту к осуществлению задуманного тем предприятия, но лишь хотел предостеречь его от неизбежных в первое время разочарований и побудить его заручиться покровительством влиятельных лиц при дворе. „Трудно предположить,—думал отец Антонио,—что достаточно Колумбу встретиться с королевой, чтобы сразу получить от нее и корабли, и экипаж, и крупную сумму, какую должна будет поглотить организация подобного предприятия“.

— Подумайте о том,—сказал он Колумбу,—что сейчас единственной заботой испанской королевской четы является война с маврами. Они успокоятся не раньше, чем последний неверный будет изгнан за пределы Испании. И эту войну им приходится вести в исключительно тяжелых условиях: королевская казна пуста, порядок внутри государства еще не восстановлен, разбойники угнетают и грабят сельское население, сеньоры, многие из которых богаче своих суверенов, строят против них козни или уже открыто восстали... Никогда еще делу освобождения и восстановления Испании не угрожало столько опасностей, как в наши дни. Но, с другой стороны, никогда у Испании не было и такого великого правителя, как королева Изабелла... О, я уверен,—воскликнул монах,—что она выйдет победительницей, она одолеет и мавров, и мятежных аристократов, и вооруженные шайки разбойников... Она совместно со своим супругом сама руководит военными операциями и редко покидает поле военных действий. Двор все время переезжает с места на место. В декабре он находился в Севилье, и туда она и вызвала приора Хуана Переса. Он без сомнения сумел бы устроить вам аудиенцию у королевы. Но сейчас уже середина января, и я не знаю, не переехал ли уже двор в другое место. Был слух, что испанские армии возобновили свое победное наступление

и осаждают одну из твердынь мусульманского владычества. Если это так, то вам не удастся увидеться с королевой, разве только она сама пожелала бы вас вызвать к себе.

— Я еду завтра,—сказал Колумб.—Будем надеяться, что она еще в Севилье. Я везу с собой рекомендательные письма к флорентинцу Жуаното Берарди, банкиру и арматору [1], постоянно живущему в Севилье.

— Что ж, это человек очень богатый, а следовательно и влиятельный. Отец Хуан Перес, к которому я вам дам письмо, сумеет ввести вас к герцогу Медина-Цели. Ах, если считать богатством дворцы, корабли, сундуки, наполненные золотом и драгоценностями, то по сравнению с герцогом королева Изабелла—очень бедна! Герцог в состоянии конечно оплатить такую экспедицию, о которой вы и мечтать не смеете. У королевы же нет сейчас свободных средств. Но в смысле денег и тех возможностей, которые они открывают, могущественнее Жуаното Берарди, могущественнее герцога Медина-Цели и не менее богатого герцога Медина-Сидонии, могущественнее короля Арагонского—марраны [2].

— Марраны?

— Да. В королевстве Арагонском влияние их огромно. Король Фердинанд не может без них обойтись, потому что одалживает у них деньги. Поэтому он должен был доверить им высокие государственные должности. Из Арагонии они распространили свое влияние на Леон и Кастилию, и королева оказывает им покровительство и поддержку. Так вот, есть такой марран Люис де-Сантанхель. Инквизиционный трибунал возбуждал против него преследование, но он оказался сильнее трибунала. Сейчас он состоит членом королевского совета, казначеем священной Германдады, канцлером и генеральным контролером Арагонского королевства. Затем есть Хуан Кабреро, шамбеллан и тайный королевский советник, есть Хуан де-Колома, секретарь его, и Габриэль Санчес, его главный казначей,—и много, много других марранов... Один уж Сантанхель достаточно богат, чтобы снарядить любую экспедицию в королевство пресвитера Иоанна и к богдыхану, и к пяти тысячам островов Индийского моря...

---

[1] Судовладелец.

[2] Богатые испанские евреи, принявшие христианство.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Происхождение Колумба. Его жизнь в Португалии. Путешествие за Фуле. Его планы открытия новых островов

ВСЕ ТО, что Христофор Колумб рассказал отцу Антонио де-Марчена:

о своем знатном происхождении, своих предках, консуле Колонии, герцогах Куккарских, о своих двоюродных братьях адмиралах,

о личных своих подвигах и командовании военной галерой короля Ренэ,

о своих всеоб'емлющих познаниях,

о своих плаваниях, начиная с 14-летнего возраста, по всем морям,

об островах, будто бы им открытых,

— все это было им вымышлено.

В первый же день своего прибытия в Испанию он дополнил новыми выдумками легендарные события, план которых он набросал еще в Португалии. Но и это еще не много, по сравнению с тем, что он будет говорить и писать в дальнейшем. Толкаемый своим необузданным воображением и уязвленной гордостью, он назовет себя посланником божьим, станет толкованием библии доказывать правильность своих предположений и вычислений, и превратит Христа в соучастника своих исторических, географических и религиозных заблуждений.

Эту легенду, в дальнейшем, расширят и укрепят его первые два биографа—его сын Фернандо и друг Лас-Казас. Другие историки будут еще прибавлять, каждый—свое, и все это здание будет закончено в середине девятнадцатого века. Жизне-

описание Христофора Колумба окажется одной из самых необычайных, блестяще удавшихся исторических мистификаций. В ней ни в чем не будет недостатка,—ни даже в ореоле святости.

В результате стараний самого Христофора Колумба затуманить умы своих современников, и благодаря басням и выдумкам, сочинявшимся затем в течение трех с половиной столетий, с целью возвеличить Колумба и унизить испанский народ,— восстановить истину представляется теперь делом не легким. Многое продолжает оставаться неясным, особенно же то, что касается происхождения и юности Колумба.

Представляется удивительным, что в отношении столь знаменитого человека, биография которого написана его сыном и другом на основании огромного числа документов и заметок, им самим сделанных, приходится задумываться над тем, где и когда он родился и кто были его родители. И против каждой версии есть свои возражения.

Колумб никогда никому не говорил о своем возрасте, даже своему сыну, а если последний что-либо и знал, то также хранил по этому поводу молчание. Были сделаны попытки установить дату его рождения путем сравнения разных документов, где он говорит о годах, проведенных им в плавании и на службе испанских королей. Но эти данные полны противоречий.

Он всегда похвалялся знатностью происхождения, называл себя лигурийцем, избегая при этом точно указывать, в каком городе или деревне Генуэзской республики он родился. Фернандо Колумб, перечисляя различные местности, оспаривающие друг у друга право называться родиной Колумба, ни одной из них не отдает предпочтения и приходит к выводу, что сам адмирал пожелал сохранить в тайне место своего рождения.

Все же есть много оснований предполагать, что он был лигурийцем, родился в 1451 году в Генуе и являлся сыном Доменико Коломбо, ткача и трактирщика, и законной жены последнего Сусанны Фонтанаросса. Мы не настаиваем на этом утверждении, но рассматриваем эту версию как наиболее приемлемую.

Детство и юность он провел в родительском доме, в Генуе, а затем переехал в Савону, где изучал ремесло отца. Мы застаем его там еще в 1473 году, в возрасте 22 лет, когда, согласно легенде, им самим созданной, он уже должен был командовать

военной галерой короля Ренэ. Не с большими ли основаниями приписывалось ему участие в 1459 году в морских сражениях, на корабле Коломбо младшего, одного из двух адмиралов, на родстве с которыми он настаивал и которые были на самом деле не генуэзцами, а греками? А ведь в это время Колумбу было всего девять лет...

Возможно, что молодой ткач совершил несколько поездок по Средиземному морю, но конечно не в качестве моряка, а с торговыми целями. Весьма вероятно, что он принимал участие в одной или нескольких экспедициях, организованных крупными генуэзскими арматорами на острова Архипелага, и все указывает на то, что в 1475 году он посетил Хиос. Лишь начиная с следующего года история его жизни выходит из области предположений и легенд.

В 1476 году четыре генуэзских галеры, принадлежавшие лигурийским арматорам Джиорджио-Антонио ди-Негро и Николо Спинола, вышли из генуэзского порта с грузом разных товаров, предназначенных к продаже в Англии. В ту эпоху крупные коммерсанты сами, обычно, сопровождали свои товары за границу, с тем, чтобы принимать участие в их продаже. Мелкие же торговцы и экспортеры вступали между собой в соглашение, поручая продажу товаров и защиту своих интересов кому-либо из своей среды, который и отправлялся с грузом. И вот таким образом Христофор Колумб отплыл на одной из торговых галер компании Негро-Спинола, с целью продажи в Англии шерстяных товаров.

Недалеко от мыса св. Викентия корабли, шедшие все вместе, подверглись нападению со стороны соединенной франко-португальской флотилии, находившейся под командой французского адмирала. Завязалось настоящее морское сражение, потому что в те времена не было особой разницы между военными кораблями и коммерческими, и последние отправлялись в дальнее плавание вооруженными, чтобы иметь возможность обороняться от пиратов и корсаров, наводнявших моря.

В происшедшей битве две генуэзских галеры были потоплены; на одной из них находился Колумб. Почти все матросы и пассажиры утонули. Колумбу, несмотря на полученные им раны, удалось вместе с немногими другими добраться до берега. Адмирал, пустивший ко дну такое количество моряков и торговцев с их товарами, и едва не лишивший жизни Христо-

фора Колумба, был никем иным, как Гасконом Гюйомом де-Казенов, по прозвищу Кулон, или, по-итальянски, Коломбо— одним из тех двух адмиралов, на родстве с которыми настаивал сам Христофор Колумб, и под начальством которого он будто бы служил...

Достигнув земли, Колумб нашел себе пристанище в ближайшей деревне, где некоторое время оправлялся от простуды ног, схваченной им в холодной воде, от нескольких ран, полученных им в битве, и от пережитых потрясений. Затем он направился в Лиссабон, где, как он знал, проживало много генуэзцев. Там он встретил со стороны своих соотечественников настолько радушный и любезный прием, что порешил поселиться в этом городе. В конце того же 1476 года Колумб предпринял поездку в Англию на одном из тех кораблей, которые после морского сражения при мысе св. Викентия укрылись в Лиссабонской гавани.

В Англии, по его рассказам, он видел много достопримечательного, например:

„...в Гельвее, в Ирландии, мы видели, как к берегу подплыли, держась за обломки судна, мужчина и женщина редкой красоты, приплывшие с запада“; там же он встречал людей, прибывших из Китая...Уж тогда его воображение было покорено Китаем, азиатскими странами, в которых бывал Марко Поло, сказочными западными островами...

Это путешествие в Англию молодого коммерсанта не возбуждает сомнений. Но что сказать о дальнейшем? Колумб утверждает, что посетил Исландию, остров Фуле—*Ultima Thule* [1], и что был даже на сто лье севернее—и это-то на галере, груженной товарами! Будь это так, он должен был бы оставить позади себя остров Иоанна Мауена!

Это путешествие за „Предельное Фуле“ было выдумано Колумбом в тот период его жизни, когда он в произведениях языческой древности, в библии и в писаниях отцов церкви пытался найти такие цитаты, которые, в его истолковании, должны были пророчествовать о появлении „посланника божьего“, за которого он хотел себя выдавать.

---

[1] „Предельное Фуле“—остров, считавшийся предельной землей на севере; повидимому расположенный к северу от Исландии остров Иоанна Мауена.

* * *

После кратковременного пребывания в некоторых английских портовых городах, генуэзский корабль пустился в обратное плавание в Средиземное море, и высадил Колумба в Лиссабоне.

Здесь, некоторое время спустя,—рассказывают его биографы,—на него обратила внимание некая молодая особа благородного происхождения, Фелипа Монис; она завязала с ним знакомство и под конец исполнилась к нему такой привязанности, что согласилась выйти за него замуж. Это супружество продолжалось всего лишь год: Фелипа умерла вскоре после рождения сына, Диего.

Только после женитьбы, в возрасте двадцати семи лет, Колумбом овладела страсть к морским путешествиям, и у него созрел проект открыть новые земли в западной части Атлантики. Согласно легенде, созданной его сыном Фернандо и Лас Казасом, пробуждением подобных стремлений Колумб обязан встрече с родственниками и друзьями своей жены и главным образом изучению карт и рукописей, оставшихся по смерти его тестя, также бывшего будто бы знаменитым мореплавателем и космографом, открывшим Порто-Санто. Именно тогда,—утверждают они,—было положено начало открытию Нового Света. Только после изучения этих документов Колумб будто бы проникся убеждением, что на западе от Канарских островов и Зеленого мыса расположены многочисленные острова, и что открытие их представляется делом осуществимым. На самом же деле все было совершенно иначе.

Фелипа была дочерью Бартоломео Перестрельо и Изабеллы Монис и, согласно португальским обычаям, приняла фамилию своей матери, так как та была более знатного происхождения, чем отец. Перестрельо, будучи в молодости приближенным принца дона Энрике, принимал участие—но не в открытии, а в первой неудачной попытке колонизировать Порто-Санто, в 1420 году. Вернувшись в Лиссабон, он здесь обосновался и прожил около двадцати пяти лет, а затем в 1446 году был назначен потомственным правителем острова—должность, соответствующая званию губернатора. Этой честью он был обязан покровительству всесильного епископа Лиссабонского, Педро де-Норонья, возлюбленного двух сестер Перестрельо, от которых он имел многочисленных детей, впоследствии им усыновленных.

Бартоломео Перестрельо, не будучи ни мореплавателем, ни космографом, ни открывателем новых земель, не мог оставить после себя ни рукописей, имевших отношение к открытиям, ни иных морских карт, кроме тех, которые были тогда обычно в ходу. Для того чтобы прийти к предположению, что в неисследованной западной части океана существуют не открытые еще острова, Колумбу вовсе не нужно было наследовать архив великого мореплавателя; подобными сведениями, перемешанными со всякого рода небылицами, были полны все прибрежные города и села Испании и Португалии. Это предание, перешедшее сюда из Греции, восходит к глубокой древности, и своим источником имеет путешествие финикиян; последние, пройдя по всей вероятности Геркулесовы столбы, попали на острова, которые народная фантазия одарила названием Счастливых. Поэтому и мистики средневековья превратили те же самые острова в убежище гонимых святых, нашедших там покой и счастье.

Некоторые картографы даже поместили туда земной рай.

Потом настало время, когда португальцы вступили на путь открытий этих островов и африканского материка.

Португальский принц дон Энрике сумел привлечь к себе на Сагресский мыс не только отечественных, но также и итальянских и испанских мореплавателей, космографов и ученых, и снарядил оттуда большое количество экспедиций к африканским берегам. Уже первые результаты этих экспедиций, тщательно задуманных и выполненных, вызвали в середине пятнадцатого века необычайный энтузиазм, охвативший население всего португальского побережья. Поднялась настоящая горячка открытий, подобно тому, как в более поздние времена и в других странах возникала золотая или алмазная горячка.

Дон Энрике сумел гениально использовать всякие стремления, материальные и религиозные, личные и национальные и, не жертвуя ни одним из них, все их соединить в одно гармоническое целое. Блестящий ученый, он одновременно был и мечтателем и человеком действия. Его целью было не столько добраться до Индии морским путем с юга и востока и овладеть этими землями и их богатствами, сколько достигнуть царства пресвитера Иоанна, расположенного, по взглядам, царившим в ту эпоху, где-то в таинственной, необ'ятной Индии, и, заключив с ним союз, отвоевать с помощью его богатств и

армий, гроб господень и освободить христианские страны от мусульманского ига. Его проект был не так химеричен, каким он кажется с первого взгляда. Это царство существовало и существует поныне: мы называем его Абиссинией. Что же до его властителя, легендарного пресвитера Иоанна, молва о котором не исчезала в течение трех столетий, то миф о нем подобен общеупотребительному представлению о Фараоне, которого долгое время считали египетским царем, меж тем как это слово было названием династии.

Когда в 1477 году Колумб возвратился в Лиссабон, дона Энрике, мореплавателя, уже семнадцать лет не было в живых. Но начатое им дело продолжало жить—и горячка открытий достигла своей высшей точки.

Колумб, в котором жила душа поэта и авантюриста, заразился этим общим порывом, и уже недалек тот день, когда он воскликнет: „Я тоже открою острова!“

За время плавания на торговых кораблях он приобрел некоторые познания в морском деле. Он знает достаточно, чтобы наняться на какой-либо из португальских кораблей, которые исследуют африканские берега, в поисках морского пути в Индию. Но он не может примириться с ролью подчиненного и предоставить кому-то извлекать большую часть доходов и приобрести всю славу, в то время как ему, Колумбу, какое бы геройство он ни проявил, придется оставаться в нищете и неизвестности. Он очень честолюбив. Он жаждет славы и золота, много золота... Не обладая ни природными дарованиями, ни основательными познаниями—которых он так никогда и не приобрел,—дающими право повелевать и вести людей за собой, он тем не менее хочет взять на себя эту роль, желает начальствовать и никого не иметь над собой. Завидуя тем, кто носит корону и имеет царский титул, он стремится завоевать чье-нибудь царство и, закрепив за собой власть, передать ее по наследству, создав собственную династию.

Разгоряченная атмосфера Лиссабона способствует расцвету его безграничных желаний. Чтобы достичь своей цели, он использует и свое могучее, блестящее, но в то же время и беспорядочное воображение, одно из тех, которые неумолимо завлекают человека в пропасть, и свой дар убеждать—дар, идущий у него не столько от чувств, сколько от разума, и огромную волю, непоколебимую ни в добре, ни в зле, и практическую

сметку хитрого дельца, и свою почти гениальную способность к лукавству и притворству.

Обладатель подобных свойств, Христофор Колумб представляется нам самой пожалуй сложной, самой непонятной фигурой мировой истории.

В Лиссабоне он встретил своего младшего брата, Бартоломео, покинувшего отцовский дом раньше его, ставшего моряком, а впоследствии отдавшегося профессии картографа, в те времена очень прибыльной. Колумб перенял у него кой-какие знания и научился снимать копии с морских карт, что доставляло ему средства к существованию до тех пор, пока он не женился. Фелипа Монис принесла ему небольшое приданое, и с этого времени он мог, не заботясь о хлебе насущном, всецело отдаться своим мечтаниям и готовиться к тому, чтобы воплотить их в жизнь.

Он совершил много морских путешествий, посетил Порто-Санто, где его свояк Педро Корреа состоял губернатором; возможно также, что он побывал в Гвинее.

Во время его пребывания в Порто-Санто случай натолкнул его на кормчего Алонсо Санчеса, выброшенного на берег умирающим; он перенес его к себе и от него узнал, что Антилия, откуда тот возвращался, в действительности существует. Это был луч света. Начиная с этой минуты, главной целью жизни Колумба становится—открыть Антилию, ее архипелаг и другие земли в западной части океана. Но вместе с тем в нем сейчас же заговорили и гордость и дух скрытности: он не хочет, чтобы имели право сказать, будто он только шел по чужим стопам, что он не открыл, а лишь разыскал открытое другими. Нет, он отправится в Антилию, не называя себя скрыв от всех, что он хочет лишь продолжать начатые другими поиски. Этим и об'ясняется та неопределенность выражений, с которой он будет впоследствии излагать свои планы при португальском и испанском дворах и перед комиссиями ученых. Самое удивительное во всей этой истории не то, что ему понадобилось столько времени, чтобы убедить правительство, а то, что он сумел этого достичь, пользуясь совершенно неопределенными выражениями, упорно отстаивая в то же время свои огромные требования.

Успех, достигнутый им в Кастилии, и притом при обстоятельствах в высшей степени неблагоприятных, можно об'яснить

только его исключительной способностью убеждать собеседников, но эта способность, как будет видно дальше, оказалась бессильной в отношении простых и бесхитростных моряков.

Не добившись успеха у короля португальского, он вскоре после этого едет в Испанию. Не было ли какой другой причины его от'езда из Лиссабона? Тут одна из тайн жизни Христофора Колумба, которая вероятно никогда не будет раскрыта. Но существует документ, который оправдывает самые худшие предположения; если в нем и не говорится, в чем обвиняли Колумба, то самый факт уголовного обвинения установлен в нем с очевидностью.

В начале 1488 года, потерпев неудачу у королевы Изабеллы, он решает вернуться в Португалию и возобновить свои предложения королю. Он пишет последнему, ходатайствуя о высылке пропуска, гарантирующего его от личного задержания. Между тем переход из одной страны в другую совершался в то время свободно; никто не нуждался в паспорте, а тем более в охранном пропуске,—разве только тот, кто опасался быть заключенным, после перехода границы, в тюрьму за совершенные им раньше преступления или проступки.

Ответ короля, желавшего снова увидеть Колумба, так как он верил в его способность открыть новые земли, представляет собой весьма интересный документ. Вслед за обещаниями сделать все возможное, чтобы удовлетворить требования Колумба, он добавляет:

„...А так как вы могли бы опасаться нашего правосудия в связи с некоей лежащей на вас ответственностью, мы настоящим письмом гарантируем вам, что ни при вашем в'езде, ни при обратном выезде, ни за все время вашего пребывания у нас, вы не будете подвергнуты задержанию, обвинению, вызову в суд, ни преследуемы, по какому бы то ни было делу, гражданскому или уголовному, из какого бы основания оно ни вытекало. Одновременно мы сообщаем всем нашим трибуналам, чтобы они приняли это к исполнению. Поэтому мы вас просим и убеждаем прибыть к нам немедленно и ничего не опасаться. Мы будем вам за это признательны и сочтем это за большую услугу. Писано в Ави, 20 марта 1488 года.

Король“

Что может тяготеть над человеком, которому король адресует подобный охранный лист? Уголовное преступление? Или только маловажный проступок? Можно лишь поставить этот вопрос—ответа мы все равно не узнаем.

Но из этого документа с очевидностью вытекает, что и Иоанн II, король португальский, отдал свою дань гениальной способности Христофора Колумба убеждать.

Во всяком случае совершенно очевидно, что Колумб почувствовал себя вынужденным покинуть Португалию „самым поспешным и незаметным“ образом,—как пишет Лас-Казас,—и конечно не оттого, что король собирается его задержать с целью выпытать у него драгоценные сведения о местонахождении его островов. Это было настоящим бегством, поводом к которому могли быть только такие обстоятельства, намек на которые содержится в этом королевском охранном листе.

* * *

В случае неудачи при португальском дворе, Колумб решил предложить свои услуги английскому королю, а затем, если они и здесь были бы отвергнуты,—то королю Франции.

Эти новые попытки должен был предпринять за него его брат, Бартоломео, меж тем как сам он решил остаться в Лиссабоне и продолжать начатые им занятия. Его образование было элементарно, и таким оно навсегда осталось. Бартоломео был напротив человеком глубоко образованным, прекрасно знал латынь, был даровитым космографом и картографом. И он испытал на себе дар Колумба убеждать людей и был заражен его энтузиазмом. Колумб, ведя свою сложную игру, убедил брата поехать в Англию и во Францию, пока сам он с'ездит в Испанию.

Тем не менее Бартоломео отстрочил свой от'езд. Незадолго перед этим он подписал договор на поступление в португальский флот. Он отправился в плавание на одной из трех каравелл Диаса, которые, открыв мыс Доброй Надежды, возвратились в Лиссабон лишь в декабре 1487 года. Вскоре вслед за этим он выехал в Англию.

О его пребывании в Лондоне известно только то, что он обратился с предложениями к Генриху VII, получил аудиенцию, преподнес королю нарисованные им самим карты земли, и что король отклонил его предложения.

Он провел три года в Лондоне, занимаясь своим ремеслом картографа. В 1491 году мы застаем его в Париже, на службе у Анны де-Боже, старшей дочери Людовика XI, бывшей регентшей королевства в течение предшествующих восьми лет. Располагая подобной поддержкой, он рассчитывал добиться согласия молодого короля Карла VIII на осуществление проектов своего брата, как вдруг узнал, что великое предприятие уже осуществлено: Христофор, о котором он уже давно не имел известий, только что открыл Антильский архипелаг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первые неудачные попытки и неожиданный успех

Я ЗНАКОМ с донной Молиар, вашей свояченицей, — сказал Колумбу отец Антонио.—Это в высшей степени добродетельная особа. В ее доме ваш Диего будет видеть только благие примеры. Но не опасаетесь ли вы, что ребенок может оказаться для нее непосильной обузой? Ведь вам его придется оставить у нее на долгое время, может быть даже на несколько лет. Кто знает, сколько времени понадобится вам, чтобы добраться до королевы! А даже в том случае, если она отнесется к вам благосклонно, сколько пройдет еще, пока ее советники и космографы рассмотрят ваши предложения! Наконец, если вы добьетесь желаемого, то вам предстоит далекое путешествие, откуда вы бог знает, когда возвратитесь. Тем временем нужно будет заняться образованием маленького Диего, у которого такие великолепные способности... Было бы обидно, если бы он рос как дикая трава. Он умница, ваш малыш! Вместо того чтобы оставлять его у вашей свояченицы и ее мужа, который кстати сказать, испытывает сейчас денежные затруднения, доверьте его нам. Я буду учить его в нашем саду и в этой библиотеке. Я обучу его космографии и латыни...

— Как, падре! Вы хотите оказать подобное благодеяние совершенно неизвестному вам человеку!..

— Для меня—вы уже не неизвестный. И мы, к тому же, успели настолько привязаться к мальчику, что вы доставите нам большую радость, оставив его у нас.

— Я не нахожу достаточно слов, чтобы выразить вам свою благодарность.

— Этим вы обязаны моему умершему другу, Алонсо Санчесу, направившему вас в наш монастырь. Я верю, что вы будете иметь больше удачи, чем этот бедняга...

У Колумба вырвался жест досады, не ускользнувший от внимания отца Антонио.

— Да, да...—с улыбкой продолжал монах,—как бы вы ни пытались это скрывать, но я отлично знаю, что вы хотите отправиться именно в поиски Антилии. Я понимаю, что свои намерения вы предпочитаете хранить в тайне...

— В Лиссабоне у меня хотели украсть мою идею, и мне пришлось поэтому покинуть эту страну...

— Соблюдая осторожность, вы поступаете конечно правильно. Тем не менее вам придется довериться нескольким лицам, чтобы они могли защищать ваши интересы. Послушайтесь меня,—единственное средство заручиться поддержкой нашего приора, который пользуется некоторым влиянием при дворе, это откровенно и полностью раскрыть перед ним все ваши планы, потому что сам он не меньше нас с вами верит в существование Антилии, и не хочет, чтобы надпись на карте: *Questo he mar de Spagna*—была заменена какой-либо другой...

Колумб несколько мгновений колебался. Потом, внезапно решившись, он впервые раскрыл свои карты:

— Да, падре, Антилия—один из тех островов, которые я намерен открыть, и она составляет основную цель той большой экспедиции, которую я теперь замышляю...

* * *

В Севилью Христофор Колумб прибыл в конце января. За несколько дней до того королева покинула город, чтобы принять участие в осаде Лохи, и одновременно с ней—приор Рабиды, Хуан Перес, выехал обратно в свой монастырь.

Колумб направился к Жуаното Берарди, к которому имел рекомендательное письмо от одного земляка, жившего в Лиссабоне. Берарди, которому в будущем предстояло стать банкиром Колумба, выслушал его благосклонно, представил ему те же возражения, что и отец Антонио, и познакомил его с доном Энрике де-Гусман, вторым герцогом Медина-Сидонии, владельцем огромных поместий в Андалузии и порта Сан-Лукар де-Баррамеда. Это был великодушный и щедрый человек. Во время осады Малаги и во многих других случаях, когда королевская

казна не в силах была справляться с расходами по ведению войны и управлению государством, он всякий раз приходил на помощь королеве.

Но он полагал, что ни государственные средства, ни его личные не должны до тех пор расходоваться на морские экспедиции, задуманные в большом масштабе, пока вся Испания не будет освобождена от мусульманского ига. Он уклонился от оказания Колумбу какой бы то ни было помощи.

В Севилье имел свою резиденцию и другой могущественный и богатый сеньер — дон Люис де-ла-Серда, пятый герцог Медина-Цели. Он, с первой же встречи, принял участие в Колумбе, обещал внимательно рассмотреть его предложения и пока что предложил ему поселиться у него во дворце. Около двух лет, в общей сложности, провел Колумб у герцога Медина-Цели.

Необходимо раз навсегда опровергнуть те измышления, ответственность за которые падает отчасти и на самого Колумба. Он писал, что в течение семи лет, с 1485 по 1492 гг., он „терпел холод и нужду", что „целых семь лет все его отталкивали", что он „служил всеобщим посмешищем, и лишь один бедный монах сжалился над ним". Пользуясь этим, XIX век придал Колумбу совершенный облик романтического героя, сделал из него гения, значительно переросшего свою эпоху и именно в силу этого обреченного жить в нищете и забвении, среди насмешек и поношений толпы. Согласно этой легенде, Колумб, человек науки и свободной мысли, был преследуем монахами, „погруженными в мрак средневековья" и испугавшимися его смелости.

Справедливость требует признать, что ни со стороны монахов, ни со стороны светских лиц в отношении Колумба не было проявлено ни злобы, ни враждебности. Как раз наоборот: установлено, что поддержку ему оказали именно монахи, настолько притом образованные, что по сравнению с ними он мог показаться просто невеждой.

Перенесем в нашу эпоху историю Колумба, исключив лишь последующие события и его первые шаги.

Предположим, что в страну, уже давно потрясаемую жестокой национальной войной и внутренними раздорами, является иностранец, не имеющий ни средств к существованию, ни удостоверения личности. Он обращается к лицам, занимающим высокое положение, а впоследствии и к главе государства,

предлагая на средства этого государства открыть отдаленные земли; при этом он не дает никаких указаний на то, где эти земли находятся, утверждая в то же время, что он их уже открыл. Он просит, чтобы ему предоставили деньги и корабли для этой экспедиции. Но помимо того он хочет, чтобы ему немедленно, еще до отплытия, было присвоено звание адмирала, он требует, в случае удачи, для себя и своих наследников на вечные времена титулы, привилегии, имущественные и всякие другие права, благодаря которым новооткрытые земли окажутся государством в государстве.

Можно почти с уверенностью сказать, что государство даже и не ответит на подобное предложение. Совершенно очевидно, что такие условия будут сочтены совершенно неприемлемыми, в особенности же назначение адмиралом никому неизвестного иностранца. Весьма возможно, что государство наведет, через своих дипломатических представителей, справки о нем в той стране, откуда он родом. В таком случае дело было бы быстро ликвидировано: были бы получены данные, что Колумб—простонапросто мистификатор. За ним установили бы наблюдение, и все приключение закончилось бы вероятно его высылкой из страны.

Для того чтобы Колумб мог добиться успеха, нужна была Испания конца пятнадцатого века—эта пылкая, щедрая и предприимчивая Испания, стремившаяся к тому же после победы над маврами вступить, подобно другим народам, на путь открытий. Нужно было, чтобы Колумб встретил королеву Изабеллу, которая была не только прекрасным полководцем и администратором, но, как женщина, была чувствительна и к прелестям поэзии и к романтике. В общем Испания,—как говорит один из историков,—приняла Христофора Колумба в порыве романтического великодушия.

В ожидании же признания его всей нацией, Колумб пока что пользуется признанием и гостеприимством герцога Медина-Цели. Последний настолько воодушевлен проектами своего гостя, что готов полностью принять на себя все расходы по этому предприятию, то есть предоставить Колумбу три или четыре каравеллы с полным экипажем, а также и нужные денежные средства. Таким образом Колумбу удалось достичь того, чего он желал, меньше чем в два месяца с момента прибытия в Испанию. Но нет! Своей требовательностью он отбивает у герцога охоту продолжать это дело. Ему нужен титул адмирала и

звание вице-короля, которые герцог не в состоянии ему предоставить. При этих условиях дело может быть решено лишь самой королевой.

Герцог тем не менее не оставляет Колумба на произвол судьбы, он продолжает оказывать ему гостеприимство в своем дворце и пишет королеве, испрашивая у нее аудиенцию для Колумба.

Этот эпизод находит себе подтверждение в письме, писанном герцогом архиепископу толедскому 14 марта 1493 г., т. е. уже после открытия Антильских островов. Рассказывая о том, как он в свое время приютил Колумба и собирался на свои средства снарядить экспедицию, он добавляет:

„... Так как я видел, что подобное предприятие должно быть в ведении королевы, я написал ей, и она ответила мне, чтобы я направил к ней Колумба". Напомнив затем кардиналу, что королева обещала Колумбу ежегодно посылать несколько каравелл в страны, которые тот откроет, он заканчивает письмо следующими словами:

„Я прошу вас выполнить мою просьбу и содействовать исполнению этого обещания; если такое великое открытие совершено, то это потому, что я принял в Колумбе участие, в течение двух лет оказывал ему гостеприимство и направил его к королеве"...

* * *

В начале 1486 года Колумб узнает, что двор находится в Кордове, и немедленно же туда выезжает. За некоторое время до того были отправлены письма герцога Медина-Цели к королеве и Хуана Переса к духовнику королевы. Впоследствии Колумб еще часто возвращался в Севилью и подолгу гостил у герцога.

Королева покинула Кордову за неделю до его приезда, но так как она предполагала вскоре туда вернуться, то в Кордове осталось много важных особ из ее свиты, в том числе Эрнандо де-Талавера, ее духовник, и Алонсо-де-Кинтанилья, королевский казначей, которому королева передала письмо герцога Медина-Цели и свои распоряжения относительно Колумба.

Не успел таким образом Колумб покинуть герцога, как уже у него сразу находятся новые покровители. Кинтанилья, в ожидании, пока королевская казна не придет на помощь Колумбу, устраивает последнего у себя так, что тот со дня своего

прибытия в Кордову считает себя как бы уже состоящим на королевской службе. Колумб оказывается свободным от всякой заботы о добывании себе хлеба насущного, не будучи обязан производить какую-либо работу. Так длится до самого конца 1489 года, т. е. полных четыре года из числа тех семи, в течение которых он, по его словам, был всеми отвергнут и страдал от голода и холода.

Тот, кто впоследствии открыл Новый Свет, еще раз изменил свое имя. Не опасался ли он, что его снова примут за галисийца, как это случилось в монастыре Рабиды? Во всяком случае, в письме герцога Медина-Цели и в расходных ордерах на выплату ему ежемесячных пособий от казны он назван *Коломо*. Когда же он станет заключать договор с испанской королевой, то окончательно изберет себе имя *Колон*, и навсегда упразднит свое настоящее имя: Колумб. Ни в Севилье, ни в Кордове он уже не кичится благородством своего происхождения и славой своей семьи; он вернется к этому значительно позже и притом в намеках весьма туманных.

Благодаря своему уму, наблюдательности и умению держать себя, он быстро приноровился к элегантной и светской среде, в которой ему приходится вращаться. Он обтесался, приобрел величественную осанку. Скромное монашеское платье паломника, в котором он появился в Палосе, он сменил на великолепную одежду, сшитую ему портным герцога Медина-Цели за счет последнего.

Он имеет успех у женщин. Он увлекает молодую девушку из хорошей, но бедной семьи, Беатрису Энрикес-де-Арана. Он уверяет ее, что охотно женился бы на ней, но—увы! — у него есть законная молодая жена, живущая в Лиссабоне, с которой он расстался и с которой он больше не намерен встречаться. Беатриса становится его возлюбленной. Сейчас же вслед за рождением у нее сына, Фернандо, Колумб бросает ее. Ему не суждено было снова увидеть ее, но мальчика он впоследствии усыновил.

Любовные приключения не отрывают его однако ни на один день от поставленной им себе задачи. Женщины вообще играют незначительную роль в его жизни. Постигшая его в Португалии неудача и беседы с Антонио де-Марчена убедили его в том, что одними голословными утверждениями, будто все знаешь,—многого не добиться. Как только он подметил,

что отец Антонио является серьезным ученым, то тотчас же стал держаться с ним очень осторожно, из боязни обнаружить свое невежество. Он отлично понимал, что настанет день, когда кастильские космографы, приступив к изучению его предложений, поставят ему всевозможные вопросы, на которые он не в состоянии будет ответить.

Независимо от этого, он охвачен горячим желанием основательно изучить все науки, имеющие отношение к мореплаванию, без которых нельзя обойтись при поисках новых земель. Он хочет в кратчайший срок, меньше чем в год, постигнуть то, что другие изучали в течение долгих лет. Изучив немного латынь, он с жадностью набрасывается на разные книги, попавшиеся ему под руку, и ни одной из них основательно не усваивает. Оставаясь самоучкой, он одинаково принимает на веру, без проверки и критики, — и данные точных наук, и сведения, которые встречают серьезные возражения, и наконец самые неправдоподобные и нелепые выдумки.

В монастырской библиотеке Рабиды он грезил над страницей Жана де-Мандвилля, заключавшей описание земного рая. Она прочно врезалась ему в память, и из нее он с помощью своего воображения создаст впоследствии, приближаясь к Новому Свету, самую фантастическую главу географии, какую только можно себе представить.

Из этих книг ему не удается почти ничего извлечь; они лишь увеличивают царящую в его уме путаницу и дают пищу его мечтаниям. Он достаточно умен, чтобы понять, что скромный запас его знаний не увеличивается. А меж тем время не ждет. Ему во что бы то ни стало нужна географическая и космографическая доктрина,—и нужна очень скоро! Но такую доктрину, где все было бы приведено в соответствие, нельзя построить на множестве наспех проглоченных книг, из которых одни нередко противоречат другим. Уже лучше усвоить себе сущность взглядов двух-трех писателей, обладающих авторитетом в глазах ученых. Колумб запоминает кое-что из „Книги о чудесах вселенной“ Мандвилля, более или менее внимательно останавливается на „Повествовании“ Марко Поло и старательно изучает „Историю вещей“ Пия II. Но его любимой книгой станет—правда позже, после его первого путешествия—„Изображение мира“ кардинала Петра д'Алльи. К этому нужно присоединить еще библию—понятно в его своеобразном толковании.

„Изображение мира“ является настоящим кладом для малообразованных людей, которые с помощью почерпнутых из нее сведений могут сколько угодно пускать пыль в глаза людям, не специализировавшимся на изучении космографии и географии,—а иногда даже блеснуть и перед специалистами. Дело в том, что эта книга изобилует многочисленными цитатами античных авторов и отцов церкви. Колумб старательно делает из нее выборки, располагает их в определенном порядке, в свою очередь извлекает из них цитаты и комментирует их. Впоследствии, цитируя этих авторов, он умело скрывает, что никогда не открывал их книг. К этим именам он добавляет еще имена путешественников, правителей и других исторических личностей, о которых он из этих книг извлек самое общее представление. Всеми этими именами пестрят его письма и донесения, писанные за время его третьего и четвертого путешествий. В одно из этих посланий он полностью вставил целую страницу из книги кардинала д'Алльи.

На одной только странице он, помимо имени кардинала, упоминает еще следующие имена: Николая Лирского, Аристотеля, Аверроэса, Сенеки, Александра Великого, Нерона, Плиния, Птоломея, Ездры, Блаженного Августина и св. Амвросия. К этим именам необходимо добавить еще следующие, которыми он запрудил свои писания: Страбон, Онезикрит, Неарк, Марен Тирский, Альфраган, Юлий Капитолин, Солин, Ависен, Бэд, Эратосфен, Флавий Иосиф, св. Исидор, св. Фома и много других, заимствованных им из сочинений Пия II и Петра д'Алльи, а также и из библии. Оперируя таким количеством имен и цитат, легко можно, по крайней мере в известных кругах, прослыть образованным человеком. Ни один из мореплавателей и открывателей новых земель четырнадцатого или пятнадцатого века, будь он испанец или португалец, не прибегал к подобным авторитетам и не пытался во что бы то ни стало утверждать правильность давно уже опровергнутых представлений о вселенной, сложившихся у Аристотеля или Эратосфена. Колумб же упорствует в своем нежелании разойтись с ними во взглядах, даже в тех случаях, когда сталкивается с явными доказательствами их ошибок. Еще при жизни его, в 1500 году, по всей Европе получат распространение карты, которые опровергнут его воззрения. Но несмотря на это, он не пожелает признаться в своих заблуждениях, и главным образом потому, что

под влиянием названных выше книг, у него сложились следующие взгляды:

Земля невелика — он ее уменьшает наполовину, — при чем шесть частей ее представляют собой сушу, и лишь седьмая покрыта водой. Испанию отделяет от Азиатской Индии море незначительной ширины. Между Испанией и Индией расположены еще неоткрытые острова, которых можно достигнуть через несколько дней плаванья.

Будучи последовательным, Колумб отрицает существование Нового Света, и будет упорно продолжать отрицать даже после того, как его откроет. Он до конца, с необычайным упрямством и изворотливостью, останется приверженцем одной книги— *Изображение мира*, и одной навязчивой идеи—*Антилия*.

Но еще в течение ряда лет у него не будет никакой научной теории, потому что такой нет в описаниях путешествий Марко Поло, из которых он черпает свои сведения. Его основной идеей будет лишь открытие Антилии,—потому что этот таинственный остров пленяет его воображение в такой же мере, как и воображение многих моряков и прибрежных жителей Иберийского полуострова, а также и потому, что кормчий Алонсо Санчес сообщил ему, что она отстоит всего лишь на семьсот пятьдесят лье от Канарских островов.

* * *

В Кордове он завел знакомства и обзавелся покровителями которые в будущем окажутся ему очень полезными. Еще до возвращения королевы он сумел завязать сношения не только с Алонсо де-Кинтанилья и Эрнандо де-Талавера, но также и с толедским кардиналом—архиепископом Гусман де-Мендоса, доминиканцем Диего де-Деса, донной Беатрисой Фернандес де-Бобадилья, донной Хуаной Веласкес и маркизой де-Мойя, близкой подругой королевы, которой та безгранично доверяла, и наконец с влиятельными марранами—Хуаном Кабрера и Габриэлем Санчесом. Все эти лица приняли его радушно, и он всех их сумел расположить в свою пользу.

Король и королева прибыли в Кордову 26 марта. Колумбу не пришлось долго дожидаться приема у королевы; аудиенция была короткая, но это было первым шагом и первым достижением, окрылившим его надеждами на конечный успех. Изабелла

была слишком обременена разными заботами и срочными вопросами, требовавшими своего разрешения, чтобы самой заняться проектом морской экспедиции.

Военные действия против мавров развивались с возрастающим упорством; едва заканчивалась одна кампания, как начиналась другая, уже заранее подготовленная. Пять недель спустя после возвращения в Кордову, король должен был выступить на осаду Андалузского города Ронды, являвшегося важным стратегическим пунктом. Королева ограничилась тем, что поручила Эрнандо де-Талавера представить предложения Колумба на рассмотрение специальной комиссии, составленной по его указаниям, и донести ей о результатах.

Именно с этого момента начинаются, согласно распространенной легенде о Колумбе, мытарства непонятого гения, осмеянного и преследуемого невежественными монахами и злобными царедворцами. Талавера, председатель комиссии, отвергнувшей предложения будущего открывателя Нового Света, изображен в этой легенде самыми мрачными красками.

На самом же деле Колумб в заседании комиссии изложил перед учеными космографами и моряками свой проект открытия новых островов в чрезвычайно неопределенных выражениях. В конце концов, его проект на этот раз по существу и не рассматривался. И Талавера, который не только не питал никакой вражды к иностранцу, но даже был настроен к нему благожелательно, и все прочие члены комиссии держались того взгляда, что до окончания войны с маврами и речи не могло быть ни о какой экспедиции для открытия новых стран.

Это решение так мало походило на окончательный отказ, что после него Колумб и не думал покидать двор, и в течение зимы 1486—87 г. мы его застаем в Саламанке, в тогдашнем месте пребывания двора. Именно там, согласно распространенному мнению, происходила знаменитая конференция, где Колумб вступил в ожесточенный спор с монахами—профессорами Саламанкского университета. Колумб будто бы начал с утверждения, что земля круглая, и на этой почве сразу же разгорелся спор. Стоит прочитать описание этого заседания у Розелли де-Лорга, в его труде „Жизнь и путешествия Христофора Колумба“:

„...Профессора утверждали, что земля плоская, как ковер, и никак не может быть круглой, потому что псалмопевец говорит: „разостлал небо, как кожу“,—что было бы немыслимо, будь

оно шаровидным. Другие приводили слова апостола Павла, сравнивавшего небеса с палаткой, раскинутой над землей, что также исключает круглую форму земли. Третьи полагали, что при шаровидной форме земли попытка отыскать в южном полушарии обитаемые земли является химерой, потому что другая половина земного шара заполнена „Морем мрака"—ужасной, бездонной пучиной; и если бы корабль, пошедший в том направлении, каким-нибудь чудом и достиг Индии, то никаких известий от него нельзя было бы ждать, потому что эта мнимая округлость земли создала бы непреодолимое препятствие для его возвращения, даже при самом благоприятном ветре.

„Когда Колумб приводил свои возражения, вытекавшие из его опыта, как мореплавателя, его принимались убеждать, основываясь на авторитете Лактанция и блаженного Августина, осуждавших тех, кто верит в существование антиподов, и подкрепляли мнения церковных авторитетов ссылками на язычников.

„...Колумб понял, что в этом собрании, где теологов[1] было больше, чем космографов и моряков, нельзя будет ограничиться одними научными доводами, а потому решился, не взирая даже на опасность быть обвиненным в ереси, разбирать тексты священного писания и мнения его комментаторов.

„Пыл, с которым он взялся за эту апостольскую миссию, преобразил его в глазах аудитории. Величественность его осанки, блеск взгляда, проникновенная звучность голоса говорили о величии его души. И он обратил против своих противников те самые священные тексты, при помощи которых они рассчитывали одержать над ним верх..."

Пока в зале знаменитого Саламанкского университета разгорается спор о том, кругла ли земля, и фанатические монахи уже готовятся донести на еретика трибуналу священной инквизиции, снаружи, перед зданием, простой народ потешается над иностранцем:

„Погонщики мулов и прачки прослышали, что какой-то иностранец утверждает, будто земля кругла, как апельсин, что есть страны, где люди ходят вниз головами, и больше того: что, плывя прямо на запад, можно, в конце-концов, очутиться на востоке. Народ выражал свое удивление, как можно серьезно обсуждать подобные „дурацкие выдумки".

---

[1] Богословов.

Так изображал дело историк. В этой сцене, одной из самых известных в мировой истории, Христофор Колумб выведен, как один из первых гениев Возрождения, сокрушающий схоластику средневековья.

В действительности же никакой конференции в Саламанке не происходило. Ни один историк или хроникер того времени ни словом о ней не упоминает. Этот эпизод впервые появился в 1619 г. в „Истории провинции св. Викентия", тотчас же был внесен в жизнеописание Колумба, и навсегда в нем утвердился, давая историкам различных толков пищу для полемики.

Если бы подобная конференция на самом деле происходила, то действующие лица должны были бы поменяться ролями. Прежде всего, не потратили бы столько времени на споры о шаровидности земли. Вопрос даже не был бы поставлен, и во всяком случае, отрицание этого положения не собрало бы ни одного голоса. Давно уже было признано, что „форма земли круглая" (папа Пий II).

Если кто и был способен в вопросах мореплавания и космографии ссылаться на авторитеты Лактанция, блаженного Августина и Николая Лирского, то некто иной, как Колумб,—что он в будущем с чрезвычайным упорством и делал. А если бы кто-нибудь на этом собрании и вздумал—что мало вероятно—заговорить о „море мрака", о пучине „бездонной и ужасной", о населяющих ее чудовищах, „по сравнению с которыми циклопы, гриффоны и гипоцентавры[1] кажутся кроткими существами", или о „крючковатой черной руке сатаны, поднимающейся из бездны и увлекающей в пучину мореплавателей, безрассудно приблизившихся к водам Баар-аль-Тальмета",—то ответом ему был бы единодушный хохот всех собравшихся.

В 1487 году Баар-аль-Тальмет арабов, „море мрака", т. е. Атлантический океан, давно перестал служить страшилищем для кого бы то ни было: португальские и испанские корабли бороздят его вдоль и поперек, и мыс Доброй Надежды уже открыт. Португальцы проникают в Индийский океан с его пятью тысячами островов, нисколько не заботясь относительно теорий Эратосфена, Онесикрита и Альфрагана и не спрашивая себя,

---

[1] Мифические существа. Циклоп—одноглазый великан, гриффон—полуптица, получеловек, гипоцентавр—получеловек, полулошадь.

не поворачиваются ли они при этом спиной к земному раю, сочиненному Мандвиллем.

* * *

В феврале 1487 года Христофор Колумб, вместе с двором, снова возвращается в Кордову. Все силы и средства брошены на освободительную войну. Испанская армия двадцать седьмого апреля овладевает Велесом и восемнадцатого августа—Малагой. Этот год и последующие—наименее благоприятны для осуществления планов Колумба. Королева совершенно поглощена задачей окружить и осадить Гренаду, овладеть мусульманской столицей и разрушить последнюю опору мавров на испанской земле. Про Колумба совсем забыли; деньги из королевской казны выплачиваются ему все реже и реже.

В течение следующих двух лет история теряет его следы. В июне 1489 года он оказывается при дворе, перед осажденной Басой. После того, как в декабре город сдался, король и королева возвратились в Севилью, где торжественно отпраздновали одновременно и новую победу, и помолвку их дочери Изабеллы с португальским инфантом Альфонсом.

Пользуясь благоприятной обстановкой и поддержкой герцога Медина-Цели, во дворце которого он снова нашел себе приют, Колумб опять предпринял хлопоты перед разными важными особами, интересовавшимися раньше его проектом и в первую очередь перед председателем комиссии Эрнандо де-Талавера.

После нескольких заседаний, королевские комиссары отклонили предложение Колумба, и это постановление,—хотя и было облечено в условную форму и выражало неопределенную надежду на его пересмотр при наступлении лучших времен, — все же показалось Колумбу окончательным отказом.

Тогда он решил предложить свои услуги королю Франции. Он не мог больше рассчитывать на поддержку королевской казны, но герцог Медина-Цели выразил согласие снабдить его средствами на предстоящее ему далекое путешествие.

Колумб решил все же предпринять последнюю попытку—переговорить с самым влиятельным из подданных арагонского короля марраном Люисом де-Сантанхель, прибывшим в Севилью на празднества, которого Колумбу еще ни разу не приходилось встречать. При посредстве Хуана де-Колома, генерального контролера Арагонии, он добился аудиенции у этого человека,

который, будучи сильнее инквизиционного трибунала, мог оказаться сильнее и комиссии, вынесшей Колумбу отказ.

Маран погрузил в глаза Колумба свой острый и холодный взгляд и резко спросил:

— Вы по происхождению не арагонский ли еврей?

— Я!—вскричал Колумб.—Я добрый христианин...

— Так же, как и я,—сухо сказал Сантанхель.

— Я древней христианской крови, чуждой всякой примеси, и по национальности лигуриец,—добавил Колумб, которого подобный прием лишил обычной находчивости.

— Тем хуже!—обронил Сантанхель, и замолчал.

Колумб смущенно поднялся и собирался уж уйти, как вдруг Сантанхель, несколько смягчившись, произнес:

— Погодите! Секретарь короля мне много рассказывал о вас. Он интересуется вашим проектом, несмотря даже на то, что вы не оказали ему должного доверия, и он не мог узнать у вас, где же собственно находятся ваши острова...

— В Португалии у меня хотели украсть мою идею...

— Мы—мой друг Колома и я — не португальцы. Я тоже интересуюсь вами. Вы обладаете некоторыми качествами, которые мне нравятся,—хотя быть может и не теми, которыми вы обязаны расположению к вам нескольких кастильских дворян и восхищению двух-трех придворных дам, как например маркизы Мойя. Последняя, надо думать, уже замолвила за вас словечко перед королевой?

— Увы, это оказалось безрезультатным...

— Пока, по крайней мере. Вы потерпели неудачу по двум причинам: прежде всего потому, что как в заседании комиссии, так и во время частной беседы с секретарем короля, вы все время облекали в тайну конечную цель вашего путешествия, для которого вы требуете кораблей, людей и средств. А помимо того вы претендуете на громадные титулы и почести. Между тем совсем нетрудно угадать, куда вы собираетесь плыть. Отец Эрнандо де-Талавера достаточно хорошо знаком с историей и географией, чтобы иметь на этот счет какие-либо сомнения. Что же касается меня, то я не строю никаких предположений,— я знаю точно.

Колумб не удержался от движения, выражавшего удивление и тревогу, но продолжал хранить молчание.

— Будем рассуждать, пользуясь методом исключения,—продолжал Сантанхель.—Вы собираетесь делать открытия не на востоке, т. е. не в Средиземном море и не в Черном. Там все открыто уже задолго до рождения господа нашего Иисуса Христа. Также и на севере. Приходилось вам бывать в Северном море?

— Да, я был в Англии, в Фуле и даже немного севернее этого острова...

— За Фуле, к северу, находится лишь Ледовитый океан с его пловучими льдинами, а никак не земли, где можно добывать золото, благовония и пряности. Далее: и не к югу понятно хотите вы пробраться, держась гвинейского берега и отыскивая проход, который вывел бы вас на путь в Индийское королевство пресвитера Иоанна. Там португальцы станут вам поперек дороги...

— Океан велик...

— Что из этого? Высшим властителем его является папа. А разве вам неизвестно, что уже сорок лет назад папа Николай V своей буллой[1] признал за португальцами право не только на земли, открытые ими под руководством инфанта дона Энрике, но и на все те, которые они впоследствии откроют в Африке? Знаете ли вы, что он подарил Португалии все земли, простирающиеся от мыса Нун и мыса Боядор до Гвинеи, до южного побережья, в том числе и соседние острова, которые пока еще не открыты? Следовательно только португальцам дано проложить морской путь в Индию, к тому христианскому народу—народу пресвитера Иоанна,—который может притти на помощь европейским христианам в их борьбе против сарацинов и прочих врагов их. Кастилия не протестовала против этой буллы. Больше того: по трактату[2] 1479 года она признала суверенитет[3] Португалии над всеми материками и островами, открытыми на средства королевы Леона и Кастилии. Таким образом путь на юг вам закрыт. Также, повторяю я, вам нечего делать и на севере и на востоке. Остается стало быть запад... Что же в конце-концов может находиться в этом направлении, за Канарскими островами?

---

[1] Законы, издававшиеся папами.

[2] Трактат—международный договор.

[3] Верховная власть.

Так как Колумб медлил ответом, Сантанхель взглянул на него в упор. Наконец лигуриец произнес подавленным голосом:

— Там... находятся острова...

— Так. Всем, у которых вы искали протекции, вы говорили, что собираетесь открыть острова, и ни один повидимому не спросил вас, идет ли речь о Бразилии и острове св. Брандана, про которые никто, собственно говоря, не знает, где они находятся, или же об Антилии, про которую известно, что она расположена на одной широте с одним из Канарских островов...

Колумб, не любивший когда его расспрашивали об Острове Семи Городов, быстро прервал Сантанхеля:

— Еще больше к западу, но значительно дальше находится азиатский материк...

— Ну, его открывать нечего! Там находится Китай, Сипанго, царство богдыхана и Индия, но конечно не Индия пресвитера Иоанна. С этими странами можно было бы понятно завязать торговые сношения, выгодные и для них и для нас. Но о том, чтобы их покорить, сделать подвластными кастильской короне, обратить в нашу веру и затем эксплоатировать,—об этом нечего и мечтать: все это государства с многочисленным населением, они богаче европейских, могущественны, хорошо организованы и притом отстоят от нас на слишком значительном расстоянии, чтобы туда можно было отправить большое войско. Все это мы знаем от итальянских монахов и купцов, побывавших там и описавших свои путешествия. Остаются стало быть лишь ваши острова. Допустим, что вам удастся их открыть, и что население позволит вам делать все, что вы только ни пожелаете,—что в таком случае привезете вы с собой государству, всем нам?

— Благовония, пряности, драгоценные камни...

— И понятно золото?

— Конечно!—с одушевлением воскликнул Колумб.—Что может быть нужнее золота! Обладая им, можно достигнуть всего,—даже послать души в рай... Да, я хочу найти там золото, много золота, чтобы испанский народ стал богатым и чтобы можно было отвоевать Иерусалимское королевство!..

— Прекрасно! Вот вы и вернулись к идее дона Энрике. Крестовые походы!.. Но, друг мой, с этим уже два столетия как покончили! Подобные неудачные предприятия нельзя затевать заново,—да к тому же это и перестало кого бы то ни

было интересовать, даже португальцев. Были вы при дворе во время осады Басы? Известно ли вам, что там к королю Фердинанду явилось посольство от египетского султана, которому папа просил оказать достойный прием?

— Да, знаю. Это были два францисканских монаха из иерусалимского монастыря. Они явились с предупреждением, что если король не прекратит войны против испанских мавров, то султан предпримет гонения на египетских христиан и разрушит их храмы...

— Совершенно верно. И король осыпал этих монахов знаками своего благоволения, а королева, которую они затем посетили в Хаене, пожаловала их монастырю ежегодную ренту в тысячу золотых дукатов,—я впрочем сильно сомневаюсь, чтобы они ее получали больше двух лет,—и подарила им покров, вышитый ею самою. А затем, чтобы показать послам султана, какое значение король и королева придают его угрозам в отношении восточных христиан и гроба господня, они еще усилили военные действия против мавров. Это впрочем не мешает им оставаться такими же добрыми католиками, как вы и я... Но возвратимся к разговору о том, что вы рассчитываете привезти с ваших островов. Золото, много золота... Допустим, что вы его навезете столько, что им можно будет покрывать все крыши, как в Китае. А дальше что? Станем мы от этого богаче?

Колумб вытаращил на него глаза, спрашивая себя, не издевается ли тот над ним.

Сантанхель продолжал:

— Мне ли, человеку в общем новообращенному, предостерегать такого чистокровного христианина, как вы, от пагубного влияния золота? Вы все одержимы этой горячкой. Вам бы хотелось, чтобы золото у нас было в таком же изобилии, как и железо. Если бы так случилось, то золото и не стоило бы дороже железа. Это ясно, как день.

Колумб в ужасе смотрел на этого человека, который, загребая золото лопатами, делал вид будто его презирает, и даже отрицал его ценность.

— Другое дело—пряности,—сказал Сантанхель,—это, по крайней мере с'едобно. Но есть еще один товар, гораздо более драгоценный, который будет очень нужен Испании. Португальцы его уже привезли из Гвинеи, но очень небольшими партиями, которых с трудом хватало для них самих, меж тем как они

могли бы им снабжать всю Европу. Будь я уверен, что вы сумеете на своих островах раздобыть этот товар в достаточных количествах, чтобы вести оптовую торговлю, я бы не остановился перед тем, чтобы все расходы по вашей экспедиции принять на собственный счет.

Колумб, которому начало этого разговора не предвещало возможности подобного предложения, вздрогнул от неожиданности...

— О каком товаре вы говорите?

— О рабах.

— Я об этом не подумал...

— Мне нравится спокойный и рассудительный тон, каким вы это произнесли. Все, что мой друг Колома мне о вас рассказывал, внушило мне к вам доверие. Я думаю, что нам с вами удастся сговориться. Мы еще вернемся к разговору об этом большом деле. Но прежде всего, вам необходимо отказаться от ваших преувеличенных требований: генерал-адмирал океана! вице-король! и бог знает, что еще... Для чего вам нужны эти титулы? Разве я—адмирал? Пожелай я этого, я был бы им завтра. Я же предпочитаю оставаться казначеем св. Германдады, канцлером и генеральным контролером Арагонского королевства...

— Я не могу отказаться ни от одного из выдвинутых мною требований.

— В таком случае, ваш проект нужно считать похороненным окончательно.

— Ну, что ж! Я отправлюсь к королям Франции и Англии.

— Большего вы там не достигнете.

— Это еще неизвестно. Во всяком случае, я не сумею себя упрекнуть, что пренебрег некоторыми возможностями.

— Подумайте еще. И—вот что! Раньше, чем отправиться во Францию, заезжайте-ка к вашим приятелям-францисканцам в монастырь Рабиды. Они, я уверен, дадут вам добрый совет. Но, во имя св. Троицы, не рассказывайте им о нашем проекте начать торговлю рабами. Это не вполне согласно с их принципами... А затем возвращайтесь ко мне; мы устроим это дело с Хуаном Коломой...

* * *

Колумб, который впоследствии утверждал, что из любви к Кастилии он отверг предложения французского короля, сильно

призадумался над тем, стоит ли, потеряв уже больше пяти лет в Португалии и Испании, проделывать долгий путь через всю Испанию. Снова обречь себя на жизнь бродячего просителя! Да еще в совершенно незнакомой стране...

Он во всяком случае не мог уехать, не простившись с отцом Антонио де-Марчена. Помимо того он хотел забрать из монастыря своего сына Диего и поручить его своей любовнице в Кордове, чтобы та воспитывала его вместе с маленьким Фернандо. Наконец он рассчитывал застать на этот раз в монастыре приора Хуана Переса. Кто знает, не сумеет ли он помочь...

По мере приближения к монастырю, Колумб начинал все сильнее надеяться.

Отец Антонио сообщил настоятелю о смерти Алонсо Санчеса, происшедшей в доме у Колумба, и о решении последнего осуществить свои намерения на средства кастильской казны. Обоим монахам, верившим в существование Антилии и ее архипелага—того, который впоследствии получил название Антильских островов,—очень не хотелось, чтобы остров, открытый в 1414 году испанцем, назвавшим его воды „Испанским морем", стал впоследствии португальским. А что же достанется в удел Испании, если португальцы распространят свои открытия до крайнего запада? Поэтому оба монаха очень сочувствовали задуманному Колумбом предприятию и готовы были всячески помогать ему. Но как это сделать? Могла ли королева, при всем своем расположении к своему бывшему духовнику, отменить решение, уже постановленное официальной комиссией? Одно новое обстоятельство помогло монахам предпринять эту попытку.

В Палосе проживало семейство богатых судовладельцев, весьма опытных в морском деле и пользовавшихся большим уважением среди местных жителей. Это были трое братьев Пинсонов: Мартин Алонсо, Висенте Хуаньес и Франсиско Мартинес. Самым богатым и влиятельным среди них был Мартин Алонсо, искусный лоцман и капитан. Он только что возвратился из вторичной поездки в Рим, где долго совещался с космографом Ватикана относительно земель, которые можно было бы открыть в западной части океана, и откуда привез карты, на которых эти острова были обозначены. Он тоже теперь мечтал о странах, богатых золотом и драгоценными камнями. Он рассказывал

о своем намерении снарядить две каравеллы и отправиться в поиски этих островов. Среди палосских и могерских моряков царило неописуемое воодушевление: не было ни одного, кто не согласился бы последовать за Мартином Алонсо.

Именно эти острова собирался открыть и Колумб. Но для Пинсона не они были главной целью предстоящего путешествия; его привлекала главным образом Сипанго—Япония, эта сказочная страна, о которой он в Риме столько наслышался рассказов от читавших записки Марко Поло. Колумба же, наоборот Сипанго совсем не интересовала, он думал только о своей Антилии. Но планы обоих мореплавателей не находились в противоречии. Напротив—они друг друга дополняли.

В Рабидском монастыре были устроены совещания, в которых приняли участие Хуан Перес, Антонио де-Марчена, палосский врач Гарсиа Фернандес, очень сведущий в делах мореплавания, Христофор Колумб и Мартин Алонсо Пинсон.

О том, что говорилось обоими мореплавателями и на чем они порешили, мы узнаем из показаний Ария Переса Пинсона, сына Мартина Алонсо, данных им в 1515 году на суде, разбиравшем вопрос о наследстве, оставшемся после Колумба.

На вопрос судьи, известно ли свидетелю, „располагал ли Мартин Алонсо точными данными и документами, касающимися открытых впоследствии земель, полученными им из библиотеки папы Иннокентия VIII“,—Арий Перес показал следующее:

„За год до того, как отец отплыл для открытия новых земель, они оба находились в Риме и часто посещали папскую библиотеку, где беседовали с одним известным космографом. Однажды, последний подробно рассказал им все, относящееся к этим землям, и передал его отцу документ, о котором здесь идет речь. Отец свидетеля увез этот документ с собой в Кастилию. Алонсо Мартин был человеком чрезвычайно предприимчивым и сведущим в деле мореплавания и часто говорил сыну о том, что он снаряжает два корабля и намеревается отправиться на поиски этих земель. В это время в Полос прибыл адмирал (Христофор Колумб) со своим проектом открытия тех же земель. Отец свидетеля, узнав об этом, вошел с ним в сношения. Он сказал ему, что проект его превосходен, и что, явись он несколько позже, он бы уже не застал в Палосской гавани двух каравелл, с которыми отец свидетеля собирался отплыть на открытие этих

земель. Адмирал настолько близко сошелся с отцом свидетеля, что последний заключил с ним соглашение и предложил адмиралу сопровождать его в плаваньи. Далее он знает, что это соглашение предусматривало предоставление Мартину Алонсо половины всех выгод, которые были бы предоставлены Колумбу испанской короной. Мартин Алонсо пред'явил адмиралу полученный им в Ватикане документ, и рассмотрение последнего придало значительно бодрости адмиралу. Когда соглашение состоялось, Мартин Алонсо дал адмиралу денег, и тот, в сопровождении монаха Хуана Переса, отправился ко двору".

Другие свидетели также подтверждают правильность этих показаний. Так например моряк Алонсо Галисиец, из Гуэльвы, показывает, что сам слышал, как Колумб сказал Пинсону:

„Господин Мартин Алонсо, отправимся в это плаванье; если нам посчастливится открыть землю, я обещаю всем поделиться с вами, как с родным братом".

Итак, чем рисковать еще несколькими годами сомнительных по результатам хлопот перед французским и английским королями, Христофор Колумб предпочел вступить в соглашение с Мартином Алонсо, обещав ему половину всех прибылей.

Это соглашение открыло Хуану Пересу возможность возобновить с королевой разговоры об этом деле. Хотя Колумб и внушал ему симпатию, но все же привычка этого иностранца окружать свои проекты тайной породила у монаха некоторые сомнения в его талантах мореплавателя. Но семью Пинсонов он знал хорошо и издавна: их участие обеспечивало полную уверенность в успешном исходе экспедиции. Все три брата ни в чем не уступали лучшим португальским мореплавателям.

Хуан Перес отправился ко двору.

Колумб, поселившись в монастыре, ежедневно совершал прогулки в порт. Там он беседовал с Мартином Алонсо и с палосскими и могерскими моряками, выспрашивая у них все сведения, касающиеся Антилии, и допытываясь, не бывал ли уже кто-нибудь там, или не приближался ли к ней.

Педро де-Веласко, недавно возвратившийся в родной порт, рассказывал ему о своем плаваньи на запад, на кораблях Тэйва, и о совершенных последним открытиях.

Чаще же всего Колумб вел беседу с лоцманом Перо Васкесом де-ла-Фронтера, опытным мореплавателем, участвовавшим уже однажды в португальской экспедиции, отправленной для

открытия Антилии. Корабли принуждены были повернуть обратно, так как водное пространство перед ними оказалось на большом протяжении покрыто морскими водорослями. Де-ла-Фронтера очень сожалел, что капитан, боясь запутаться в этих водорослях, не отважился плыть дальше.

— Обязательно нужно было,—сказал он Колумбу,—продолжать плаванье через водоросли, и мы бы наверно открыли землю...

Колумб, имея Перо Васкеса на борту, безбоязненно прошел впоследствии Сергассово море.

Наконец получилось письмо от приора: Колумба приглашали явиться ко двору. Хуан Перес, говоря не только от имени лигурийца, но и от имени Мартина Алонсо Пинсона и даже от имени всех моряков Палоса, Могэра и Гуэльвы, перечислил все установленные в предшествующие плаванью доказательства существования островов, лежащих за Азорскими, и добавил, что это единственное место в океане, где трактаты предоставляют кастильскому правительству возможность приобрести одинаковые с португальцами славу и выгоды. Кончилось тем, что он убедил королеву.

Стоял октябрь 1491 года. Двор разместился в военном лагере перед осажденной Гренадой.

Королева из'явила согласие на то, чтобы предложения Колумба были рассмотрены новой комиссией. Происходит заседание, на котором Колумб делает доклад. Выступление его производит на членов комиссии неблагоприятное впечатление: об открытиях, которые он намерен совершить, он говорит чрезвычайно неопределенно, так же как и о тех, которые им будто бы уже сделаны; его требования попрежнему остаются чрезмерными. Комиссия постановила: предложения Колумба отклонить.

Он покидает двор и отправляется в Кордову.

Не проходит и двух часов, как его нагоняет бешено мчащийся альгвазил и предлагает ему вернуться: все его предложения приняты.

Что же могло случиться за такой короткий промежуток времени? Люис де-Сантанхель, заинтересованный в деле не меньше, чем францисканцы—хотя и по другим соображениям—отправился к королеве, развил перед нею те же доводы, что и Хуан Перес, и добавил несколько новых от себя, благоразумно умолчав о тех, которые ему лично были ближе всего к сердцу.

— Все это прекрасно,—ответила королева,—этот иностранец обладает очевидно даром убеждать людей, раз он в столь короткое время сумел заручиться такими ходатаями, как отец Хуан Перес, герцог Медина-Цели, маркиза де-Мойя, кардинал Испании и даже вы сами. Но в своих требованиях он переходит всякие границы.

— Все это относительно,—ответил Сантанхель.—Если он потерпит неудачу, вы ничего не будете ему должны. Наконец во всяком договоре, какие бы детали он ни предусматривал, всегда могут найтись спорные места, влекущие за собой изменение первоначальных условий...

— Нет, нет! Я хочу, чтобы в договоре все было ясно выражено, и не было бы места ни для каких сомнений. Все условия должны быть выполнены в точности... В конце концов, слишком много лиц, которых я ценю за их ум и преданность мне, просят за этого Колумба. Поскольку отказ ему со стороны комиссии вызван, главным образом, его преувеличенными претензиями, я могу, не задевая самолюбия членов комиссии, не считаться с их мнением. Скажите ему, что мы принимаем все его условия. Мы уполномочим Хуана де-Колома выработать договор, а вы согласуйте с ним отдельные детали.

* * *

Немного позже, 2 января 1492 г., Гренада пала. Испания была окончательно освобождена от мусульманского владычества.

17 апреля Колумб торжествовал удачу. В этот день в Санта-Фе, близ Гренады, король и королева подписали с ним договор.

По этому акту, „дабы вознаградить Кристобаля Колона за совершенные уже им открытия и за путешествие, которое он предпринимает, их величества возводят его с сего числа в звание адмирала всех островов и земель, которые будут открыты или приобретены в океане его трудами и умением,—его лично пожизненно, а после его смерти, его наследников, одного за другим, на вечные времена“. По этому акту он назначается вице-королем и генерал-губернатором всех этих островов и земель; для управления ими он укажет трех лиц, из числа которых королева изберет одного. В его пользу поступает одна десятая часть всех доходов от торговли с теми странами, вице-королем и губернатором которых он явится. Разрешение споров, могущих возникнуть между купцами, принадлежит

самому адмиралу или назначенному им лейтенанту. Он вправе наконец участвуя в одной восьмой части расходов всякой торговой экспедиции, т. е. уплачивая одну восьмую всей стоимости снаряжения, получить одну восьмую всех прибылей, которые даст данная экспедиция.

По этому договору задачей Колумба является открытие новых островов и земель и установление с ними торговых сношений. Ни о чем другом нет речи. Нигде не говорится ни об отыскании пути на восток через запад, ни об Индии. Эти мнимые задачи путешествия будут изобретены лишь впоследствии.

В письме, помеченном тем же числом, 30 апреля 1492 г., король и королева приказывают городу Палосу предоставить в распоряжение Колумба две вооруженных каравеллы, в исполнение приговора, состоявшегося по делу жителей этого города

„... Вам известно, за какие повинности вы были присуждены нашим советом поставить в наше распоряжение и содержать за свой счет, в течение двенадцати месяцев, две вооруженных каравеллы, в то время в том месте, где это нам понадобится...“.

Число каравелл было впоследствии увеличено до трех.

* * *

— Когда Хуан де-Колома прочел текст договора Люису де-Сантанхель, последний воскликнул:

— Как! Ты не сумел добиться от него каких-либо уступок? Ты наградил его титулом, даже не обусловив это успешностью экспедиции! Ведь с этого момента, даже до своего отплытия, он уже стал доном Христофором и адмиралом...

— Что ж! — ответил тот, — пришлось сделать ему эту поблажку. По этому поводу он пришел в такой восторг, что даже не заметил, как попал в ловушку. В один из пунктов договора я внес дополнительное условие, и я удивляюсь, как это ты, подобно Колумбу, этого не заметил... Нашему новоявленному дону Христофору предоставляется все, что он требует, при условии, если это соответствует прецедентам и если другие адмиралы Кастилии уже пользовались подобными правами и привилегиями. Верховный трибунал или королевский совет смогут и вероятно будут даже обязаны аннулировать часть тех прав и выгод, которые предоставлены Колумбу и которыми

другие адмиралы, его предшественники, никогда не пользовались. Весь этот договор представляет поэтому материал для будущего судебного процесса.

— Это условие, — сказал Сантанхель, вторично пробежав документ,—очень искусно введено в текст. Оно прозводит такое впечатление, будто вставлено по особому приказанию их величеств. Очень ловко сделано, мой дорогой Хуан! В конце концов, если Колумб своего добьется, ему не на что будет пожаловаться. Даже при наличии этой оговорки, на его долю выпадет достаточно почестей и выгод,—и это при отсутствии всякого риска с его стороны...

— Как! А жизнь экипажа и его собственная!..

— Все мореплаватели всегда подвергаются тому же риску, не имея никакой надежды стать адмиралами и вице-королями. В конце концов он получил то, чего добивался. Ловкость этого человека возбуждает во мне чувство восхищения. Теперь, когда он состоит под королевским покровительством, имеет чин адмирала и две каравеллы, все остальное он по необходимости так или иначе добудет. Помимо кораблей, ему нужны еще деньги на уплату жалованья экипажу, на провиант и прочие расходы. По его подсчетам ему понадобится около двух миллионов мараведисов[1]. Он хотел, чтобы королева взяла на себя половину. Но ее величество не в состоянии была выложить такую сумму из своей личной казны, которую она и так уже почти опустошила во время осады Гренады. Никогда еще не была она так бедна, как сейчас. Свое жемчужное ожерелье она заложила в Валенсии у одного ростовщика. Где ее корона—я понятия не имею; уже третий или четвертый раз, как она ее закладывает. Уж лучше было бы совсем ее продать! Поэтому я ей теперь одолжил требуемую сумму.

— Что за щедрость, мой друг! Оговорил ли ты, по крайней мере, что даешь деньги именно ее величеству, а не Колумбу? Ведь если его предприятие потерпит неудачу...

— О! Я уже устроился таким образом, что почти тут же вернул себе эти деньги из средств св. Германдады.

— Вот как? Но поскольку св. Германдада является правительственным учреждением, вся операция свелась, стало быть, к тому, что королева одолжила миллион самой себе?

---

[1] Мараведис—денежная единица Испании, введенная маврами.

— Конечно. При моем посредстве... А я получил на этом семнадцать тысяч мараведисов пользы.

— За какой же срок?

— Миллион мараведисов, и даже несколько больше, я передал Колумбу первого мая. Деньги же я вернул себе вчера.

— Семнадцать тысяч мараведисов—за четыре дня! Больше чем сто на сто пользы! Прямо великолепно! А другой миллион?

— Колумб обязался вложить в дело двести пятьдесят тысяч мараведисов...

— Но у него же нет ни гроша!

— Он найдет. Его друг Жуаното Берарди предоставляет в его распоряжение двести тысяч. Остальное, по его словам, дали уже или дадут четыре других генуэзских банкира и по всей вероятности Мартин Алонсо Пинсон. Во всей этой истории, в дураках останется очевидно один Пинсон, который является повидимому опытнейшим мореплавателем, но ничего не смыслит в делах. Судя по рассказам отца Хуана Переса, он является компанионом Колумба, и последний обещал—правда на словах—поделить с ним по-братски все доходы от этой экспедиции. Он имел неосторожность позволить Колумбу одному ехать в Гренаду и вести переговоры с королевой. Его имя в договоре и не обозначено. Каков хитрец, какой упрямый чорт этот генуэзец! Но, скажи, он и в самом деле из Генуи?

— Так он по крайней мере утверждает... Нам нет никакой выгоды не верить ему. Все же хотелось бы мне знать, почему он говорит и пишет своим соотечественникам—итальянским банкирам Севильи—всегда на кастильском языке?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первое путешествие. Красоты океана и тайна острова Сан-Сальвадора

КОЛУМБ, немедленно по подписании договора, отправился в монастырь Рабиды и оставался там до дня отплытия. Сперва он намеревался отвезти своего сына Диего в Кордову, но затем один францисканец, ехавший в этот город, избавил его от этого путешествия, взявшись доставить туда мальчика.

Теперь, став адмиралом и снабженный всякими документами, он решил, что сумеет обойтись без Мартина Алонсо Пинсона. 23 мая он, в сопровождении нотариуса, явился в церковь св. Георгия Палосского и там, в присутствии должностных лиц, нотаблей и местных жителей, огласил королевское письмо, предписывавшее городу в десятидневный срок предоставить в его распоряжение две каравеллы с полным вооружением и припасами.

Вся эта торжественная процедура не возымела никакого действия. Никто не отказался повиноваться но вместе с тем ни один из арматоров, офицеров или матросов и пальцем не двинул, чтобы выполнить королевский указ.

По истечении месяца последовал вторичный приказ, при чем была конфискована одна каравелла. Две другие должны были быть немедленно предоставлены Колумбу. Но положение продолжало оставаться прежним. Колумб натолкнулся на молчаливое сопротивление...

Новоявленный адмирал, всюду встречавший до сих пор радушный прием, не внушает доверия андалузским морякам. В нем видят иностранца, возведенного в высшее звание, которого не удостаивались самые искусные капитаны страны, и эта

честь представляется морякам незаслуженной. Они увидели то, чего не могли разглядеть придворные, монахи и ученые: тот, кто берется ими руководить,—несведущ в морских делах. Да и моряк ли он вообще? Какова его цель? Азиатский материк? Остров Сипанго? Антилия? Он говорит об этом очень туманно. Мартин Алонсо, который в этом плавании участвовать повидимому не будет, но с которым палоссцы охотно бы поехали, говорил, что сперва пойдут в Антилию, а потом на Сипанго.

Перо Васкес, принимавший участие в Португальской экспедиции, рассказывал приятелям, собиравшимся на набережной или в тавернах, о том, как Тэйву преградили путь устилавшие море водоросли.

— Я готов снова пуститься в этот путь—воскликнул он—и пробиться через водоросли, но никак не с этим иностранцем, который в них завязнет и не сумеет нас оттуда вывести! Мало что ли у нас капитанов, которым мы верим! С братьями Пинсонами или, скажем, с другом Мартина Алонсо, бискайцем Хуаном де-ла-Коса мы куда угодно пойдем. Мы их знаем, и они нас знают. Но чтобы итти в плаванье с этим лигурийцем, ничего не смыслящим в морском деле, про которого неизвестно, ни откуда он взялся, ни каким образом добрался до адмиральского звания,—нет, этому не бывать!..

— Хотел бы я знать,—сказал другой моряк,—как мог он, не плавая, стать адмиралом? Я помню, как лет шесть-семь назад он, одетый в монашеское платье, высадился в Палосской гавани. С того времени он только и делал, что всюду таскался следом за двором. Он—интриган! Я так думаю, что он стал любовником какой-нибудь придворной дамы и с ее помощью добился чего хотел!..

— В нашем деле он ничего не смыслит!—воскликнул Франсиско,—даже не умеет пользоваться квадрантом... И кроме того, он какой-то чудной: видит призраки, на гвинейском берегу повстречался с сиренами и видно хочет поискать их и в Антилии. Будь они еще красивыми женщинами... Так нет! Сирены, которых он видел,—оказывается мужчины!

И все покатились со смеху.

Колумб понял, что все рушится. Для такой дальней экспедиции нужны смелые и опытные моряки; нельзя пуститься в путь с сотней первых попавшихся, насильно набранных молодцов. Впервые Колумб впадает в отчаяние и начинает

поговаривать, что отправится к французскому королю, от которого он будто бы уже получил предложение. Отец Хуан Перес утешает его и под конец находит способ спасти положение. Он идет к Пинсону.

— Мартин Алонсо,—говорит он ему,—забудьте свою обиду на дона Христофора и отправляйтесь-ка с ним. Так нужно—и в ваших личных, и в общих интересах.

— Как!—восклицает тот с негодованием,—не он ли сам, нарушая свои обязательства, хочет отплыть без меня!

— Он раскаивается. Он снова готов подтвердить заключенное с вами соглашение. Он выполнит все свои обещания.

— Но он неспособен управлять кораблем! И затем что же?.. Осмотрев все карты Ватикана и получив от папских космографов самые точные указания, я по-вашему должен теперь отправиться с моими каравеллами, моей семьей, моими людьми и моими деньгами на открытие Антилии и ее архипелага, не выговорив даже себе у их величеств особого их покровительства, полномочий и участия в прибылях?

— Сейчас добиться этого вы уже не сможете. Как вы хотите, чтобы королева предоставила вам то, что она уже пожаловала дону Христофору за открытие тех же земель? Послушайтесь меня, отправляйтесь вместе с ним. Если он не имеет достаточно опыта в морском деле, то настоящим начальником экспедиции окажетесь вы, и будете стало быть вознаграждены за это. Нельзя допустить, чтобы Антилия стала португальской. Не забудьте, что прошло уже больше шести лет, как португальский король послал Фернандо Дюльмо на открытие Антилии. А проект этого португальца во всем совпадает с вашим... И если Фернандо Дюльмо, подобно своим предшественникам, не добился пока удачи, из этого еще не следует, что другие португальцы не окажутся счастливее его.

Монаху удалось в конце концов переубедить Мартина Алонсо, и последний встретился с адмиралом, который в присутствии Хуана Переса вновь подтвердил данные им раньше обещания.

— Главная причина,—сказал Мартин Алонсо,—почему моряки вам не доверяют, лежит в том, что вы им открыто не говорите, куда хотите вы их вести.

— А где сказано, что экипаж должен знать, куда отплывает корабль?—высокомерно ответил Колумб.—Дело матросов—повиноваться. Если же по пути среди них возникнет недовольство,

то всегда можно изыскать способ их успокоить, притворившись, что выполнил их желания. Был со мной такой случай: король Ренэ—да успокоит господь его в своем лоне!—послал меня в Тунис, чтобы захватить галеас [1] „Фернандину". Уже достигнув острова св. Петра, я от встречного левантинца узнал, что галеас идет в сопровождении двух кораблей и караки [2]. При этом известии люди моего экипажа испугались и отказались продолжать плавание, требуя возвращения в Марсель за подкреплением. Видя, что иначе не заставишь их подчиниться, я притворился будто согласен выполнить их требования, и, изменив направление магнитной стрелки, я с наступлением ночи поставил паруса. На следующее утро, при восходе солнца, мы оказались перед Карфагеном, мой же экипаж был убежден, что мы шли к Марсели. Итак, если палосские моряки боятся итти в Антилию, потому что Перо Васкес прожужжал им уши о непроходимых водорослях, покрывающих в тех местах водные пространства, вы можете сказать им, что мы плывем в другом направлении,—и они подчинятся.

Пинсон слегка пожал плечами и промолчал. Позже, по дороге домой, он сказал отцу Хуану Пересу, вышедшему его проводить:

— Франсиско Вальехо прав: адмирал не в ладах с истиной. Кого хочет он уверить, что целый экипаж поддался на его удочку, поверив, плывя с севера на юг, что плывет в обратном направлении, и приняв Карфаген за Марсель? К тому же у него возникают мысли, которые не могут зародиться в уме моряка; он например хотел набрать матросов по тюрьмам. Об этом он, как говорят, просил королеву. Каторжников!.. Они еще пригодны, чтобы грести на галерах по Средиземному морю, но не отправляться же с ними в продолжительное плаванье на открытие новых земель!..

Несмотря на свое дурное мнение об адмирале и владевшее им чувство досады, Мартин Алонсо все же пошел навстречу желаниям Колумба и притом в большей степени, чем тот от него ожидал. Конфискованный корабль *Пинта* частично принадлежал ему. Правительство собиралось конфисковать еще два судна, принадлежавших другим арматорам.

---

[1] Галеас—большая галера.

[2] Португальское военное судно.

— Не нужно прибегать к насилию,—сказал он.—В предприятии, подобном нашему, мы должны обеспечить себе возможные шансы на успех. Нам поэтому нужны лучшие корабли в стране, лучше же—*Санта-Марии* и *Ниньи*, составляющих собственность нашей семьи и наших друзей,—нам не сыскать. Эти суда мы, с Хуаном де-ла-Коса, которому принадлежит значительная часть *Санта-Марии* и который хочет итти с нами, охотно предоставим для этой экспедиции. Кроме того дону Христофору нечего беспокоиться о деньгах; я даю сумму, недостающую до двух миллионов мараведисов, нужных на это предприятие.

Таким образом не только экспедиция 1492 года не состоялась бы без участия в ней Мартина Алонсо Пинсона, но он же явился и главным пайщиком дела: по сравнению с правительством, его доля участия в расходах была значительнее.

Подобный характер подготовки и выполнения экспедиций по открытию новых земель является обычным для той грандиозной и великолепной эпопеи, которая привела к открытию и завоеванию огромного континента. В других подобных предприятиях королевская казна не принимала уже никакого участия. Открытие Нового Света не просто произошло в одно прекрасное октябрьское утро 1492 года; ему предшествовало полстолетия бесплодных попыток, страданий, настойчивости, храбрости и героических усилий. Открыватели и конквистадоры вовсе не были шайкой умиравших с голоду грабителей и бандитов с большой дороги, которых благодетельное королевское правительство экипировало, кормило и снаряжало для экспедиций, имевших назначением завоевание сказочных богатств. Правительство ограничивалось в этом деле лишь ролью зрителя. Финансировать подобные предприятия ему было не под силу.

Все открытия и завоевания, произведенные испанцами, были совершены арматорами, по их инициативе и на их средства: бесчисленными примерами и доказательствами тому полны американские и севильские архивы. В родословной одного лишь американца, жившего в начале XIX века, Боливара, есть десять капитанов—конквистадоров, которые, отправляясь в Америку, на свои средства набирали и экипировали солдат и вели войны, строили гавани и дороги и основывали целые города. Одни из них добивались славы и богатства, другие же совершенно разорялись или погибали. По их следам понятно тянулся, как и за

всякой колониальной экспедицией, всевозможный сброд и темные искатели приключений.

Открытие Нового Света было делом исключительно народным: народ принял в нем участие добровольно, не будучи вынужден к тому никакими принудительными мерами, никакой обязательной воинской или морской повинностью.

Несчастный Пинсон, которого история безжалостно чернила и поносила, чтобы вознести Колумба до небес, был первым из этих отважных мореплавателей.

Как только соглашение с адмиралом было вновь заключено, Пинсон обошел порты Палоса, Могера, а затем и Гуэльвы, посещал моряков, отыскивая их даже по тавернам, и держал к ним речь, которая в виду уважения, которым он пользовался, должна была убедить тех, кто еще колебался:

— Друзья,—говорил он им,—идите с нами в плаванье. Здесь вы живете в нужде. По слухам, в тех странах, куда мы направляемся, дома крыты золотом, и все вы вернетесь богатыми.

Таким образом Колумб в несколько дней получил то, чего в течение месяца не могла добиться королева, и никогда бы не добился он сам.

Три каравеллы, полностью или частью принадлежавшие Пинсонам, были: *Санта-Мария*, длиной 34 метра 10, *Пинта*—17 метров 80 и *Ниньа*—17 метров 10. Все три были палубными судами, несли по три мачты с четырехугольными латинскими парусами и были вооружены. Общий экипаж состоял из девяноста человек. Помимо того на судах находился служебный персонал: доктор Гарсиа Эрнандес, хирург, корабельный плотник, бочар, слесарь, переводчик Люис де-Торрес, владевший еврейским, греческим, латинским, арабским, коптским и армянским языками,—приглашенный на тот случай, если бы пришлось высадиться в Сипанго или в царстве Богдыхана,—правительственный счетовод, королевский нотариус и слуги—в общем десятка три людей.

Адмирал находился на *Санта-Марии*, капитаном которой был мореплаватель и космограф Хуан де-ла-Коса. *Пинта* шла под управлением Мартина Алонсо Пинсона, с братом его Франсиско Мартином в качестве первого лоцмана, а капитаном *Ниньи* был Висенте Хуаньес Пинсон, самый младший из братьев. На каравеллах находились также и другие члены семьи Пинсонов: Диего Мартин Старший, сын его Бартоломео Мартин, Франсиско

и Арий Мартины, потом Диего де Арана, Хуан Бермудес и восемь членов многочисленного семейства могерских моряков Ниньо. Из числа лиц, занимавших командные должности, Хуан Бермудес, Хуан де-ла-Коса и оба брата Мартина Алонсо снискали себе впоследствии славу, совершив самостоятельно открытие новых земель, и их имена были занесены в пантеон Испании. Мартин Алонсо, истинный вдохновитель экспедиции, которого потомство так незаслуженно оклеветало, умер по возвращении из первого путешествия.

Среди девяноста моряков, командиров и матросов, не было ни одного каторжника, ни одного уголовного преступника, ни одного преследуемого правосудием,—как то было изображено историей и поэзией, с целью придать Колумбу облик мученика и героя, повелевающего разнузданной толпой каторжников:

„Восемьдесят было их. Скольких из них
Он из тюрем извлек в кандалах ножных,
И насильно повлек их к славе...“
„...Другие матросы не хотели плыть.
Мы набрали товарищей по острогам...“

Согласно той же исторической и поэтической традиции, Колумб со своим экипажем из уголовных преступников были посажены на дрянные суда, лишь чудом державшиеся на воде. Все это—„каботажные“ суда, „утлые лодчонки“. *Санта-Мария*—„стара“, *Ниньа*—„без средней палубы“, *Пинта*—„не имеет задней палубы“. И все это лишь для того, чтобы противопоставить нищету средств—величию достижений и создать романтический образ героя, со всех сторон окруженного препятствиями, воздвигнутыми глупостью и злобой окружающих. При этом упускается из виду, что этим не возвеличивают, а напротив бесчестят Колумба, потому что адмирал, согласившийся пуститься на подобных дрянных судах в дальнее и опасное плаванье, должен быть или преступником или сумасшедшим.

К тому же сам Колумб, возвратясь из путешествия, писал, что корабли были „хороши“ и вполне пригодны для подобного предприятия, а один из знатоков морского дела, А. Жаль, пришел, на основании изучения документов той эпохи, к выводу, что „корабли вместимостью соответствовали современному военному бригу, вооруженному двенадцатью или шестнадцатью пушками, и были хорошими крепкими судами с прекрасной оснасткой“.

* * *

В конце июля флот был готов к плаванью.

Начиная с 3 августа 1492 г., дня отплытия трех каравелл из Палосской гавани, и вплоть до 12 октября, дня высадки на неизвестном острове, адмирал Христофор Колумб вел ежедневно корабельный журнал. К несчастью полный текст его утрачен. Мы располагаем лишь сделанным Лас-Казасом изложением журнала, довольно подробным, содержащим много деталей и многочисленные цитаты. Этот журнал—исключителен в анналах мореплаванья, и не только тем, что он повествует о крупнейшем событии мировой истории, но также и потому, что в нем, вперемежку с верными наблюдениями профессионального моряка, содержатся и грубейшие ошибки, допустимые только со стороны профана, — главным же образом потому, что, изобилуя порождениями фантазии мечтателя, преувеличениями, ложью,—он в то же время овеян очаровательной, трогательной и подлинной поэзией.

Этот таинственный хитрец, сплошь и рядом производящий отталкивающее впечатление, является истинным поэтом, сумевшим свой корабельный журнал—иными словами: официальное донесение правительству—превратить в чудесную эпопею приключений, многие страницы которой могут выдержать сравнение с Одиссеей.

Его записи, сперва классические по своей легкости и изяществу, становятся впоследствии преромантическими, в которых он выступает предтечей Жан Жака Руссо и Шатобриана, и под конец когда он уже изнемог под бременем разочарований, глубоко унизивших его гордость, они превращаются в исступленные выкрики одержимого, не теряя, в то же время, своих поэтических достоинств.

Нужно отметить одно странное обстоятельство: среди всех, писавших о Колумбе, есть всего два писателя—и оба очень авторитетны,—которые подметили, что самыми отличительными чертами Колумба, определившими характер его жизни и поступков, являлись дар воображения и дар поэтический. Эти писатели—Александр Гумбольдт и Карлос Перейра. Но еще раньше их, Лопе де-Вега сумел пролить луч света на мрачную, измученную душу Колумба в своей драме „Открытие Нового Света“, выведя и олицетворив воображение Колумба.

„Воображение. О чем ты задумался, Колумб? Почему не отрываешь ты своего циркуля от карты?

Колумб. Кто это вопрошает меня?

Воображение. Твое собственное Воображение... Я уже слышу зовущие тебя трубы славы.

Колумб. Позволь мне наконец хоть немного вкусить покоя.

Воображение. Я не могу тебя отпустить. Я должно вести тебя за собой.

Колумб. Куда же ты хочешь вести меня?

Воображение. Крепче привяжись ко мне...“

Эти последние слова определяют все: Колумб крепко привязывается, но не к доводам рассудка, не к истине, а к собственному разнузданному, властному воображению.

На рассвете того прекрасного летнего дня, когда три стройные крепкие каравеллы покинули Палосский порт, неся к райским островам, составлявшим мечту средневековья, генуэзского ткача, воображение последнего было исполнено восторга и безграничных надежд.

„Мы отплыли,—говорится в корабельном журнале,—от Сальтской косы в среду, 3 августа 1492 года в 8 часов, и до захода солнца, под сильным ветром, относившим нас к югу, мы прошли шестьдесят миль, составляющих пятнадцать лье; затем мы пошли на юго-запад, а потом на юго-юго-запад по направлению к Канарским островам“.

Вместо того стало быть, чтобы сразу взять курс на запад,—как он должен был бы поступить, имея целью „отыскать путь на восток через запад“, что приписывается ему легендой,—он в действительности держит курс к Канарским островам, т. е. на юг. Оттуда, от острова Гомеры, он отплывает к 28-му градусу северной широты, от которой ему приходится значительно отклониться вплоть до 25 сентбяря; под этим градрсом—уверен он—расположен тот остров, который он собирается открыть.

На портуланах [1] того времени Антилия обозначена под 40-м градусом. Но на карте Колумба, составленной в Рабидском монастыре по указаниям, полученным им от Алонсо Санчеса, она была помещена на 28-м градусе.

Незадолго до отправки этой экспедиции, космограф Мартин Бегайм исправил портуланы и поместил Антилию на 23-м градусе северной широты; он оказался таким образом ближе других

[1] Компасные карты.

к истине, если под Антилией, — что всего вероятнее, — нужно понимать Гаити.

Карта, привезенная из Рима Мартином Алонсом, была точнее карты Колумба и быть может даже карты Бегайма.

С другой стороны адмирал вполне уверен в правильности выбранного им направления. Он заранее определяет, что цель его путешествия находится на расстоянии от семисот до семисот пятидесяти лье от Канарских островов. Так он прямо и указывает в своих инструкциях экипажу, данных перед отплытием от Канарских островов. Хотя документ утрачен, но по свидетельству сына Колумба, Фернандо, адмирал отдал приказание экипажу: „Проплыв семьсот лье к западу и не обнаружив земли, воздержаться от плаванья ночью, начиная с полуночи и до рассвета". Такого рода наставление представлялось бы непонятным, если бы целью этого путешествия являлась Азиатская Индия.

На Канарских островах флотилия оставалась три недели: на *Пинте* чинили сломанный руль, на *Ниньe* сменили трехугольные паруса на квадратные. 6 сентября отчалили от острова Гомеры; это и есть настоящая дата отплытия навстречу неведомому, потому что до того времени из Палоса к Канарским островам плыли в водах, которые испанские суда избороздили уже вдоль и поперек.

Три дня спустя, в корабельном журнале—в изложении Лас-Казаса—значится следующее: „В этот день адмирал прошел двенадцать лье, но решил пометить меньшее расстояние, чтобы люди его экипажа не волновались и не утратили мужества в том случае, если путешествие затянется на долгий срок". И отныне он почти ежедневно будет уменьшать в корабельной книге число пройденных лье.

До самого конца XIX столетия историки, отмечая этот подлог, оставляли его без комментариев или же выражали по этому поводу наивное восхищение: какая, мол, „предусмотрительность"! Но было ли это вообще возможно?

Прежде всего пройденное расстояние вообще не отмечается самим адмиралом, и Колумб вряд ли бы взялся за это, зная, насколько он неискусен в технических процессах мореходства. Помимо того он не был бы в состоянии ежедневно обманывать подобным образом своих офицеров. С другой стороны трудно поверить тому, что капитаны *Пинты* и *Ниньи* тоже прибегали к подобному обману. И наконец эти ложные записи помешали бы

экипажу выполнить приказ Колумба „воздержаться от плаванья ночью по достижении семисот лье от Канарских островов“.

Не окажется ли таким образом прославленная „предусмотрительность“ адмирала лишь непоследовательностью? Не одна ли это из многих бесполезных хитростей Колумба, который, будучи сам неопытен в морском деле, всегда надеялся легко обмануть опытных моряков и никогда этого не достигал?

Четверг, 13-го того же месяца, вошел в историю мореходной науки, как день, когда впервые Колумбом было обнаружено отклонение магнитной стрелки. Вместо того, чтобы указывать на Полярную звезду, компасная стрелка отклоняется к северо-западу.

Несколько дней спустя это явление снова повторяется, и журнал дает ему следующее об'яснение: „Лоцманы отметили, где был север, и нашли, что компасные стрелки отклоняются к северо-западу на добрую четверть. Моряки ходили озабоченные и встревоженные, но не об'ясняли причины. Тогда адмирал приказал им на рассвете снова определить, где север, и тогда они пришли к заключению, что компас показывает правильно. Причина этого явления кроется в том, что звезда находится в движении, в то время как стрелки остаются неподвижными“.

Корабли достигли тропиков. Все вокруг полно поэзии. Вечером, 15 сентября, падающая звезда пересекает небосвод и исчезает за горизонтом—явление обычное, не заслуживающее никакого внимания, и которое ни одним корабельным журналом не отмечалось и не будет никогда отмечаться. Но адмирал, уже исполненный восторга перед красотою тропических восходов и закатов, преображает в своем воображении и форму звезды, и излучаемый ею свет. Допуская великолепную поэтическую вольность, он записывает:

„В самом начале этой ночи мы увидали упавшую с неба, в четырех или пяти лье от кораблей, чудесную ветку огня“.

Как жаль, что Лас-Казас, которого ни в какой мере нельзя назвать поэтом, сохранил нам лишь крохи фантастики Колумба!

«16 сентября.—Под этим числом адмирал записывает, что жара в этот день была умеренная, красота этого утра позволяла испытать истинное наслаждение, и что нехватало лишь соловьиного пения. Он добавляет, что в это время года стояли дни, какие бывают в Андалузии в апреле месяце.

18 сентября.—Все последние дни море спокойное и гладкое, как река в Севилье.

29 сентября.—Воздух мягкий и чрезвычайно приятный; не хватает лишья пения соловья; море гладкое, как река.

8 октября. — Море — как река в Севилье; воздух настолько ароматен, что дышать им одно наслаждение".

Все эти поэтические образы дошли до нас в прозаическом изложении монаха, никогда не созерцавшего красот природы и не слышавшего соловьиного пения. И тем не менее даже то немногое, что он позволяет нам угадывать, оставляет сильное впечатление. Пение соловья, о котором тоскует адмирал, ароматный воздух Севильи и Андалузии—все это припевы, постоянно встречающиеся на страницах его корабельного журнала.

Но воспоминание об Андалузии и Гвадалквивире—это как бы взгляд, брошенный назад. Нам же особенно интересны признаки, устанавливающие цель этого путешествия и указывающие на избранные пути. У Колумба был такой признак, введший его в заблуждение: растительность, покрывающая Саргассово море, которое он проплыл. Он предполагал, что эти растения, не встречающиеся в других морях, занесены сюда течением реки с какой-нибудь недалекой отсюда земли: в этом он заблуждался.

Но был другой вестник, который не может обмануть: над кораблем пролетает белый голубь. Откуда ему прилететь, как не с близкого побережья? По мере дальнейшего плавания, голуби и другие птицы целыми стаями летят навстречу каравеллам, кружатся над ними и опускаются на палубу. Морякам удается даже словить несколько птиц, и те, кто разбирается в птичьих породах, видят, что все это речные птицы.

Каравеллы ускоряют ход, словно голубиные крылья вздувают их паруса или словно самые паруса превратились в крылья каких-нибудь огромных пернатых. Все три капитана соперничают друг с другом в скорости. Это неустанное стремление вперед, этот трепетный восторг, охвативший моряков, чувствуется даже в сухом изложении Лас-Казаса:

„*18 сентября.*—Все последние дни море спокойное и гладкое, как река в Севилье. Сегодня Мартин Алонсо на своем корабле, представляющем собой очень ходкое судно, выдвинулся вперед. С своей каравеллы он сказал адмиралу, что он потому пошел с такой быстротой, что обнаружил великое множество птиц, летевших на запад, и поэтому он надеется еще ближайшей ночью достичь земли".

19 сентября все больше и больше признаков указывают на близость земли. Но так как экспедиция отплыла всего лишь на четыреста лье от Канарских островов, то эта земля не может быть той, которую ищет Колумб. Он не придает ей никакого значения.

„Погода стоит прекрасная,—записывает он;—что это за земля, мы разберемся на обратном пути“.

Он под этим понимает:—на обратном пути из Антилии, Мартин Алонсо—из Сипанго. Рифы, виденные ими, были открыты лишь в 1802 году.

23 сентября „они увидели горлицу, речную синицу и разных белых птиц. Во множестве появились водоросли и среди них находили речных раков“.

Последние два дня установился полный штиль, и экипаж был этим сильно встревожен. „В виду того, что море было гладкое и спокойное, экипаж начал роптать, говоря, что раз в этих морях не бывает бурь, то никогда не будет и ветра, и нельзя будет вернуться в Испанию“. Но вскоре море сделалось бурным, без того, даже, чтобы поднялся ветер, при чем волнение настолько усилилось, что все пришли в изумление. По этому поводу адмирал пишет в своем журнале: „Такое волнение было мне очень на-руку: подобного случая не было с библейских времен, когда египтяне отправились из Египта на преследование Моисея, освободившего евреев из рабства“.

Лас-Казас дословно приводит здесь слова Колумба. В этих словах уже начинает сказываться библейский пафос [1], ставший впоследствии отличительным для Колумба. В мировой истории море поднимается таким особым, ниспосланным провидением способом лишь дважды: для Моисея и для Колумба!

25-го адмирал беседовал с Мартином Алонсо относительно одной карты, отправленной им последнему дня три назад, на его каравеллу, на каковой карте были видимо нанесены некоторые острова, расположенные в этих водах. Мартин Алонсо настаивал на том, что эти острова должны быть в этих местах, на что адмирал ответил, что он и сам так думает, и если они до сих пор этих островов не нашли, то очевидно лишь потому, что течение все время относило их корабли к северо-востоку, и они прошли меньшее расстояние, чем то указывают кормчие.

---

[1] Пышный слог.

Затем адмирал сказал ему, чтобы он вернул указанную карту; после того как Мартин Алонсо бросил ему ее, привязанной к веревке, адмирал, совместно со своим лоцманом и несколькими моряками, принялся эту карту размечать.

Уже по одному этому незначительному событию,—не говоря уже о более важных,—можно судить, что Колумб искал именно острова, — как это и вытекало из его договора, — а никак не Азиатскую Индию или „путь на восток через запад“.

В этот же самый день произошла ложная тревога, вернее сказать возникла ложная надежда: показалось, будто увидали землю.

„После захода солнца Мартин Алонсо поднялся на корму своего корабля и крикнул адмиралу, что хочет поделиться с ним радостной новостью: он увидал землю. Когда на вопрос адмирала он вновь подтвердил это сообщение, адмирал бросился на колени, чтобы возблагодарить создателя. Экипаж всех судов взобрался на мачты и на снасти, и все утверждали, что видна земля“.

1 октября флотилия находилась в семистах семи лье от Канарских островов, но адмиральский кормчий „с испуганным видом“ сказал, что прошли только пятьсот семьдесят восемь. И Колумбу удалось таким образом уверить весь экипаж в том, что прошли именно столько. Как все это неправдоподобно!

Колумб неоднократно говорит в журнале о ропоте и волнениях среди экипажа. Такое настроение проявлялось с первых же дней плаванья, но только на борту *Санта-Марии*. На прочих двух каравеллах, с момента отплытия и до самой высадки на неизвестном побережьи, царила прекрасная дисциплина. Дело об'яснялось тем, что моряки питали полное доверие к Мартину Алонсо и к его брату, но упорно отказывались доверять Христофору Колумбу, не пользовавшемуся среди них авторитетом, потому что он не имел особого опыта в мореплавании и к тому же не обладал даром повелевать. Благодаря Мартину Алонсо была снаряжена эта экспедиция, и если бы не он, то адмирал вынужден был бы повернуть назад, не достигнув цели. И в самом деле настоящим командиром флотилии, хотя и не облеченным этим титулом, являлся Пинсон, и он это доказал на деле, когда экипаж *Санта-Марии* был близок к мятежу, в то время когда среди экипажей *Ниньи* и *Пинты* не слышно было ни малейшего ропота.

Это событие произошло 6 октября. Под этим числом в журнале нет никакой записи. 10 числа записаны следующие строки: „Люди экипажа жаловались на длительность путешествия и отказывались плыть дальше, но адмирал, как мог, вдохнул в них бодрость, обнадежив их относительно ожидающих их в будущем выгод“. Из этих двух фраз родилась впоследствии легенда о том, как Колумб успокоил матросов, собиравшихся сбросить его в море, обещанием открыть Америку в течение трех дней:

„Три дня еще,—сказал Колумб,—и новый мир вам дам!“

В общем, адмирал старается преуменьшить значение этого инцидента: то обстоятельство, что события разыгрались лишь на его корабле, не делает ему чести.

По инициативе Франсиско Вальехо, того самого, который уже в первый день прибытия Колумба в Палос имел основание не доверять ему, и в экспедицию отправился лишь следуя, как и другие, за Мартином Алонсо, днем решительных действий заговорщиков было назначено 6-е октября. Другие матросы, так же как и он, отказались повиноваться. Экипаж *Санта-Марии* хотел вынудить Колумба вернуться в Испанию. Ропот, усиливаясь, переходил в угрозы. Накануне перешли предел—семьсот пятьдесят лье, за которым должны уже были находиться острова. Колумб, придя от этого в замешательство,—тем более, что сам он нисколько не сомневался в правильности сведений Алонсо Санчес,—и испуганный настроением своих матросов, проявил нерешительность. Не следует ли,—думал он,—бросить все это прекрасное предприятие и возвратиться назад, подобно многим другим, отправившимся на поиски обманчивого Острова Семи Городов и не нашедшим его?

Он решает посоветоваться с Мартином Алонсо. Все каравеллы держались настолько близко друг другу, что адмирал мог, повысив голос, вести беседу, оставаясь на своем корабле.

— Вот что происходит,—сказал он Мартину Алонсо.—Как по-вашему должны мы поступить? Мы далеко заплыли, но земли не видно.

— Сударь,—ответил Алонсо,—мы явились сюда, чтобы послужить богу и королеве. Мы не вернемся, пока не найдем землю. Лучше смерть.

— Но, говорю вам, мои люди внушают мне опасения! И помимо того мы прошли уже больше семисот пятидесяти лье...

— Ну что ж! Сипанго гораздо дальше.

Тогда Колумб захотел выслушать мнение Висенте Хуаньеса Пинсона.

— Будем плыть, пока не пройдем двух тысяч лье,—ответил тот, – и если на таком расстоянии не найдем землю, то вернемся назад той же дорогой.

Адмирал снова обернулся в сторону *Пинты* и возобновил разговор с Мартином Алонсо.

— Как, сударь!—сказал тот ему.—Мы только-что покинули Палос, а вы уже впадаете в уныние! Будем итти все вперед и, бог даст, выйдем победителями и откроем землю...

— Но экипаж не хочет продолжать плаванья!..

— Здесь, у меня, и на *Нинье* все в полном порядке. Люди выполняют приказания, как всегда. Если у вас они отказываются повиноваться, велите повесить с полдюжины их на мачтах или бросить в воду! И если сами вы не решаетесь так поступить, я со своими братьями, перейду к вам на борт и сам это сделаю. Флотилия, вышедшая в плаванье с такими громадными задачами, подобно нашей, не вернется назад, не достигнув цели!..

Мартин Алонсо произнес эти угрозы веселым и ироническим тоном, столь свойственным андалузскому характеру. Он отлично знал, что ему не пришлось бы привести своей угрозы в исполнение. Матросы *Санта-Марии* услышали голос своего действительного начальника, с судьбой которого они связали свои судьбы. Они вернулись к повиновению, все вошло в свою колею. „Таким образом,—по словам Франсиско Вальехо,—благодаря Мартину Алонсо плаванье продолжалось“.

Знаменательный факт имел место вечером того же, столь богатого событиями дня. Колумб, растерявшись, был в нерешительности, куда дальше плыть. Он спросил Мартина Алонсо, следует ли продолжать держаться 28-го градуса широты?

— Нет,—ответил Пинсон,—по моему мнению, нам нужно держать курс на юго-запад: там мы скорее найдем землю. Доверимся карте папского космографа.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, – согласился Колумб.

Но он раздумывал еще всю ночь, опасаясь, что если они уклонятся от принятого пути, то не сумеют так скоро достичь земли. Окончательно решился он лишь к вечеру следующего дня, когда увидел птиц, во множестве летевших на юго-запад; это вызвало предположение, что ночь они проведут на земле.

Тогда он взял курс, указанный ему Мартином Алонсо, и в этом направлении он, четыре дня спустя, открыл землю.

По рассказу Франсиско Вальехо, вскоре после того как было принято решение изменить направление, увидели пролетавших соек и попугаев. Мартин Алонсо высказал догадку, что их появление свидетельствует о близости земли.

10 октября кормчий, Педро Ниньо, сказал адмиралу:

— Сегодня ночью следовало бы замедлить ход, потому что согласно указаниям вашей книги мы находимся в шестнадцати, самое большее—в двадцати лье от земли.

Что это за книга? Несомненно это одна из компасных карт Мартина Алонсо, потому что она оказалась наиболее точной, и именно по ней шли все время, начиная с утра 7 октября.

Услышав это, адмирал очень обрадовался и приказал сообщить это также и кормчему *Пинты*.

„Ближайшей ночью, — повествует Лас-Казас,—ярко светила луна. Матрос, по имени Хуан Родриго Бермехо, родом из Молиноса, что в окрестностях Севильи, принадлежавший к экипажу корабля Мартина Алонсо Пинсона, обнаружил при свете месяца длинную белую полосу песка, а затем, всмотревшись, увидел и землю. Он тотчас же выстрелил из бомбарды и стал кричать:

„Земля! Земля!“

В два часа пополуночи флотилия находилась на расстоянии не более двух лье от земли; паруса убрали и легли в дрейф в ожидании рассвета. Флотилия оказалась перед маленьким островком, принадлежащим к Лукайскому архипелагу; туземцы называли его Гуанахани, а Колумб дал ему название Сан-Сальвадора; высадились на него в пятницу утром 12 октября 1492 года“.

Адмирал, по словам Лас-Казаса, отправился к берегу в вооруженной барке с Мартином Алонсо и Висенте Хуаньесом. Он держал в руках королевское знамя, а оба капитана по стягу с зеленым крестом. Прибыв на землю, они увидели цветущие деревья, всевозможные плоды и много воды. Адмирал обратился к обоим капитанам, к Родриго Десковедо, писарю всего флота Родриго Санчесу из Сеговии и прочим сошедшим на берег со словами, что он призывает их в законные свидетели того, что он именем короля и королевы вступает во владение этим островом, со всеми последствиями, вытекающими из написанных на сей случай актов.

В дальнейшем, ведя корабельный журнал, являющийся скорее рассказом об исследовании островов, начиная с Сан-Сальвадора, а затем и тех, которые он, один за другим, открывал, Колумб обращается непосредственно к королю и королеве. В этом месте Лас-Казас приводит, к счастью, дословные цитаты—и более длинные и в значительно большем количестве. Таким образом до нас дошла большая часть страниц, посвященных описаниям туземцев.

Жители, издали наблюдавшие за торжественной церемонией, набрались под конец смелости и подошли ближе.

„Для того, чтобы они дружелюбно приняли нас,—пишет Колумб,—а также видя в них людей, которых скорее мягкостью и убеждением, нежели силой, можно было расположить в нашу пользу и обратить в нашу святую веру, я подарил некоторым из них стеклянные бусы и ожерелья, которые они надели на шею, и много всяких других малоценных вещей. Это доставило им много удовольствия и до такой степени расположило их к нам, что было даже удивительно...

„Они повидимому отличаются хорошим характером и способны стать исполнительными слугами. Я обратил внимание, что они спешат повторить все, что им говорят, и их вероятно можно будет без труда обратить в христианство, потому что они, как мне кажется, не принадлежат ни к какой секте. Если богу будет угодно, я на обратном пути привезу вашим величествам шестерых из них, чтобы они научились говорить на нашем языке“

В обмен на поднесенные им подарки, они не могут предложить Колумбу ничего, кроме попугаев и клубков хлопчатой бумаги. Но вид маленьких кусочков золота, продетых, в качестве украшения, у некоторых из них в носу, заставляет Колумба пережить минуту волнения. Он знаками спрашивает, нет ли на острове золотых россыпей. Он не понимает их языка, но их мимика достаточно красноречива; остальное он дополняет своим воображением.

„Я узнал от них,—записывает он,—что, плывя на юг, я найду страну, у царя которой есть большие золотые чаши и огромное количество этого металла“.

Колумб потрясен. Уж не Сипанго ли этот близкий остров, полный золота? Теперь, полагая, что он прошел мимо Антилии и оставил ее позади на двести-триста лье, он свою первоначальную цель заменяет целью Мартина Алонсо и решает, что

он ее достиг. Сипанго, Китай, царство богдыхана—все эти страны должны быть где-то поблизости. Океан, разделяющий Европу и Азию, и впрямь оказался неширок: воды покрывают лишь одну седьмую часть света. Этого не думают ни все современные ему ученые, ни его спутники, Мартин Алонсо и Хуан де-ла-Коса, но разубедить его в этом невозможно. Его географические представления непреложны, как догматы церкви, как геометрические теоремы, и никакие уроки, даже основанные на его собственном опыте, не в состоянии поколебать их.

Не стоит тратить время на этот островок, населенный голыми дикарями, ютящимися в убогих лачугах. Здесь нет ничего, кроме попугаев да хлопка. Он же ищет золота, драгоценных камней, пряностей и благовоний.

Раньше чем отплыть от Сан-Сальвадора, он еще раз с'езжает на берег. И тут, внезапно, его воображение заупрямилось, и он, как всегда, покорно последовал за ним. Как! Стоило столько плыть, чтобы достигнуть этого жалкого островка! Не твердят ли столетиями поэты, что все острова на западе счастливые? Может ли Колумб, который тоже поэт, быть другого мнения?

С берега он видит сады и по этому поводу пишет: „Эти сады, прекраснее которых мне не приходилось видеть, изобилуют источниками пресной воды“.

Это уже кое-что. Но нужно определить точнее местонахождение острова. Каждый обыкновенный мореплаватель, открыв неизвестный до той поры остров, определяет с помощью инструментов его долготу и широту и заносит его на свою карту. Но Колумб об этом не думает. К чему? Прибавит ли это что-нибудь к тем поэтическим описаниям, на которые он такой мастер? Остров, им открытый, не может быть похож на другие острова, будь то даже Канарские или Азорские... И потому сады на острове—самые прекрасные в мире. Что ж еще нужно? Разве только придать острову своеобразную физиономию—для собственного удовлетворения и чтобы доставить удовольствие королеве?..

И он записывает:

„Я не решался пристать к острову, потому что он со всех сторон опоясан скалистыми утесами. Однако между ними существует промежуток, образующий гавань таких размеров, что она способна вместить все флоты христианского мира. Но самый проход туда чрезвычайно узок. Совершенно очевидно, что в этой

гавани должны быть мели, но воды там неподвижны, как на дне колодца".

Четыреста лет с тех пор изучали топографию Лукайских островов географы и космографы, моряки и ученые, словом— люди прозаических профессий, и могут продолжать изучать ее до скончания веков: они не найдут ни одного острова, обладающего подобной громадной гаванью или окруженного не только что скалистыми утесами, но даже маленькими рифами. Сан-Сальвадор навсегда останется загадкой для истории.

Чтобы достойно отпраздновать четырехсотую годовщину открытия Америки и кстати создать себе выгодную рекламу, одна Чикагская газета воздвигла памятник на одном из Лукайских островов, выбранном наугад. Остальные десять заявили протест против того, что выбор пал не на них. Но ни у одного из них не было больше прав, чем у остальных: Сан-Сальвадор в том виде, какой описан Колумбом, существовал лишь в его воображении. Нанести его на карту не представлялось возможным.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Христофор Колумб открывает Антилию, „первобытного человека“ и поэзию тропических стран

КАРАВЕЛЛЫ снялись с якоря и пошли к другим островам. И куда бы ни приставали, повсюду адмирал испытывал одновременно и поэтический восторг перед красотами природы, и разочарование в своих деловых расчетах. Едва только ступив на берег жалкого островка Гуанахани, Христофор Колумб совершил изумительное открытие, на которое был способен пожалуй один он, положившее начало сперва в Испании, а впоследствии и во всей Европе, новым грезам, новым философским и социальным доктринам.

Речь идет не об Америке. Не он, так другой бы ее открыл,— вопрос был лишь времени: несколькими годами, может быть даже несколькими месяцами позже, но она была бы открыта. Португальцы неотступно посылали в поиски Антилии одну экспедицию за другой. Если бы Колумб потерпел неудачу у королевы, Мартин Алонсо Пинсон отплыл бы на запад еще до конца того же 1492 года и, не найдя сказочного острова, открыл бы материк. Это не только предположение, есть и точные факты.

В 1497 г. Джон Кабот, тоже разыскивавший Антилию, высаживается в Новом Свете. Он и открыл американский материк, куда Колумб прибыл лишь спустя год после него. В 1500 г. течение отнесло Кабраля к берегам Бразилии, которую он таким образом случайно и открыл. Но ни Кабраль, ни Кабот, ни Пинсон не сумели открыть первобытного человека. Это великое открытие принадлежит Колумбу; оно немедленно приведет в восторг Испанию, а затем и весь Старый Свет, и не пройдет и полвека, как оно вызовет целые потоки крови.

Нельзя, по правде говоря, утверждать, что до Колумба о существовании добродетельных дикарей ничего не знали. В произведениях Брунетто Латини, Марко Поло и Мандвилля встречаются описания дикарей, добрых и честных, одаренных всякими добродетелями и лишенных каких-либо пороков. Но этот тип не приобрел еще популярности, и, что важнее, никто не пытался положить его в основу какой-либо религиозной или политической доктрины или утверждать его явное превосходство над человеком цивилизованным. Это движение началось с Колумба.

С первых же слов, посвященных первобытному человеку, он поражает воображение современников:

„Мужчины и женщины ходят совершенно голые, какими вышли из материнского лона". И этой наготой будут четыре века под ряд умиляться, как признаком природной чистоты. Не нужно при этом забывать, что средневековые легенды, из которых так много почерпнул Колумб, помещали земной рай на одном из тех островов, к которым он пристал.

По словам Колумба, дикари хорошо сложены, у них красивые тела и лица, их движения грациозны. Они чистосердечны, наивны, добры от природы, готовы отдать все, что у них есть. Испанцы дарят им всякие побрякушки, обломки чашек и осколки стекла, а они взамен отдают самое, что у них есть дорогое,—кусочки золота, которые висят у них в носу, хлопок и попугаев. Употребление железа им неизвестно. „У них нет оружия, и они не умеют им владеть: я показывал им сабли, и они по незнанию брались за острие и ранили себе руки".

Их жилища, построенные в форме палаток, всегда хорошо выметены и содержатся в чистоте. Постели - гамаки сделаны из чего-то, напоминающего бумажную ткань. Они не исповедуют никакой религии, не имеют никакого культа, но „по натуре своей так добры и кротки, что их без труда можно будет обратить в христианство".

Из этого описания райских нравов будет сделан следующий вывод: если в первобытном состоянии человек по природе своей добр и является образцом всяческих добродетелей, для чего нужно его в таком случае обращать и посылать к нему миссионеров? И другой вывод: человека развращает общество.

Маленькое пятно на этой картине: совершенный человек природы встречается не на всех островах. Есть места, где „дикари более сообразительны и носят кой-какие одежды. Женщины

спереди носят небольшую повязку". „У других—замужние женщины одеты в бумажные штаны". „Те, что живут на острове Фернандине,—пишет Колумб,—более хитры и цивилизованы; я заметил, что привозя на корабли бумажную ткань и другие предметы, они при мене умеют торговаться гораздо лучше других".

Другое обстоятельство уже значительно больше угрожает легенде, которую он собирается создать. Некоторые из этих дикарей, не знающих, что такое оружие, носят на лице следы ударов: они нанесены им дикарями с соседних островов, совершавшими на них нападения. Несколько позже Колумб узнает, что на многих из этих райских островов существуют свирепые воины, которые захватывают других, чтобы обратить в рабство, или убивают, чтобы их с'есть. Испанцам придется выдержать столкновения с этими каннибалами, и война будет жестокая. Выходит как будто, что недостаточно быть только дикарем, чтобы обладать всеми ангельскими добродетелями! Но это препятствие не остановило поэтов, мечтателей и доктринеров. Толчок дан—и остановить движение невозможно.

По возвращении из первого и второго путешествий, Колумб делился своими воспоминаниями с Пьетро Мартиром д'Ангиера. Впоследствии его наперсником становится Лас-Казас, которому он поверяет все свои мысли. Есть некоторая доля правды в изложении содержания корабельного журнала, сделанном Лас-Казасом: туземцы Сан-Сальвадора и некоторых других незначительных островов действительно были безобидными существами, не умевшими сражаться и безропотно позволявшими убивать себя и уводить в рабство. Они принадлежали к расе, физически вырождавшейся, ослабленной болезнями и обреченной на скорое исчезновение.

Эти дети природы — вымирающие.

Колумб понятно остерегался об этом писать и, по прибытии в Испанию, скрыл это от своих собеседников. Он предпочел набросать портрет дикаря, ставший впоследствии классическим. Его воображение уносит его в земной рай, им самим выдуманный. Верхом совершенства является следующий рассказ, слышанный от него его сыном и Пьетро Мартиром:

„Однажды,—говорится в нем,—присутствуя на богослужении, совершавшемся на берегу, Колумб увидел восьмидесятилетнего старца, почтенного вида, хотя и нагого, приближавшегося

к нему в сопровождении многих других. Когда месса, за которой они все наблюдали с восхищением, окончилась, старец поднес адмиралу корзину с местными плодами, затем, усевшись с ним рядом, обратился к нему с следующей речью:

„Нам сообщили, что вы обошли всю эту страну, до тех пор вам неизвестную, и что повсюду, где бы вы ни появлялись, вы нагоняли на жителей большой страх. Я должен вам сообщить и предупредить вас, что души, покидая тело, следуют по двум дорогам: надо, чтобы вы это знали. Одна из них — мрачная и ужасная; она предназначена для врагов и мучителей рода человеческого. Другая же—приятна и очаровательна: по ней пойдут те, кто при жизни уважал мир и покой ближних. Поэтому, если вы смертны и будете помнить о том, что каждый получит по заслугам, то вы не должны никому причинять зла.

„Адмирал, которому переводчик из туземцев перевел эту речь, удивился, слыша подобные здравые суждения, и ответил:

Мне известно то, что вы рассказываете о разных путях и о различной участи, уготованной душам, покидающим тело. До сего времени я не предполагал, чтобы эти тайны могли быть вам известны, так как вы живете в первобытном состоянии“.

Колумб, далее, обещает этому почтенному старцу сражаться только с каннибалами. Что же до остальных туземцев, то им, принимая во внимание их добродетели, он обещает покровительство и защиту. Поэтому никто из них не должен чего-либо опасаться.

Кроме того Колумб рассказал Пьетро Мартиру следующее:

„Установлено, что земля у них принадлежит всем, так же как вода или солнечный свет. Они не знают разделения на „твое“ и „мое“—источника всех зол. И в самом деле, они в такой мере довольствуются малым, что в этой обширной стране земли для обработки гораздо больше, чем им нужно. Там царит золотой век. Нет ни рвов, ни заборов, которые ограждали бы их владения. Они живут в садах, вход куда доступен каждому. Не имея ни законов, ни судей, они от природы поступают по справедливости, и всякого, кто позволяет себе причинить зло своему ближнему, они рассматривают как злодея и изверга“.

Этот рассказ конца XV века словно переносит нас в XVIII век, с его сентиментализмом и возвеличением первобытного человека.

Лас-Казас первый способствовал развитию этих положений. Всякое сомнение ему чуждо; он не обладает ни тонкостью ума, ни иронией, которыми отличался д'Ангиера, часто сопровождавший подлинные слова Колумба оговорками, вроде: „по его словам", обозначавшими, в сущности: „я лично в этом сомневаюсь". Лас-Казас не лишен воображения, но это—воображение заядлого доктринера и фанатика. Любовь к дикарю у него последовательно переходит в ненависть ко всем открывателям новых земель—за исключением конечно Колумба,—к конквистадорам и цивилизаторам; фантазии адмирала он доводит до крайних пределов, обращает их в догмы и извлекает из них выводы, делающие его предтечей философов—идеалистов восемнадцатого века, из которых многие, между прочим, им зачитывались.

Понемногу легенда о райских добродетелях первобытного человека распространяется по всей Европе. Томас Мор создает свою „Утопию", а Монтэнь пишет:

„Пример животных достаточно доказывает, сколько болезней приносит нам умственная деятельность. То обстоятельство, что жители Бразилии умирают только от старости, приписывается чистоте и спокойствию их воздуха; я же скорее отношу это к чистоте и спокойствию их души, освобожденной от всех страстей, мыслей и принудительного и неприятного труда. Так это свойственно им, живущим в очаровательной простоте и неведении, без наук и законов, без королей и религий..."

„Без наук"... Руссо постарается развить эту мысль.

Таким образом Колумб, создавший „человека природы", является первым звеном длинной цепи: Лас-Казас, Пьетро Мартир д'Ангиера, Гуэвара, Томас Мор, Фенелон, Жан Жак Руссо, его современники—„философы", г-жа де-Сталь, Толстой...

* * *

Одновременно с человеком природы, Колумб открыл и красоты тропических стран.

С 15 по 20 октября он нашел и осмотрел три острова, которым он дал названия: Санта Мария де-ла Консепсион [1], Фернандина и Изабелла. Они больше Сан-Сальвадора, но не богаче его: на них нет ни золотых россыпей, ни драгоценных

[1] Зачатие девы Марии.

камней. Местные жители так же бедны, как и там, и при виде испанцев сейчас же ударяются в бегство.

Вместе с тем по знакам, которые ему делали туземцы Фернандины, Колумб понял, что на другом острове, Изабелле, имеется могущественный король, которому подчиняются все эти острова; этот король носит одежду и весь покрыт золотом.

Колумб спешно отправляется на Изабеллу и ждет там целый день, не принесут ли ему золота. Но не видно никого, кроме дикарей, таких же как и на других островах. Они приносят ему хлопок и незначительные украшения: „такие маленькие, что они не имеют никакой ценности". И тут тоже нет ни благовоний, ни драгоценных камней, ни золотых россыпей.

Но зато природа здесь восхитительна. В этом есть некоторое утешение. Адмирал не в силах оторвать взгляда от прекрасной растительности. Он не находит слов, чтобы описать аромат, распространяемый деревьями и цветами. На Изабелле так много попугаев, что их стаи застилают солнечный свет. В лесах распевают всевозможные птицы. „Разнообразие растений и плодов и аромат, которым напоен воздух, привели меня в удивление и восторг. Я подумал, что человек, раз попавший сюда, никогда уже не захочет покинуть это место..."

Но адмирал все же покидает это место в надежде найти другой остров, еще прекраснее этого, и на котором к тому же находились бы и те богатства, которые он обещал королеве. Это—должно быть Сипанго! Туземцы, которых он о нем расспрашивает, называют его Кубой и указывают, в каком направлении он расположен. По их словам, он очень обширен, ведет значительную торговлю, у его купцов большие корабли и на нем много золота и пряностей.

На Кубе Колумб высадился 28 октября. На этот раз он действительно попал на большой остров, отличающийся прекраснейшими в мире пейзажами. Адмирал дает волю своему восхищению. К сожалению это место в журнале дошло до нас в изложении Лас-Казаса.

„По берегам реки, на протяжении всего ее течения, тянулись прекрасные деревья, совершено отличные от наших, покрытые цветом и плодами. На них сидели птицы, распевавшие очень приятно".

„...Адмирал пишет, что ему громадное наслаждение доставляло зрелище этой зелени и высоких деревьев, и, говоря о пении

птиц, добавляет, что не мог заставить себя уйти,—так его тянуло вернуться назад. Он говорит также, что этот остров прекраснейший из всех, когда-либо открывавшихся человеческим взорам; что он изобилует превосходными бухтами и глубокими реками; морские воды по всей вероятности никогда не заливают берегов, потому что последние до самой почти воды поросли травой, которая не растет на почве, заливаемой морем.

„...Виденные им горы высоки и красивы; одна из них увенчана утесом, издали напоминающим прекрасную мечеть.

Он поднялся на холм, чтобы обозреть местность, но ничего не мог разглядеть из-за высоких деревьев, распространявших такое благоухание, что по его предположению на острове должны быть растения, из которых получаются благовония“.

Он посетил гавань, усеянную таким множеством островов что он не мог их все пересчитать: „все они были довольно велики, с высокими берегами, и густо поросли деревьями различных пород и бесконечным множеством пальм. Адмирал был чрезвычайно поражен видом таких прекрасных островов, и он уверяет короля и королеву, что горы, виденные им третьего дня, и эти горы на островах таковы, что по его мнению во всем мире нет выше и прекраснее, при чем вершины их не покрыты ни снегом, ни облаками... Кажется, что некоторые из них касаются неба и заканчиваются остроконечной вершиной, у других же вершина плоская, подобно столу...“

Впрочем Колумб не забывает и практической стороны предприятия. „Очевидно,—говорит он,—что там, где есть подобные земли, должны найтись и выгодные вещи“. Но в каком именно месте земного шара он находится? Согласно его географическим представлениям, Куба—это Сипанго. Впрочем он еще колеблется: а что если это Китай или страна богдыхана? Его мысли настолько путаются, что Куба в его сознании превращается одновременно и в Японию, и в Азиатский материк; „Мне кажется,—записывает он,—что все эти страны лишь острова, жители которых воюют с богдыханом, называемым ими *Кавилой;* свою же страну они называют *Бафан*... Очевидно, что мы находимся на материке, и что отсюда (с Кубы) не больше ста лье до Заито и столько же приблизительно

до Кенсея [1], и это лучше всего доказано тем, что море течет здесь иным образом, чем текло до сих пор...“

Дикари, встреченные им на берегу, почти такие же жалкие, как и на других островах. Где же азиатские князья, осыпанные золотом и драгоценными камнями? Где города, описанные Марко Поло? Дома с дверьми, полами и крышами из чистого золота?

— Читали вы когда нибудь Марко Поло?—спросил адмирал Хуана де-ла-Коса, дописав в своем журнале фразу о Заито и Кенсее.

— Нет, сударь,—ответил космограф, который не был охотником до выдумок.

— Если бы вы прочитали описание его путешествий, а также и странствий францисканца Одорика из Порденоны, вы бы знали, что Кенсей самый большой город в мире. В нем много миллионов жителей. Дома там так велики, что в каждом из них живут по пятнадцати-двадцати семейств. В город ведут двенадцать главных ворот, и за каждыми из них начинается по новому городу, размерами больше Рима. Таким образом человек может шесть-семь дней итти по улицам, раньше чем выйдет за город. Кенсей построен в низине, среди озер и прудов, подобно Венеции. Там насчитывается свыше двенадцати тысяч мостов. На его территории растут алоэ, бензой, ладан, камфара, гвоздика, перец, корица, кубеба, мускатный орех, имбирь, ревень, хлебные деревья и другие, из которых получается мед и вино. Стоит лишь вскопать землю, чтобы найти в ней алмазы, жемчуга, рубины, сапфиры и изумруды. Так как все там находится в изобилии, то жизнь чрезвычайно дешевая. Так например за итальянский полугрош дают четыре фунта и семь унций сахара.

— Жаль, что мы не отправились в эту страну!

— Мы в ней и находимся,—произнес великий мечтатель.

— Что-то непохоже...

— Тем не менее это совсем близко отсюда. Все эти чудеса находятся внутри страны, в нескольких днях пути отсюда. Все служит тому доказательством, особенно же морские течения. До Индийских островов, описанных Одориком, должно быть тоже недалеко. Книга этого монаха, об'ездившего, лет сто тому назад, всю Индию, в том числе и царство пресвитера Иоанна,

---

[1] Современный Ханькоу.

не была выпущена в свет, но отец Антонио де-Марчена списал себе из нее наиболее интересные главы. Послушайте, я вам прочту из этого манускрипта описание острова Фаны.

Открыв шкатулку, Колумб извлек из нее связку бумаг и, перелистав ее, прочел вслух:

„Остров Фана имеет добрых три тысячи миль в окружности. Он весьма заселен и является одним из лучших островов на свете. Там в изобилии произрастают гвоздичник, кубеба, мускатный орех и много других растений, не считая винограда. Король этого острова живет в громадном, прекрасном дворце, где пол и лестницы из золота и серебра. Повсюду расставлены изваяния из тонкого золота; у статуй вокруг головы золотой нимб, как у святых наших церквей. Крыша этого дворца тоже из чистого золота. Короче говоря это самый пышный и прекрасный дворец на свете. Подобного ему нет нигде".

Кладя рукопись обратно в шкатулку, Колумб добавил спокойным голосом:

— Все это мы увидим, если богу будет угодно.

— Да, если богу будет угодно...—повторил де-ла-Коса и улыбнулся.

2 ноября адмирал послал на поиски богдыхана переводчика с восточных языков Люиса де-Торреса, Родриго де-Хереса и двух туземцев. Он дал им с собой письмо, написанное на всякий случай богдыхану испанской королевской четой.

Четыре дня спустя они возвратились обратно: они не нашли ни столицы богдыхана, ни другого, сколько-нибудь значительного города. Им удалось достичь лишь деревни, состоявшей из полсотни хижин. „Они рассказали, что население этой деревни встретило их с обычной в таких случаях торжественностью, и все жители—мужчины и женщины—высыпали им навстречу. Поместили их в лучших домах. Индийцы были казалось вне себя от радости, целовали им руки и ноги, и по всему было видно, что они считают их за пришельцев с неба. Они предложили им поесть то, что у них было".

Что ж! Люди природы, подобно всем другим,—но никаких признаков чудес, описанных Марко Поло... Самое большее, что могли разузнать Люис де-Торрес и Родриго де-Херес, это то, что в каких-то местностях острова, которых они правда не посетили, растет корица и перец, но и в этом они не вполне были уверены.

„Я тороплюсь отплыть—записывает адмирал—к юго-востоку, где буду искать золото и пряности и где расчитываю открыть новые страны“.

Он направляется в поиски другого острова, который, по словам сопровождающих его индийцев, называется Бабек, и где „жители собирают золото на берегу по ночам, при свете факелов, и затем при помощи молотков придают им форму слитков“.

Всюду, куда бы адмирал ни приезжал, ему из жестов туземцев становится ясным, что у них самих золота нет, но зато его очень много у их соседей. На основании этих знаков, которыми с ним об‘ясняются индийцы, он даже проникается уверенностью в существовании острова, который „весь из золота“.

* * *

Излагая содержание записи в журнале от 21 ноября, Лас-Казас говорит:

„В этот день Мартин Алонсо Пинсон отделился на каравелле *Пинте,* которой он командовал, от остальных двух судов, не только не получив на то позволения адмирала, но даже против воли последнего. По словам адмирала, Пинсон поступил так под влиянием своей алчности, рассчитывая найти большое количество золота, с помощью одного индийца, который по приказанию адмирала был взят на борт *Пинты.* Он удалился внезапно, ничем к тому не вынужденный, только потому, что он этого сам захотел. Это несомненно так и было, потому что адмирал говорил по этому поводу: „Пинсон и помимо того много кой-чего говорил и делал“.

Что именно—адмирал умалчивает. До этого дня Мартин Алонсо оказывал ему неоценимые услуги. Он был фактическим начальником экспедиции; только благодаря ему экспедиция состоялась, плаванье прошло благополучно, и ропот экипажа *Санта-Марии* не перешел в открытый мятеж, который вынудил бы адмирала бросить начатое предприятие. Только благодаря его совету Колумб взял направление на юг, где и нашел землю. Но самолюбивый Колумб не взлюбил осторожного и опытного мореплавателя, который всегда выручал его из беды и вел к цели.

Он находится в сомнении, затем ли Пинсон покинул его, чтобы отправиться на открытие новых земель и забрать все золото в свою пользу, или же он намерен возвратиться

в Европу? Это последнее предположение встревожило адмирала: что наговорит Пинсон в своем официальном донесении королеве, которое он уж наверное сделает и которое будет подтверждено свидетельством всего экипажа *Пинты?*

Адмирал чувствует себя подавленным. В конце декабря он уже начинает подумывать, не вернуться ли ему поскорей в Испанию, чтобы защитить себя от нападок со стороны Мартина Алонсо и в свою очередь выдвинуть обвинение против него.

Передавая запись в журнале от 3 апреля, Лас-Казас так описывает состояние адмирала, растерявшегося видимо без Пинсона, несмотря даже на то, что у него оставалась еще *Нинья* и три четверти экипажа всей флотилии:

„Адмирал не мог отплыть этой ночью: трое индийцев, увезенных с других островов и бывших теперь на берегу, явились к нему с сообщением, что жители этого острова, вместе со своими женами, намерены ближайшим утром, на восходе солнца, собраться на берегу. Море было очень бурное, шлюпка не могла отвезти его на берег, а потому он решил, с божьей помощью, отплыть на следующий день. Он говорил, что будь у него каравелла *Пинта,* он наверно сумел бы собрать полный боченок золота, потому что тогда он решился бы исследовать берега этих островов; но, будучи один, он не мог так поступить, опасаясь какой-нибудь несчастной случайности, способной помешать ему вернуться в Кастилию и дать отчет королю и королеве во всех совершенных им открытиях. Он еще отважился бы на это,—говорит он,—будь он уверен, что Пинсон благополучно прибыл в Испанию; но, не имея от последнего известий и опасаясь кроме того, как бы тот не ввел короля и королеву в заблуждение с целью избегнуть кары, заслуженной им за свой дурной поступок,—за то, что он отделился от флотилии без разрешения и тем помешал экспедиции принести всю пользу, которую она могла бы принести, — адмирал решил немедленно отплыть обратно в Кастилию, в надежде, что бог ему в этом поможет и он успеет все предотвратить“.

Три дня спустя показалась *Пинта,* шедшая под попутным восточным ветром прямо к адмиральскому кораблю. Так как в этом месте нельзя было стать на якорь, Колумб „возвратился на десять лье назад, и *Пинта* последовала за ним“.

Итак оказалось, что Пинсон никаких коварных замыслов не питал. При желании уйти, он мог бы это очень легко сделать,

так как из всех трех каравелл *Пинта* была самым ходким судном и почти всегда опережала остальные.

Как только *Санта-Мария* и *Нинья* стали на якорь, Пинсон немедленно явился на борт адмиральской каравеллы и „извинился,—как сказано в журнале,—указав, что отделился он от других судов не по доброй воле и представил свои об'яснения; но адмирал говорит, что все они ложные...“

Непонятно, почему Колумб, обвиняя Мартина Алонсо в тягчайших преступлениях — дезертирстве и измене—не приводит его об'яснений и не опровергает их. „Адмирал говорит, что все они ложные, что Пинсон отделился от остальных судов по собственному упрямству и алчности, и что непонятны причины, заставившие его в течение всего путешествия обращаться с адмиралом так заносчиво и грубо. Адмирал все же не хотел подать виду, что он это замечает, для того, чтобы не помогать сатане, искавшему уже с самого начала путешествия возможности ему помешать“.

Колумб имеет в виду следующий случай: уже на четвертый день после отплытия из Палоса у *Пинты* произошла серьезная авария. „Колумб—говорится в журнале—не мог оказать ей помощи, не подвергая опасности и свой корабль; но он чувствовал, что тревога его улеглась, когда подумал о том, что Мартин Алонсо является отважным и находчивым моряком. *Пинту* починили 9 августа, „после многих трудов, положенных на это адмиралом Мартином Алонсо и другими“. Таким образом в августе Мартин Алонсо еще не является пособником сатаны; вряд ли бы мог он им стать четырьмя месяцами позже, раз он сам разыскал адмирала и явился к нему на корабль.

Не на одного лишь Мартина Алонсо жалуется Колумб; он обвиняет и Висенте Хуаньеса и весь экипаж. Такова уж его привычка. Впоследствии, во всех своих неудачах и злоключениях, которые будут проистекать исключительно от его неопытности и безудержного воображения, он станет обвинять всех и вся. Сейчас же, свое первое и самое счастливое из всех своих путешествий, он по его словам, предпринимает „в дурной компании“.

„Адмирал молча сносил все это, лишь бы благополучно довести до конца начатое путешествие; он хотел прежде всего избавиться от общества этих дурных людей, перед которыми—как он говорит—приходилось притворяться, и сдерживаться вместо того, чтобы наказывать виновных... Он не желает

затевать новой ссоры с Мартином Алонсо, пока их величества не узнают обо всем, совершенном адмиралом, и об его открытиях. А затем, — добавляет он,—я не намерен буду дольше терпеть проступки людей, лишенных всякой деликатности и честности, нагло стремящихся поставить свою волю выше воли того, кто оказал им столько чести".

Новый элемент вносится этим в легенду о Колумбе, в мелодраму, удачно сочиненную тем, кто выступает в ней в качестве героя. Во всякой мелодраме есть предатель. В данной же мелодраме их множество; но самый от'явленный среди них, поистине дьявольский предатель—это Пинсон. И это прозвище за ним и останется, потому что он умрет, не успев оправдать себя и не оставив после себя ни одной письменной строки, меж тем как герой будет сочинять целые томы... Как предатель, будет он выведен и на сцене, на посмешище публике. По пьесе Лопе де-Вега, именно Мартин Алонсо подстрекает матросов к бунту и призывает их к убийству Колумба.

Он обращается к Колумбу со следующими угрозами:

„Лицемер, самозванный ученый! Да будут прокляты все твои карты и компас, которыми ты хочешь прикрыть свои черные замыслы! Посмотрим, с помощью какой дьявольской хитрости удастся тебе избегнуть нашего справедливого гнева... Вперед, друзья, хватайте его!"

* * *

Покинув адмирала, Пинсон открыл остров, который туземцы называли Гаити. Своими размерами, мягкостью климата, живописностью гор и рек и красотой растительности—ничем он не уступал Кубе.

Колумб, достигший его лишь после Пинсона, назвал его Испаньолой—Испанским островом. Гаити—это и есть сказочная Антилия. По очертанию своих берегов этот остров в большей степени, чем Куба, отвечал существовавшим представлениям об Острове Семи Городов. Колумб достиг своей цели —он открыл то, что хотел открыть. Но сам он об этом не подозревает. Архипелагу он дал название самое неопределенное, какое только могло существовать в ту эпоху: Индия,—и сделал это потому, что он точно не знал, где он собственно говоря, находится. Лишь впоследствии эти острова снова станут называть Антильскими, и это название за ними удержится.

Перед тем он в течение двух недель плавал вдоль берегов Кубы, затем среди маленьких островков, и на некоторых из них он высаживался. Туземцы рассказывали ему о Гаити, который они называли Бохио, и Колумб из их мимики понял, что этот остров населен каннибалами.

„Они рассказывали что у людоедов собачьи лица и всего один глаз, но адмирал решил, что они лгут, и что эти мнимые каннибалы были на самом деле подданными богдыхана, являвшимися к островитянам, чтобы уводить их в рабство".

Понятно о людях с собачьими головами рассказывали ему не дикари с Кубы,—он их языка не понимал,—а все те же Марко Поло, Мандвилль и Одорик; и он к тому же не утратил еще надежды увидеть пышный двор азиатского владыки.

Колумб высадился на Испаньоле 6 декабря. Остров этот оказался чрезвычайно обширным, и на нем виднелись „многочисленные обработанные поля, похожие на поля Кастилии и даже превосходящие их". Он выслал вперед несколько человек, но, вернувшись, они сообщили, что им не удалось обнаружить ни поселений, ни людей,—они видели лишь несколько хижин.

Продолжая продвигаться внутрь острова, по направлению к горам, испанцы вскоре увидели толпу индийцев, скрывшихся при их появлении. На следующий день они прибыли в долину, где был расположен поселок, состоявший из нескольких сот разбросанных в разных местах домов. Жители его приняли пришельцев за сверхестественных существ, спустившихся к ним с неба.

В тот же день адмирал снова вышел в море и продолжал плавание, держась между Испаньолой и Островом Черепахи. Старый туземец неотступно следовал на своем челноке за кораблем и не отставал, несмотря даже на поднявшуюся бурю. Колумб велел его поднять на корабль и доставил на Испаньолу. Узнав об этом, индийцы во множестве сбежались на берег и окружили испанцев. От них Колумб узнал, что на других островах, лежащих к востоку, имеется много золота.

В общем этот остров ничем не отличается от прочих островов. „Почва здесь настолько плодородна, что жителям не приходится много работать, чтобы земля давала, сколько им нужно для пропитания, и еще меньше—для того, чтобы извлекать из нее нужное для их одежды, поскольку ходят они совсем голые".

Какое однообразие и какие ничтожные достижения! Хоть бы король у них нашелся, с которым можно было бы свести знакомство! Не успевает Колумб об этом подумать, как желание его—не без помощи его воображения—мгновенно исполняется. Он замечает на берегу молодого человека, лет двадцати, самое большее, которому остальные туземцы оказывают особые почести: один из многочисленных кациков[1], власть которых распространяется на племена островитян. Для воображения Колумба этого недостаточно; оно превращает его в короля, и даже больше—в единственного короля Испаньолы. Зовут этого короля Гуаканагари.

Колумб рисует его окруженным целым двором. Ему сопутствуют несколько пожилых туземцев; один из них его наставник, остальные—советники. Далее следуют офицеры и придворные дамы. Но этот двор не похож на развращенные дворы цивилизованных стран: „Сам король, а также все офицеры его свиты, подобно всем индийцам, ходили совсем голые. Женщины тоже ничем не прикрывали своей наготы, не выказывая при этом никакого стеснения или стыда. Это были самые прекрасные мужчины и женщины, каких когда-либо видели европейцы. Король посетил адмирала на его корабле и был принят с почестями, соответствующими его сану“.

Несколько дней спустя, король снова, на этот раз с особой торжественностью, является на корабль. Его несут в паланкине, и за ним следует свита, состоящая из двухсот туземцев. Он застает адмирала за обедом в своей каюте. Наконец-то прерывается однообразие впечатлений в этом архипелаге, и Колумб заносит в свой журнал, к собственному удовольствию, а также к удовольствию королевы, следующие торжественные новости:

„Вашим величествам будет несомненно приятно узнать, какая пышная свита у короля и какими почестями окружает его народ. В тот момент, когда король вступил на корабль, я обедал на корме, в своей каюте. Он направился прямо ко мне, сел рядом со мной и не позволил мне встать из-за стола, пока я не покончу с едой. Думая, что ему может доставить удовольствие отведать наших блюд, я тотчас же распорядился, чтобы ему их поднесли.

---

[1] Название индийских князьков.

„Зайдя в каюту, он движением руки приказал всем остальным оставаться снаружи; они немедленно, с знаками чрезвычайного почтения, подчинились этому приказу, и все расположились на палубе, за исключением только двух пожилых людей, из которых один был очевидно его советником, а другой наставником, вошедших с ним и усевшихся у его ног.

„От всех блюд, которые я ему подносил, король брал лишь столько, сколько нужно было, чтобы проявить учтивость и их испробовать, а затем отсылал их своим людям, которые их с'едали. Так же поступал он и с напитками: он довольствовался тем, что выпивал один глоток, остальное же отдавал людям. Все это он проделывал с поразительным достоинством. Говорил он очень мало; то немногое, что он сказал, было, насколько я мог понять, очень обдумано и справедливо. Оба туземца, сидевшие у его ног, внимательно наблюдали за движением его губ, потом говорили вместо него, а также беседовали с ним чрезвычайно почтительно. По окончании трапезы, оруженосец принес ему пояс, по форме своей сходный с теми, какие носят в Кастилии, но отличающийся от последних своей работой. Взяв его, король мне его передал, вместе с двумя отделанными кусочками золота, очень тоненькими. Мне кажется, что они располагают очень незначительным количеством этого металла, несмотря на то, что живут по соседству с местностями, где оно находится в таком изобилии...“

В таком изобилии... Куда бы он ни приезжал, всюду на его вопрос о золотых россыпях, он получает одинаковый ответ: „Здесь,—говорят ему первобытные люди,—мы в прибрежном песке находим так мало золота, что его едва хватает на мелкие безделушки. Золотые же россыпи и короли, осыпанные золотом, находятся вон там, не очень далеко отсюда“. По крайней мере таким образом адмирал об'ясняет их знаки. Его отсылают с севера на юг и с востока на запад. Наконец он все же встречает короля, но тот оказывается совершенным человеком природы—он совсем голый. Адмирал делает ему подарки: рубашку, башмаки, несколько янтарных зерен и бутылку померанцевой настойки. Он показывает ему портреты испанских короля и королевы, очень, по его словам, могущественных властителей, управляющих самой большой в мире страной. „Действительно,—говорит король Испаньолы, обращаясь к своим приближенным,—эти властители должны быть очень могущественны,

раз они сумели своего адмирала прислать сюда с самого неба!“

Адмирал продолжает производить береговые разведки Испаньолы и других островов архипелага. Ему сообщают, что есть остров, где больше золота, чем земли. Его нужно во что бы то ни стало отыскать! Но он его так и не находит. Его отношения с туземцами остаются прежними, так же как и подарки, которыми они обмениваются. Он пытается найти утешение в созерцании чудес природы и в общении с жителями острова, являющимися настоящими детьми природы, хотя у них есть и король, и двор, и судьи, и они подчиняются законам: „Все они люди вежливого и приветливого обхождения. Их поселки и дома очень красивы. Управляются они сеньорами и судьями, которым они оказывают полное послушание; и все эти сеньоры скупы на слова и отличаются чрезвычайной чистотой нравов...“

В ночь на 25-е декабря море было спокойное, и матрос, стоявший за рулем, решив, что может пойти спать, передал румпель неопытному новичку, что было запрещено правилами. Весь остальной экипаж, офицеры и адмирал уже спали. Управляемая неумелой рукой *Санта-Мария* наткнулась на мель и притом так неудачно, что заделать пробоину не представлялось возможным. Колумб в своем журнале обвиняет в этом—как он всегда делал, когда случалась какая-нибудь неудача — всех и все,—Хуана де-ла-Коса, и людей экипажа, и самые суда, будто бы не приспособленные для дальнего плаванья. Если что и способно было утешить его в этой беде, так это отношение к нему „первобытных людей“.

Их король, человек очень чувствительный, узнав о случившемся, „заплакал и немедленно же послал своих подданных на трех больших лодках помогать разгружать корабль. Это было произведено с большой быстротой, благодаря стараниям, проявленным этим принцем“. Это обстоятельство дает адмиралу повод сложить еще один хвалебный гимн „первобытным людям“:

„Король со всем своим народом беспрестанно проливали слезы. Они люди любвеобильные, без всякой жадности и до такой степени добрые, что,—должен уверить ваши величества,—во всем мире не сыщется ни лучших людей, ни лучшей страны. Своих ближних они любят, как самих себя; разговаривают они кротко и вежливо, всегда притом улыбаясь. И мужчины

и женщины ходят совершенно голыми, какими они появились на свет, но, ваши величества, можете быть совершенно убеждены, что они отличаются превосходной нравственностью".

Адмирал оказался в очень затруднительном положении; два корабля из трех для него потеряны — *Санта-Мария* потерпела аварию, а *Пинта*, по его предположениям, находится на пути в Испанию. Сближая оба эти события, он все больше и больше говорит в своем журнале о заговорах и измене,—как будто Хуан де-ла-Коса мог желать потопить один из лучших кораблей Испании, который ему к тому же в значительной доле принадлежал, и как будто в задачу шести Пинсонов, вложивших в дело значительные деньги, и офицеров и прочего экипажа входило самим разориться и рисковать никогда не вернуться домой—лишь бы погубить начатое Колумбом дело!

Адмирал окончательно решил вернуться на *Нинье* в Испанию, чтобы представить королеве отчет о совершенных им открытиях и просить ее организовать новую экспедицию, с целью продолжить, в лучших условиях, начатые исследования и достигнуть наконец столицы богдыхана.

Он пришел также к заключению о необходимости построить „прочный форт с башней", пользуясь для этого деревом *Санта-Марии*, и оставить на нем десятка четыре людей своего экипажа и нескольких чиновников. Они должны были производить дальнейшие исследования Испаньолы, дожидаясь его возвращения с новыми кораблями, которые он надеялся получить от королевы.

— Если мы строим этот форт,—говорил он,—то отнюдь не в качестве меры предосторожности против возможного нападения туземцев. Подобная мысль им даже в голову не придет! Они люди в высшей степени миролюбивые, а их король—добродетельнейший из людей. Ведь они безоружны, наги и отличаются чрезвычайной робостью... Десяти испанцев достаточно, чтобы обратить в бегство десятки тысяч туземцев. Нет, выстроить форт нужно для того, чтобы индийцы знали, на что способны подданные королевы, а также, чтобы они подчинялись им со страхом и любовью.

Этому деревянному форту он дает название да-Навидад [1] и начальником его назначает Диего де-Арана. Оставляемый им

---

[1] Рождество христово.

здесь гарнизон он поручает братской дружбе первобытных людей. Но так ли уже они безобидны, как это ему кажется или как он это хочет показать? И во всяком случае таковы ли жители еще неисследованных местностей острова, размерами своими, по его же словам, не уступающих Португалии? Одно ясно: сорок испанцев не смогут обратить в бегство толпу диких воинов-каннибалов, обитающих неподалеку отсюда и в существовании которых Колумб не мог сомневаться, слыша повсюду жалобы на них. В деревянной крепостце он мог бы еще оставить такой малочисленный гарнизон при том условии, если бы в гавани находилась каравелла, куда, в случае опасности, можно было бы укрыться. Но адмирал об этом не думает, а если и думает, то не придает этому значения. Он считает возможным положиться на добродетели молодого короля...

Когда год спустя Колумб возвратился на Испаньолу, форт оказался разрушен, а гарнизон перебит добродетельными и кроткими „людьми природы“.

Это—первая кровавая жертва, принесенная увлечению первобытным человеком.

Даже и отыскав *Пинту,* адмирал не оставил своего намерения. Не изменил он его и после того, как на собственном опыте убедился, что индейцы не все сплошь безобидны и безоружны. „В воскресенье, тринадцатого января,—излагает Фернандо Колумб содержание записей своего отца,—адмирал, находясь у мыса Любви в заливе Самана, вблизи острова Испаньолы, послал на берег нескольких человек своего экипажа; там они встретили людей свирепого вида, вооруженных луками и стрелами, всем своим видом выражавших готовность вступить в бой... По приказанию адмирала, матросы приблизились к ним и откупили у них оружие. Но индийцы, продав, не только отказались выдать им его, но, снова придя в ярость, бросились к своим хижинам за веревками, чтобы связать и арестовать матросов. Те же,—их было всего семеро,—видя, что индийцы наступают на них в беспорядке, мужественно напали на них и обратили в бегство“...

Эта „битва“ и эта „победа“ приводят Колумба в восхищение. Испанцам, которых он оставляет на Испаньоле,—заявляет он,—нечего опасаться. Никто не посмеет напасть на них, потому что по всему архипелагу теперь распространится весть, что семеро испанцев одолели шестьсот индийцев. И хотя теперь он

воочию убедился, что нападение возможно, исхода этой „битвы“ достаточно, чтобы он уверился в невозможности повторения. К тому же, эти индийцы не принадлежали еще к страшной расе карибов-людоедов...

Тем временем Колумб продолжает восхищаться чудесами, встречающимися на воде и на суше. В январе он видел сирен: „Адмирал говорит, что направляясь к Золотой реке, он увидел трех сирен, высунувшихся из воды,—но они далеко не были так хороши, как их описывают; в их чертах он нашел даже нечто мужское. Он добавляет, что ему уже раньше приходилось их видеть на Малагеттском побережьи“.

Но вскоре вслед за тем он теряет всякий вкус к поэзии... Он стремится возможно скорее вернуться в Кастилию. Хотя он и нашел Пинсона и притом при обстоятельствах, рассеивающих всякие подозрения в его измене или дезертирстве, его присутствие становится адмиралу с каждым днем все более в тягость.

„Братья Мартин Алонсо и Висенте Хуаньес—говорится в резюме журнала,—которых адмирал назначил капитанами двух каравелл, и многие из людей их экипажа, державшие их сторону из выгоды или самолюбия, полагая, что все должно быть для них и забывая честь, оказанную им адмиралом, все они не только отказывались подчиняться его приказаниям, но и на словах и на деле держались в отношении его неподобающим образом“.

В его намерения входило,—пишет он дальше,—на всех парусах итти в Испанию, чтобы дать королеве отчет в своем путешествии и „отделаться поскорее от того общества бандитов, в котором он находился“.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Колумб возвращается из Индии и подготавливает общественное мнение к необходимости новой экспедиции

16 ЯНВАРЯ Колумб дает приказ отплыть в Европу. Начиная с этого дня и по 10 февраля, когда близ Азорских островов каравеллам пришлось выдержать жестокую бурю, плаванье продолжается без всяких событий: четыре недели покоя и досуга, благоприятствующих размышлениям и подсчетам. Но адмирал не успокаивает свое воображение: напротив он нуждается в нем теперь больше, чем когда-либо, для составления отчета во всем, что им за это время совершено, который ему придется представить по возвращении в Испанию, а также и для разработки того плана, который он намерен в дальнейшем осуществить.

В сущности, что же ценного, с точки зрения практической и коммерческой, составлявшей единственную цель его путешествия, везет он с собой из открытых стран? Одна-две пригоршни золота—пустяк по сравнению с теми богатствами, которые он обещал привести,—кожу большой ящерицы, которую он называет змеей, птичьи перья, соленых рыб, образцы хлопка, сушеные фрукты, разные растения, которые он не вполне уверенно считает пряностями и которые на самом деле ими не окажутся... Можно ли рассчитывать на то, что королева, обманутая в своих ожиданиях, предоставит ему гораздо больший флот и тысячи матросов для новой экспедиции, раз он возвращается, даже не окупив расходов по первой! Ведь он как-никак оставил на Испаньоле, на нежное попечение короля Гуаканагари, значительную часть своего экипажа; их нужно будет забрать оттуда, чтобы отвезти обратно в Испанию, так как у них нет инструментов, нужных для

постройки каравеллы... В общем оставляя их там, адмирал видел в этом залог неизбежности своего возвращения туда. А что, если не он, а кто-нибудь другой будет уполномочен отправиться за ними? При этой мысли ему становится не по себе. Но его воображение говорит ему:

— Я слышу трубы призывающей тебя славы...

— Так ли это? Воображение, не обманываешь ли ты меня?

Нет, оно его не обманывает. Оно нашептывает ему, что человек, подобный ему, добьется в конце концов своего, если будет десятки, сотни, тысячи раз повторять, вполне уверенно, одно и то же. Оно говорит ему, что поэтический дар затем и дан ему, чтобы он мог с его помощью зажечь в сердцах современников энтузиазм, не уступающий его собственному. Оно убеждает его, что разыграв продуманно и тонко общественное мнение, можно заставить королей и народы поверить чему угодно. Он уже обдумал эту сторону дела: он везет с собой в Кастилию сотню попугаев и десяток первобытных людей — последних не в их естественном виде, как их мать родила, целомудрие цивилизованных людей было бы этим покороблено,— а с повязкою на бедрах и с перьями на голове. Он уверен, что эти живые картины произведут исключительное впечатление. И он не ошибается.

Поскольку для успеха достаточно упорствовать в повторении того, в чем хочешь кого-нибудь убедить, он будет повторять, что возвращается триумфатором, что бог услышал его, выполнил все его желания, сотворил для него чудеса и поддержал его против экипажа, сплошь состоящего из бандитов. Золото?— В россыпях Испаньолы и Кубы его имеется несметное количество. Пряности?—По всем островам их растет столько, что надо только дать себе труд нагнуться. Важно лишь, чтобы все это стало известным королю и королеве раньше, чем он сам к ним явится, со своей пригоршнею золота и связкой никуда негодных трав. Важно, чтобы весь народ, надлежаще подготовленный, стал бы чествовать его как Мессию.

Но к кому обратиться? Сомнений нет—понятно к всесильным марранам, которым он уже обязан помощью в прошлом.

На корабле он пишет длинное письмо Габриэлю Санчесу, государственному казначею, и другое, адресованное Люису де-Сантанхель, с приложением копии первого письма. Оба эти послания будут им отправлены, в момент высадки, по назначению,

а эти влиятельные лица не замедлят понятно сообщить их содержание королеве. Он же будет ждать их ответа раньше, чем явиться ко двору.

Он пишет:

„Сударь!

Полагая, что вам доставит удовольствие узнать о той удаче, которую спаситель наш даровал мне в этом путешествии, я настоящим письмом сообщаю вам, каким образом мне удалось в тридцать три дня достичь Индии с флотом, милостиво предоставленным мне августейшими королем и королевой.

Я открыл там великое множество островов с бесчисленным населением. Я об'явил их собственностью кастильской короны и утвердил на них королевский флаг, не встретив ни с чьей стороны возражений.

...Их величества сумеют убедиться в том, что я доставлю им столько золота, сколько им будет нужно, без особой помощи с их стороны, так же как и пряностей, хлопка и мастики: этот предмет, который до сих пор добывали лишь в Греции и на острове Хиосе, генуэзское правительство продает по очень высокой цене. Затем можно, в каких угодно количествах, вывозить оттуда рабов-язычников.

Я нашел, как мне кажется, ревень и корицу, а оставленные там мною люди сумеют найти тысячи других растений; я же нигде не задерживался дольше, чем мне это позволял попутный ветер, за исключением лишь города да-Навидад, где я оставил людей своего экипажа, надлежаще их устроив и обеспечив“.

Навидад,—говорит он дальше,—большой туземный город, об'явленный им испанским владением; он расположен чрезвычайно выгодно и для разработки находящихся неподалеку золотых россыпей, и для ведения торговли с странами, лежащими как по эту сторону, так и по другую, где лежит государство богдыхана“.

На самом деле такого города не существует; ни на одном острове нет городов, ни больших, ни даже малых; адмирал видел лишь поселки, состоящие из жалких хижин. Но ему нужна столица, к тому же еще вблизи золотых россыпей, которая стала бы центром торговли с царством богдыхана, до которого по его мнению тоже недалеко и с которым он намерен установить торговые сношения при вторичном путешествии. Вот почему в своем воображении он создает город и золотые россыпи.

В действительности же да-Навидад являлся просто деревянной постройкой, долженствовавшей служить убежищем испанцам, оставленным на Гаити.

Наконец на островах так же нет мастики, корицы и ревеня, как нет и больших городов. Но зато есть товар, вывоз которого в Европу может быть организован в значительных размерах и принести огромную выгоду: рабы. Писать об этом в своем об'емистом журнале Колумб не решился, но он зато говорит об этом в своем письме марранам; он вывезет оттуда рабов, сколько потребуется. И в том же письме есть страница, являющаяся хвалебным гимном „наивности и щедрости“ индийцев... Две идеи уживаются одновременно в сознании Колумба: любовь к первобытному человеку и желание, постепенно усиливающееся, обратить его в рабство, перевезти в Европу и там продавать „цивилизованным“ народам. Идеализм поэта с чувствительной душой совместим у него с жестким расчетом купца, для которого все средства обогащения хороши. Но эти, столь несходные, стремления не порождают в его душе, полной противоречий, никакой борьбы. Каждая мысль, каждое чувство существует у него самостоятельно от других, и каждое из них используется им сообразно обстоятельствам.

В конце концов апология человеку природы нужна здесь Колумбу для того, чтобы заинтересовать Сантанхеля. Колумб пишет, что на островах бесчисленное население; на самом деле это не так,—население островов невелико и живет очень разбросанно. Естественно напрашивается вопрос, который задаст ему Сантанхель:

„Если на ваших островах такое огромное население, каким образом удастся вам обратить его в рабство?“

Поэтому-то Колумб и заявляет, что жители не умеют владеть оружием, чрезвычайно пугливы, а следовательно и делать с ними можно все, что угодно.

Заканчивается это письмо умелым призывом „вознести благодарность господу нашему спасителю, украсить церкви цветами, устроить народные празднества и шествия, в знак радости по поводу нового торжества христианской веры, а также и увеличения земных благ, которыми сумеет воспользоваться не одна только Испания, но и весь христианский мир“.

Что бы ни говорила им самим созданная легенда, целью его первого путешествия было только открытие островов, богатых

золотом, драгоценными камнями и пряностями. О распространении христианской веры не было и речи: в числе участников экспедиции были и нотариус и золотых дел мастер, но не было ни одного священника, ни одного монаха-миссионера. Религиозный характер всего этого предприятия и божественная миссия Колумба выступают лишь с начавшимися его разочарованиями, возрастая по мере дальнейших неудач и под конец, еще во время второго путешествия, отодвигают на задний план все задачи немистического порядка. Даже жажда золота, тем более лихорадочная, чем менее она бывала удовлетворена, будет вытекать из религиозных оснований. Это впрочем не помешает ему, вопреки воле королевы, вывозить из Индии рабов. Вначале же, к моменту возвращения из первого путешествия, он говорил так из чистого расчета. Искренно и убежденно он заговорил об этом лишь тогда, когда был уже полубезумным.

Возвращаясь в Испанию с пустыми руками, он понимает конечно что должен представить королеве нечто большее, чем собственную уверенность в успехе, представляющую собой в сущности лишь новые обещания. Учитывая благочестие Изабеллы, он к материальным перспективам добавляет также возможности духовного порядка и открывает широкий простор ее желаниям обратить в христианство возможно большее число язычников. На одной ли Антилии и ее малонаселенных островах? Нет. Во-первых он утверждает,—заведомо зная, что это не так,—что некоторые из этих островов больше и населеннее самой Испании. А затем, по его словам, Куба вовсе и не является островом.

В этом его основное и непростительное заблуждение, быть может даже намеренное, потому что решительно ничто не дает ему основание предполагать, будто Куба представляет собой азиатский материк. С ним, на его адмиральском корабле, находился Хуан де-ла-Коса, один из опытнейших испанских мореплавателей и космографов того времени.

— Это—остров,—сказал ему Хуан де-ла-Коса.—Отправьте каравеллу с приказом плыть вдоль берега, и вы увидите, что она возвратится туда, откуда она отплыла.

Нет! Колумб продолжает настаивать, что это материк. И взглядам де-ла-Коса он противопоставляет мнения Аристотеля, Аверроэса и Сенеки, которых он сам не читал,—и даже Солина.

— По Солину,—говорит он,—переход от Зеленого мыса до Гесперид длится не больше сорока дней—срок, который другие ученые считают преувеличенным. Наше плавание от Канарских островов продолжалось тридцать три дня. Мы прошли мимо Антилии. И теперь мы на Гесперидских островах. Куба же является материком, потому что, по мнению древних философов, Азия не может отстоять от Испании на большее расстояние, чем то, которое я прошел.

Древние философы... Солин... Геспериды... Хуану де-ла-Коса осталось лишь пожать плечами.

* * *

Буря началась десятого февраля и длилась до пятнадцатого.

Двенадцатого ярость ветра и волн достигла такой силы, что в течение этого и следующих двух дней каравеллам каждую минуту грозила участь пойти ко дну. В этот день адмирал, не в первый раз меняя свое мнение, записывает в своем журнале, что „если бы каравелла не была так прочна и не находилась в таком прекрасном состоянии, он боялся бы, что погибнет“.

Днем, четырнадцатого, опасность настолько велика, что он считает нужным поручить волнам донести до королевы сообщение о совершенных им открытиях. „Для того,—говорится в журнале,—чтобы король и королева, в случае его гибели, получили все же сведения об его путешествии, он на пергаменте описал, как мог, совершенные им открытия, с просьбою каждому, кто бы ни нашел это письмо, немедленно доставить его королю и королеве. Затем он завернул пергамент в большой кусок вощеного полотна, герметически заделал и перевязал этот пакет и положил в большую деревянную бочку, никому не говоря о том, что там находится“.

Бочку бросили в море. Она никогда не была найдена.

Той же ночью буря разделила обе каравеллы. „Море становилось все более бурным, ветер продолжал крепчать. Перед лицом такой непосредственной опасности адмирал направил судно по ветру, потому что ничего другого не оставалось делать. Тогда другая каравелла, которою управлял Мартин Алонсо Пинсон, тоже поставила паруса; несмотря на то, что всю ночь адмирал сигнализировал ей и она отвечала, она вскоре вслед за тем скрылась из виду, отклонившись от взятого адмиралом направления...“

В силу ли случайности, или же потому, что *Пинта* находилась в лучшем состоянии, но Мартин Алонсо раньше адмирала ушел от бури. Когда шторм несколько улегся, он, выяснив, где находится, пошел прямо к цели—в испанский порт. В противоположность Колумбу, дважды совершившему эту ошибку, он предпочел не заходить в иностранные гавани, где местные власти могли бы ему из зависти чинить всяческие затруднения и неприятности.

15-го буря начала утихать. С адмиральского корабля различили вдали землю, но не знали, Лиссабон ли это, Мадера или Азорские острова. Наконец выяснилось, что *Нинья* находится у Санта-Марии, одного из Азорских островов. Несмотря на все усилия, ей лишь 18-го удалось подойти к острову с южной стороны и зайти в гавань.

Жители, по словам адмирала, были чрезвычайно поражены тем, что корабль спасся от бури, длившейся пятнадцать дней, и притом самой свирепой, какую им когда-либо приходилось наблюдать. Но их удивление еще возросло, когда они узнали что адмирал открыл Индию. Обе новости немедленно же облетели весь остров. Одним из первых узнал об этом губернатор, поспешивший отправить адмиралу свежие продукты, передать ему поздравления и сообщить, что на следующий день он посетит его на корабле.

На утро часть экипажа отправилась на берег. Там они подверглись нападению солдат, спрятанных губернатором в засаде, и были заключены в тюрьму. Спустя некоторое время губернатор в сопровождении солдат под'ехал на лодке к кораблю; между ним и адмиралом произошел короткий разговор, при чем адмирал заявил протест против нарушения прав и оскорбления, нанесенного испанской королеве в лице ее адмирала, и угрожал губернатору грозным возмездием.

Когда губернатор уехал, адмирал, опасаясь, как бы войска не захватили его корабль, если бы он продолжал оставаться в гавани, сейчас же ушел в открытое море, несмотря даже на то, что буря возобновилась. В течение двух с половиной суток *Нинья* снова подвергалась большой опасности, тем более что на борту оставалось лишь три опытных матроса, остальные же были новичками; прочий экипаж находился на берегу под арестом.

22 февраля Колумб возвратился в гавань. В тот же день к каравелле пристала лодка с португальским нотариусом и

двумя священниками. Адмирал приказал поднять их на судно и, по их требованию, пред'явил им свои охранные грамоты и корабельные документы. Как только они доложили, о результатах этого осмотра губернатору, последний отдал распоряжение освободить задержанных матросов, которые немедленно возвратились на свой корабль.

„От них, — так заканчивается запись в журнале,—адмирал узнал, что если бы португальцам удалось его захватить, он бы уже никогда не вышел на свободу,—таково было, по словам капитана стражи, распоряжение португальского короля“.

Легенда о Колумбе обогащается таким образом еще одним эпизодом. Весьма возможно, что губернатор острова чинил Колумбу некоторые затруднения и даже арестовал нескольких матросов, сошедших на берег. Но представляется совершенно неправдоподобным, чтобы португальский король отдавал распоряжения об аресте адмирала и чтобы он распространил этот приказ во всех своих владениях, рискуя из-за этого войной с Кастилией.

Но каковы бы ни были причины этих событий на Санта-Марии, последние являлись серьезным предупреждением Колумбу о необходимости возможно скорее добраться до испанского порта.

Но у него другие намерения. Став адмиралом Кастилии и вице-королем Индии, он желает совершить триумфальный в'езд в Лиссабон, где девять лет назад отвергли его предложения, и откуда он должен был поспешно скрыться, обвиненный в каком-то преступлении. Хотя,—как сказано в корабельном журнале,—28 февраля противный ветер и громадные волны и сбили Колумба с пути, однако нет никаких указаний на то, что с Азорских островов он намерен был плыть прямо в Испанию. Колумб мог воспользоваться последовавшими вслед затем двумя днями затишья, чтобы взять направление на испанский порт. Возобновившаяся после этого буря сильно потрепала *Нинью*, и последняя 4 марта, с сорванными парусами, бросила якорь в Каскесе, в устье Тахо. Оттуда адмирал написал королю Иоанну II, находившемуся в то время в Вальпарайсо, прося аудиенции и разрешения войти в лиссабонскую гавань.

Журнал таким образом передает эти события:

„*4 марта.*—Адмирал немедленно написал королю португальскому, находившемуся в девяти лье от столицы, о том, что

король и королева кастильские приказали ему заходить в португальские гавани всякий раз, когда нужно будет что-либо закупить. Он просил короля разрешить ему войти со своей каравеллой в Лиссабонскую гавань, чтобы какие-нибудь бандиты не воспользовались его пребыванием в малонаселенном порту и предполагая, что он везет с собой много золота, не напали на него с целью грабежа. В своем письме он указал также, что возвращается не из Гвинеи, а из Индии".

„*9 марта.*—Король отдал распоряжение высшим чиновникам оказать адмиралу достойный прием и затем сам принял его со всевозможными почестями. Он был весьма любезен с адмиралом, приветливо беседовал с ним и сказал, что прикажет оказать помощь слугам кастильской королевы в большей даже степени, чем своим подданным. Он заявил, что удачный исход путешествия его чрезвычайно радует, но ему представляется, что согласно договора, заключенного им с королем и королевой кастильскими, результаты совершенных открытий должны были бы поступить в его пользу.

Адмирал ответил, что этот договор ему неизвестен, и все, что он знает, это что королева кастильская запретила ему плыть к Мине и ко всякому другому пункту Гвинеи, и этот приказ был оглашен во всех андалузских портах еще до его отплытия. Король на это любезно заявил, что этот вопрос он уладит непосредственно с королевой Кастилии. Он поместил адмирала у приора Клатосского монастыря, который принял его со всевозможными почестями".

В течение следующих трех дней Колумб пользовался чрезвычайным вниманием придворных. Он был также очень приветливо принят королевой, находившейся в то время в другом замке, неподалеку от Лиссабона. 12-го король известил его, что если он предпочитает отправиться в Кастилию сухим путем, то ему будут предоставлены лошади и все необходимое для дороги, а также эскорт, чтобы он не подвергся в пути каким-либо случайностям. Подобным приемом Колумб обязан был тому, что в глазах португальского короля он являлся прежде всего адмиралом Кастилии, а потому ему должны были быть оказаны все почести, подобающие его званию.

Несмотря на гостеприимный прием, оказанный Колумбу в Вальпарайсо, легенда передает следующее событие, не оправданное никакими дошедшими до нас данными: португальские

придворные, под влиянием зависти к иностранцу, оспаривавшему у них пальму первенства по части открытий и завоеваний, составили будто бы заговор с целью убить Колумба. План этого убийства обсуждался якобы в королевском совете, в присутствии самого короля.

Ни сам Колумб, ни его сын Фернандо ни словом не обмолвились об этом заговоре. И так как адмирал 13 марта покинул Лиссабон живой и невредимый, то легенда об'ясняет это тем обстоятельством, что Иоанн II не дал согласия на это убийство из чувства уважения и симпатии, которые Колумб сумел внушить ему.

* * *

Пока адмирал по собственной вине подвергал себя и свой экипаж опасности быть задержанными в чужой стране, Мартин Алонсо Пинсон без всяких происшествий довел свою *Пинту* до галисийской гавани Байоны. После двухнедельной стоянки он отплыл в Палос, куда прибыл 15 марта, всего несколькими часами позже Колумба.

Из Галисии он написал королю и королеве.

Легенда о Колумбе, превратившая Пинсона в изменника, чтобы тем самым возвеличить адмирала, передает, что „при виде адмиральского стяга на мачте *Ниньи* Мартином Алонсо овладело смущение. Из боязни, как бы его начальник не приказал заковать его в кандалы и бросить в тюрьму, на что имел бы право, он, скрывая в душе злобу, присоединился к общему из'явлению восторга перед тем, кого он намеревался обмануть“.

Колумб, сообщивший королю и королеве о своем возвращении, получил от них приглашение прибыть ко двору, находившемуся в Барселоне. В свою очередь и Пинсон получил ответ от королевы. Ответ этот до нас не дошел, а потому никто не знает, в чем он заключался. Легенда же говорит следующее:

„Мартин Алонсо осмелился вернуться в Палос лишь после от'езда оттуда Колумба. Также и им был получен ответ от королевы: он был убийственен для его самолюбия. Этот последний удар лишил его последней надежды. Злобная зависть зажгла в его крови лихорадку, от которой он вскоре и умер. Превосходный моряк, он мог бы на ряду с адмиралом завоевать себе славное имя, если бы, пользуясь выражением самого Колумба, он понял „честь“, которую тот ему оказал, взяв

его с собой в плавание. В своем стремлении стать первым, а не вторым, как он того заслуживал, он лишился не только результатов понесенных им трудов и пережитых опасностей, но также и того, чем обладал до своего от'езда: счастья и уважения. Он сам сократил срок своей жизни, которую он загрязнил дезертирством, неподчинением, насилием, обманом и лицемерием".

Выходит, что этот Иуда „посланника божьего" умер от бешеной зависти! В действительности же все было не так. Он умер от обыкновенной болезни, и смерть его оплакивал весь Палос, все друзья, мореплаватели и космографы Рабидского монастыря. Что же до письма, посланного им королеве, то в нем по всей вероятности заключалось лишь сообщение об его прибытии, выражалось сожаление об участи *Ниньи*, которую он вероятно считал погибшей так же, как адмирал считал погибшей *Пинту*, и испрашивалась аудиенция. И нет никаких оснований для предположения, что королева могла ответить ему, капитану одной из трех каравелл, чем-нибудь иным, кроме как приглашением прибыть ко двору.

* * *

Чтобы достичь Барселоны, Колумб пересекает всю Испанию с юго-запада на северо-восток, в сопровождении своих попугаев и шести дикарей. Из десяти индейцев, вывезенных им с островов, один умер в пути, а трое заболели и остались в Палосе.

Эту поездку легенда изобразила триумфальным шествием, подобного которому не знает мировая история: бесчисленные толпы людей, охваченных безумным ликованием, груды цветов, устилающих путь адмиралу, пышные процессии, разукрашенные церкви,—словом все то, о чем мечтал Колумб на страницах своих писем к Санчесу и Сантанхелю, откуда легенда вероятно и почерпнула эти сведения. Но таким дело представляется только потомству. В действительности же, в апреле и мае 1493 г. ничего подобного не происходило. Фернандо Колумб рассказывает об этих событиях довольно сдержанно:

„Король, во внимание к великим заслугам, оказанным Колумбом государству, приказал всем придворным выйти ему навстречу; он принял адмирала очень торжественно, сидя на великолепном троне, под затканным золотом парчевым балдахином. Он усадил адмирала рядом с собой и после того, как

тот вкратце рассказал ему о своем путешествии и достигнутых успехах, он распорядился, чтобы все придворные проводили адмирала в отведенное ему помещение. За время своего пребывания в Барселоне адмирал удостаивался большой чести сопутствовать королю во время его прогулок по городу, при чем по одну сторону короля шел инфант, а по другую—адмирал, чего раньше ни с кем не бывало".

В Барселонском муниципалитете имелся реестр, куда ежедневно заносились события, происходившие в городе; в нем попадаются описания различных происшествий, порой самых незначительных. По поводу прибытия Колумба и оказанной ему королем встречи—там нет ни строки.

Габриэль Санчес сообразил между тем, какое сильное впечатление может произвести письмо, посланное ему адмиралом с пути. Он распорядился его отпечатать и распространить; отдельные экземпляры его были посланы в Италию, Францию и Германию. За границей оно произвело даже большее впечатление, чем в Испании,—быть может потому, что издали всякое событие представляется более значительным. Не прошло и полугода, как в Италии была напечатана поэма, посвященная открытию новых островов. Вскоре вслед за ней появилась и немецкая поэма, прославлявшая золотоносные острова, населенные нагими людьми.

Живший в Барселоне итальянец Ганнибал Януариус в обошедшем всю Италию письме к своему брату восхвалял Индию и чувствительных первобытных людей.—В числе открытых островов, — пишет он, — есть два, превосходящие размерами Англию и Шотландию, и один, который больше Испании.

Наиболее искусным глашатаем небылиц, сочиненных Колумбом, явился Пьетро Мартир д'Ангиера. Он первый, письмом от 14 мая 1493 г. на имя своего друга Жанна Борроме, сообщил эту новость в Италию; он не придает ей особого значения, так как еще не успел повидать адмирала:

„... Несколько дней тому назад вернулся в Испанию некий Христофор Колумб, родом генуэзец, в свое время с большим трудом получивший от наших государей три корабля для морской экспедиции. И в самом деле его проекты считали несбыточными. Теперь он возвратился, нагруженный драгоценными товарами и в особенности золотом, которое попросту собирают в открытых им странах. Таковы результаты совершенного им путешествия..."

Затем, когда он познакомился с адмиралом и услышал из его уст чудеснейшие рассказы про первобытных людей и сокровища Индии, он начинает в своих письмах предаваться восторгу, ему в общем несвойственному.

„Воспряньте духом,—пишет он 13 сентября графу Тендилья и архиепископу Гренады,—узнайте об исключительном открытии.. Колумб сообщает, что открыл чудеса. Он показывал золото в доказательство того, что оно имеется в этих странах...“

„Нам передают чудеса“,—пишет он в тот же день кардиналу Асканио Сфорца.—„Я испытываю полное блаженство, когда мне удается поговорить с кем-нибудь, кто возвратился из Нового Света...“—сообщает он в другом письме.

Если бы Колумб заявил:—„Я недавно открыл Антильский архипелаг“—и просто рассказал обо всем, что он там нашел, то на него обратили бы не больше внимания, чем на прочих испанских и португальских открывателей островов. Но он произносит магическое слово—Индия—и окружает его ореолом волшебных миражей. В доказательство того, что он прибыл именно оттуда, он пред'являет попугаев и шесть разукрашенных перьями туземцев. И вот, ценою лжи и извращений географических понятий, разжигая воображение окружающих описанием экзотических красот, умело влияя на общественное мнение, Колумб оказывается победителем.

Пьетро Мартир не сомневается в правильности географических представлений Колумба. Он пишет кардиналу Асканио Сфорца: „...Привезенные им с собой птицы и разные вещи свидетельствуют о том, что он явился именно из Индии. Этому тем более легко поверить, что и Аристотель, и Сенека, и другие ученые всегда утверждали, что Испанию с запада отделяет от Индии лишь незначительное морское пространство“.

Но этих географических воззрений древности недостаточно, чтобы убедить опытных космографов и мореплавателей. Сейчас же по прибытии Колумба они обосновали свои возражения, сводившиеся к тому, что между островами, открытыми адмиралом, и Индией должно находиться еще очень широкое море. Из осторожности, в официальных документах стали употреблять неопределенное выражение: „острова, расположенные в Индийских краях“. Затем стали их называть „островами, расположенными по дороге в Индию“, что уже не вызывало никаких сомнений, а еще немного спустя, когда уже никто, кроме Колумба,

не думал, что он высадился на азиатском берегу, эти острова назвали Западной Индией (Вест-Индией), чтобы отличить ее от Индии, находящейся в Азии.

* * *

Несколько дней спустя адмирал был принят королевой в частной аудиенции. По письмам и разным документам того времени можно восстановить часть этой беседы, при которой присутствовала маркиза де-Мойя, близкая подруга королевы.

Королева, успевшая лишь бегло просмотреть журнал Колумба, сказала, что собирается прочитать его с чрезвычайным вниманием и что многие страницы уже успели увлечь ее своим поэтическим описанием чудес природы и нравов туземцев, так же как и обещанием материальных выгод и возможностью обращения многих душ в христианство.

— Государыня,—ответил Колумб,—все, что я обещал перед своим от'ездом, теперь осуществилось; все, что сообщено в этом журнале и в моих письмах, сбудется с помощью божьей и при вашей поддержке. Заслуга в успехе моего предприятия принадлежит вашему величеству, так как по вашему приказанию оно было выполнено. Тем самым вы показали, насколько близки вашему сердцу возвышенные задачи, потому что не было ни одного из тех, с кем я делился подробностями своего проекта и намеченными способами его осуществления, кто не рассматривал бы его, как шутку, за исключением разве двух монахов, державшихся о нем положительного мнения.

— О! Я знаю,—прервала его королева,—отцы Хуан Перес и Антонио де-Марчена чрезвычайно расположены к вам и немало способствовали получению вами того, чего вы у нас просили. Но следует ли, дон Христофор, забывать и остальных? Среди наших приближенных у вас не было ни одного личного врага; даже те, что были настроены против вашего предприятия, и те относились к вам с приязнью и желали, чтобы вы оставались на нашей службе. А сколько лиц выступало защитниками ваших проектов передо мной и перед королем! Взять хотя бы маркизу де-Мойя и Люиса де-Сантанхель... Они сошлись перед дверью нашего дворца в Гренаде, чтобы предпринять последнюю попытку,—помните, когда вы покинули двор, заявив, что уезжаете во Францию... не так ли, Беатриса?

— Государыня—ответила маркиза, недолюбливавшая Сантанхеля,—мое посещение вашего дворца совпало тогда совершенно случайно с приходом казначея св. Германдады. Мне ни разу не приходилось с ним о чем бы то ни было уславливаться. Это ваш прежний духовник просил меня принять участие в хлопотах за проект дона Христофора. В тот же раз,—добавила она, обернувшись к адмиралу,—я решилась повторить ее величеству доводы отца Хуана Переса лишь после беседы с вами.

— Государыня,—сказал Колумб,—я не забываю никого из тех, кто в то время покровительствовал и поддерживал меня, а к маркизе де-Мойя я храню особую благодарность. Я лишь хотел докончить мысль, сказав, что отцы Рабидского монастыря были моими первыми покровителями, что они познакомили меня с другими, и что без них я не мог бы оказаться принятым при дворе. Вернувшись в Палос, я долгие часы беседовал с ними, рассказал им о совершенных мной открытиях и развернул перед ними те выгоды, которые могут проистечь от моих открытий для кастильской короны и во славу божью. Отец Хуан Перес поручил мне передать вашему величеству выражение его глубочайшей преданности, а также и надежды, что вы и ваш августейший супруг не замедлите послать на открытые мной Индийские острова миссионеров для обращении многочисленных жителей в христианскую веру...

— Я уже беседовала по этому поводу с отцом Боилем и собираюсь вызвать к себе отца Хуана Переса, чьи познания окажут мне большую помощь. Я опасаюсь лишь того, как бы завоевание этих далеких стран не потребовало содержания больших армий и не вызвало крупных расходов, непосильных для нашего королевства, едва лишь начавшего вкушать благодатный мир после стольких лет войны...

— Все обойдется без войн, государыня, а также и без особых затрат, так как эти острова способны, помимо своих жителей, прокормить и все население Франции, Италии, Португалии и Испании. Я умоляю, ваше величество, поверить мне, что земли на этих островах, особенно же на Испаньоле, до такой степени плодородны, что выразить это словами невозможно, и никто этому не поверит, пока не увидит собственными глазами. Я прошу также, ваше величество, принять на веру и то, что все эти острова принадлежат вам не меньше, чем Кастилия, так как для того чтобы властвовать над ними, достаточно там

поселиться и приказать туземцам исполнять все, что окажется нужным. Располагая лишь ничтожной горстью людей, я чувствовал себя там полным хозяином. Достаточно бывало трем моим матросам сойти на берег, чтобы одним своим видом обратить в бегство целые полчища индийцев, которым они впрочем не собирались причинять никакого зла. Туземцы безоружны, далеко не воинственны и до того робки, что тысячи их не стоят одного испанца. Я овладел без единого выстрела большим городом, расположенным недалеко от золотых россыпей, которому я дал название да-Навидад.

— А король этой страны не препятствовал вам хозяйничать в его владениях?

— Король! Ах, вашему величеству будет трудно поверить тому, что я расскажу про эту страну и ее короля—настолько это должно показаться маловероятным лицу, самому там не побывавшему. Жители этих островов считают нас ниспосланными с неба, а король их является самым послушным подданным Кастильской короны. Я двадцать три года непрерывно провел на море, я об'ездил весь восток и весь запад, был в Англии и на дальнем севере, на юге доезжал до Гвинеи, знаю Италию, Испанию и Португалию, но ни разу, нигде не приходилось мне видеть такое чистое сердце и такую чувствительную душу, как у короля Гуаканагари! Заключив с ним тесный союз, я принял все возможные меры предосторожности для сохранения жизни и благополучия оставленного мной там гарнизона. Эти тридцать восемь человек должны продолжать уже начатое мной исследование этого острова, размерами своими превосходящего Испанию. Но эти меры предосторожности излишни. Король был настолько растроган участью этих добровольных изгнанников, что, проливая обильные слезы, обещал мне всеми средствами оказывать им помощь. Он уже и раньше, при других обстоятельствах, обнаружил свою доброту и отзывчивость: это было в тот день, когда мы потеряли *Санта-Марию;* он горевал больше, чем я. И его подданные, ставшие теперь подданными вашего величества, не уступают ему в чувствительности, доброте и миролюбии. Если ваше величество прикажет всех их отправить в Кастилию или же держать в качестве пленников на их собственном острове, это можно будет сделать без всякого труда...

— Что вы под этим подразумеваете, дон Христофор?

— То, что эти острова могли бы доставлять Испании столько рабов, сколько потребовалось бы вашему величеству.

— Нет!—воскликнула королева.—Этого я не хочу. Ни одно из этих существ, кротостью и добродетелями которых вы восторгались, ничьим рабом никогда не будет. Они будут пользоваться такою же свободой и теми же правами, что и другие кастильские граждане. Из числа тех, что вы привезли с собой, двое могут на некоторое время остаться в Испании,—если они этого понятно захотят, чтобы изучить наш язык и стать добрыми христианами, в пример своему народу. Что же касается остальных, то они возвратятся к себе на родину вместе с вами.

Затем, обращаясь к маркизе, она спросила:

— А какого вы мнения, Беатриса, относительно доставки нам индийских рабов?

— Это отвратительно!—с живостью ответила маркиза.—Эта идея принадлежит несомненно Сантанхелю; он уже раз намеками касался этой темы в разговоре, происшедшем вскоре после от'езда дона Христофора.

— Совершенно правильно,—произнес Колумб,—он был единственным, кто говорил мне об этом. Но в этом вопросе, как и во всех остальных, все будет сделано так, как вашему величеству угодно будет повелеть. Ваши индийские подданные могут строить города, добывать золото из россыпей и из рек, они выполнят все, что им прикажут. Мы приучим их к одежде и к нашим обычаям...

— Наше желание заключается прежде всего в том, чтобы они стали христианами и земледельцами. Судя по вашему журналу, эти острова отличаются удивительным плодородием...

— Не думаю, ваше величество, чтобы под солнцем нашлась страна, почва которой была бы плодороднее, температура мягче и ровнее, и которая бы в такой мере изобиловала реками, не содержащими в себе, в противоположность рекам Гвинеи, никакой заразы...

— Стало быть, если я верно поняла ваш журнал, все эти острова—особенно же Испаньола—могут стать земледельческими странами, одними из самых богатых в мире? Они пока еще не таковы, но несомненно станут такими, поскольку испанцы возьмут на себя эту заботу. Но скажите,—по вашим словам выходит, что жители совсем не возделывают землю. С чего же они живут?

— Они существуют на то, что сама земля, в щедрости своей им приносит. И кроме того, к числу их добродетелей принадлежит и умеренность... Мне кажется, что на этих островах растет много всяких растений, пригодных для изготовления красок, лекарств и пряностей; к моему глубокому сожалению, я в этом мало разбираюсь. Я привез с собой образцы для того, чтобы естествоиспытатели могли изучить их. Я обнаружил там деревья какой-то неизвестной в Испании породы, приносящие необыкновенно вкусные плоды, и мастиковое дерево, из корня которого индийцы пекут свой хлеб. Туземцы во множестве разводят овощи, похожие на морковь, но вкусом напоминающие каштаны; есть там также фасоль, бобы, орехи и камедь, помогающая при желудочных болях...

Колумб, исчерпав этот перечень, замолчал. Если бы он только знал, насколько драгоценен будет овощ, похожий на морковь и имеющий вкус каштана,—что это окажется впоследствии лучшим подарком, сделанным Новым Светом—старому, он сумел бы обратить его в свой главный аргумент. Ведь это был картофель! Он открыл также и другое растение, которому не придавал никакого значения: это была трава, которую туземцы жгли, вдыхая ее дым,—табак.

— Необходимо будет,—сказала королева,—чтобы испанские земледельцы, которые будут переселяться в те страны, захватили с собой виноградные лозы и отростки наших фруктовых деревьев, а также и семена пшеницы, ячменя и всех растущих у нас овощей.

Колумб в изумлении взглянул на королеву. Ему и в голову не приходило, что Испания может ввозить в Индию семена и извлекать из этого выгоду. Но его удивление еще возросло, когда королева спросила его:

— А как обстоит там дело с животными? Из того, что я прочла, я вынесла впечатление, что животных вы там повидимому не встречали.

— Животных?—нет. Птиц же там множество. Попугаев например так много, что когда они проносятся стаями, то застилают солнечный свет. И других птиц имеются тысячи пород...

— Нет, я говорю о домашних животных.

— Животные—овцы, козы, лошади, быки—мне не попадались. Я правда ни на одном острове подолгу не оставался, так как, чтобы основательно их осмотреть, потребовались бы десятки

лет, но будь там домашние животные, я бы их несомненно видел. Только однажды я натолкнулся на кости, которые мне показались сходными с коровьим черепом.

— Но живых вы там не встречали? Стало быть индийским островам нехватает не только наших хлебных злаков, но и домашних животных. Дикари еще могут без них обходиться, но не европейцы. Вы перевезете туда коз, баранов, жеребцов, кобыл, быков, коров и других животных... Да! Не нужно забывать еще свиней,—они чрезвычайно полезны, затем кур и кроликов...

Адмирал был совершенно ошеломлен. Кролики... куры... коровы... бараны... целая каравелла, превращенная в Ноев ковчег! И к чему все это, раз у испанцев в Индии одна лишь цель—отыскание золота, а попутно и обращение в христианство туземцев, живущих в счастьи и довольстве и без домашних животных и без испанских овощей!..

Королева заговорила о своих планах колонизации островов. Понятно, если золото там есть, испанцы будут его искать. Но там поселятся помимо того и земледельцы и скотоводы, и они-то и должны создать действительные богатства страны. Своим практическим умом она сумела понять то, чего никак не мог понять мечтательный Колумб.

Адмирал склонился, чтобы на прощанье поцеловать руку королевы, но та удержала его еще на несколько минут.

— А ваша карта?—спросила она.

— Какая карта, ваше величество?

— Ну конечно карта открытых вами островов! Ведь вы же сами мне ее обещали—географическую карту, с широтами и долготами, с точным обозначением расположения всех островов... Вы быть может ее еще не закончили? Поторопитесь, прошу вас, и пришлите ее мне. Я могу ее никому не показывать, если вы хотите, чтобы это сохранялось в тайне...

Адмирал так поражен этой просьбой,—казалось бы естественной, но для него неожиданной,—что не находится, что ответить. И в самом деле! Он предлагает королеве золотые горы, первобытных людей, попугаев, все острова и страны Индии, а она требует у него карты с долготами и широтами!

Этой карты у него нет: он не нарисовал ее, потому что не умеет обращаться с морскими измерительными приборами. Лишь дважды пытался он во время путешествия определить широту, и всякий раз ошибался на несколько градусов.

Несколько месяцев спустя, королева, в особом письме на имя адмирала, предлагает ему поспешить с доставкой ей карты:

„...А так как для лучшего понимания ваших записей, мы нуждаемся в карте, где были бы обозначены градусы широты и долготы, под которыми лежат открытые вами острова и земли, а также и путь, который ведет к ним, то такую карту доставьте нам немедленно, а также и карту, прислать которую мы вас просили перед вашим от'ездом...“

Королева прекрасно поняла адмирала: он диллетант. В испанских и португальских портовых городах есть множество простых моряков, знающих мореходную науку лучше его. Но он нравится королеве и многим из ее придворных. Он уже нашел острова и быть может сумеет открыть и новые. Ему готовы попрежнему оказывать доверие, но к нему приставят человека, сведущего в мореплавании и умеющего разбираться во всей этой чертовщине—в долготах и широтах, с которыми адмирал сам не справляется. И сделано это будет весьма деликатно:

„...Было бы хорошо, как нам кажется, чтобы вам сопутствовал опытный астроном, и нам представляется, что брат Антонио де-Марчена—лицо для вас наиболее подходящее, потому что он сведущ в астрономии, и его мнения повидимому обычно совпадали с вашими“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Колумб открывает каннибалов. Восстание туземцев. Волнения среди испанцев, поселившихся на Гаити. Колумб организует доставку рабов в Европу

ПРИ СВОЕМ свидании с Колумбом король португальский Иоанн II выразил сомнение в том, не противоречит ли открытие островов и об'явление их собственностью Кастилии договорам, заключенным между Португалией и Испанией, и папским буллам, по которым права на земли, лежащие на морском пути к западу и к югу от Африки, были закреплены за португальскими мореплавателями.

Чтобы положить конец этому спору, утвердить уже приобретенные права и заранее обеспечить суверенитет над всякими другими странами, которые адмирал собирался открыть, испанский королевский дом обратился за разрешением этого вопроса к папе. Буллой от 4 мая 1493 года папа Александр VI примирил обе стороны таким образом: на карте вселенной он от одного полюса к другому провел прямую линию, пересекающую океан в ста лье к западу от Азорских островов и островов Зеленого мыса; все земли и острова, расположенные к востоку от этой линии, отходили к Португалии, те же, что находились к западу,—к Испании. Таким образом папа, полагавший, что он распределяет одни только острова, присвоил Кастилии права на весь Новый Свет, к тому времени еще не открытый. Но эта булла не предоставляет Испании прав на Азиатский материк, потому что папа не верил тому, что Колумб его достиг.

— Я очень хотел бы,—сказал тридцать лет спустя Франциск I,—взглянуть на тот пункт завещания Адама, по которому мне и моим наследникам запрещено иметь владения в Америке!

Эта булла потеряла сама по себе свою силу уже через несколько лет после своего обнародования: она не помешала португальцам, французам, голландцам и англичанам обосновываться в Новом Свете, а вскоре и испанцы перестали видеть в ней средство препятствовать другим странам посылать свои экспедиции для открытия новых земель и их колонизации.

Обеспеченное папской буллой от всяких посягательств на эти острова со стороны Португалии, кастильское правительство снарядило для вторичного путешествия флот, состоявший из трех палубных кораблей, из которых один вместимостью в тысячу двести пятьдесят тонн, двенадцати легких беспалубных каравелл и двух каравелл большего размера, которые при необходимости могли быть обращены в палубные. В общем насчитывалось семнадцать судов, из которых несколько, мелко сидящих в воде, были построены специально для этой экспедиции и предназначались для береговых разведок.

На всех этих судах находилось в общей сложности от тысячи двухсот до полутора тысяч человек, считая в том числе рабочих, всякого рода мастеровых, земледельцев, а также и нескольких дворян, которых адмирал увлек за собой своими фантастическими рассказами и всякими обещаниями; среди них были Хуан Понс де-Леон, открывший впоследствии Флориду, Аллонсо де-Гохеда, Педро де-Маргарит, Альварес де-Акоста и Берналь Диас де-Писо, альгвазилы двора, Мальдонадо, бывший раньше посланником в Риме, Хуан де-Лухар и Себастиан де-Олано.

Хотя Колумб всячески уверял их в том, что драться им не придется, все же они отправляются в путь с мечами и в латах. Мастеровые везут с собой свои инструменты, земледельцы — отростки деревьев, семена зерновых хлебов и овощей и разный домашний скот.

Едут несколько миссионеров, во главе с бенедиктинцем Бернардом Боилем. Кроме того едет еще один монах, но с научной целью — Антонио де-Марчена. Он и Хуан де-ла-Коса являются космографами и картографами экспедиции.

Нинья, Сан-Хуан, Кардера и *Гальега* идут под управлением капитанов Алонсо Меделя, Алонсо Переса Рольдана, Бартоломео Переса и Переса Ниньо. Вместе с Колумбом отправляется и младший брат его Диего, который приехал из Италии в Кастилию, как только узнал, что его старший брат стал адмиралом и

открыл Индию. На адмиральском корабле находятся также отец и дядя его будущего биографа Лас-Казаса.

Административная власть доверена Хуану-Родригесу де-Фонсека, возведенному в звание суперинтенданта по индийским делам; при нем состоят Франсиско Пинело, казначей и Хуан де-Сориа, контролер. В таком виде экспедиция носит характер настоящего предприятия по колонизации. Большая часть тех, кто отправляется на острова, имеют намерение там обосноваться.

Флот отплыл из Кадикса 25 сентября 1493 г. Колумб, как и во время своего первого путешествия, направился прежде всего к Канарским островам, где несколько раз заходил в гавани. 13-е октября может быть названо началом второго путешествия, потому что в этот день он отплыл от острова Ферро.

После двадцати дней спокойного плаванья сильный северный ветер заставил корабли уклониться от пути, который должен был привести их к Кубе и Гаити, и отогнал их далеко к юго-западу. Они попали в воды огромного архипелага Малых Антильских островов.

— Следует как можно скорее плыть к Испаньоле,—сказал Колумбу отец Антонио,—не нужно нигде задерживаться.

— Я не вижу, к чему нам так торопиться,—ответил адмирал.

— Как, к чему? А ваши товарищи, которых вы покинули восемь месяцев тому назад! Они вероятно уже отчаялись когда-нибудь вас увидеть...

— Они? Об их участи не беспокойтесь! Они хозяйничают на райском острове и копят в своей крепости золото и драгоценные камни.

Адмирал, оказавшись в незнакомых водах, не может уже уяснить себе, в каком направлении лежит Испаньола, а потому решает об'ездить архипелаг, в расчете, что как-нибудь ее отыщет.

Антонио де-Марчена спросил об Испаньоле Хуана де-ла-Коса.

— Испаньола,—ответил тот,—находится гораздо дальше к северо-западу. Ее северный берег расположен, если не ошибаюсь, на 20-м градусе северной широты. Мартин Алонсо, который первый достиг ее, точно обозначил ее положение. Карта эта осталась у него, потому что адмирал, который сам карты не снимал, у него ее не потребовал. Теперь она должна быть

у одного из братьев Мартина Алонсо. Наш долг, понятно, как можно скорее отправиться к Испаньоле, но адмирал этого не хочет. У него свои соображения...

В первых числах ноября адмирал открывает новые острова,— вернее маленькие необитаемые островки, которым он дает названия: Дезидераде, Доминик, Маригаланте,—а затем и остров побольше, окруженный тремя островками, названный им Гваделупой. Эти четыре острова оказываются населенными „людьми природы", с'евшими все население соседних островов до последнего человека.

Колумб высаживает на Гваделупе несколько матросов; они должны поискать индийцев и расспросить у них о богатствах острова, а также и о том, в каком направлении лежит Испаньола При виде белых индийцы ударяются в бегство. Но женщины бегут к испанцам и знаками показывают, что жители поедают мужчин, а женщин держат в рабстве, и что они умоляют освободить их.

„Король Гваделупы на десяти больших лодках, с тремястами воинов, отправился на соседние острова, чтобы захватить пленников и их с'есть. Женщины, рассказавшие нам это,—наивно уверяет Фернандо Колумб,—указали нам дорогу к Испаньоле".

Испанцы, углубившись в страну, обнаружили хижины, крытые соломой. Внутри хижин они нашли человеческие кости— руки и ноги, а также и оружие.

В своем письме к Помпонио Лэти, Пьетро Мартир, со слов участников экспедиции, так описывает открытие каннибалов:

„...Вам рассказывали о лестригонах и полифемах, питающихся человеческим мясом. Можете не сомневаться в их существовании. Если на пути, ведущем от Канарских островов к Испаньоле, отклониться несколько к югу, то попадаешь в огромный архипелаг, населенный дикими островитянами, называемыми карибами или каннибалами. Это свирепые воины, главное их оружие – палица и лук. У них есть лодки, выдолбленные из целого ствола дерева и носящие название каноэ. На них они совершают налеты на соседние острова, населенные более цивилизованными племенами. Они нападают на них врасплох и немедленно же поедают всех мужчин, которых им удается захватить. Детей же они кастрируют, как мы – цыплят, дают им подрасти и разжиреть, потом душат их и с'едают.

Наши моряки проникли в их хижины. К балкам, поддерживающим потолок, были подвешены окорока и колбасы из соленого человеческого мяса. Испанцы нашли голову недавно убитого юноши, еще полную крови. В котле были обнаружены части тела этого же юноши, положенные туда вариться вместе с кусками гусей и попугаев; другие же части тела, насаженные на вертелах, были приготовлены для жаренья".

От этого страшного острова отплыли 10-го ноября; на следующие дни открыли несколько островов, из которых один, больше других, называется, по словам индийцев, находящихся на судах, Маданиной, и населен исключительно женщинами У Колумба нет никаких сомнений: перед ним легендарный остров амазонок. Но случай ему не благоприятствует—пристать к этому острову он не может из-за сильного северного ветра. Он узнает, что каннибалы раз в год посещают этот остров, но отнюдь не для того, чтобы поедать его обитательниц. По возвращении в Испанию, он рассказал Пьетро Мартиру все, что он об этом слышал, с прибавлением того, что он сам выдумал:

„Когда детей отнимают от груди, то амазонки отсылают мальчиков к их отцам, но оставляют у себя девочек. Если кто-либо из мужчин раньше положенного времени является на их остров, то женщины прячутся в подземных пещерах, а если мужчины пытаются проникнуть туда силой или хитростью, они обороняются, при чем стрелы они мечут с большим искусством".

Какая необ'ятная фантазия у Колумба! Пьетро Мартир приводит эту басню в своей книге *De Orbe novo*[1], сравнивая ее с античным повествованием о жителях Фракии, посетивших острова амазонок; но, будучи человеком осмотрительным, он добавляет:

„Так по крайней мере рассказывают. А я лишь передаю".

Флотилия продолжает плаванье по архипелагу. Островов чрезвычайно много: сорок шесть их было открыто всего за несколько дней. Одни из них необитаемы, на других же есть население, с'евшее население первых. Покрыты ли они лесами и лугами, или каменисты и бесплодны, но все они так же бедны, как Сан-Сальвадор. „Полагают, что в их недрах есть золото и драгоценные камни",—записывает Колумб. Он до конца жизни упорно держался этого взгляда.

---

[1] О Новом Свете.

До тех пор Колумб полагал, что людоеды трусливы и что достаточно трех-четырех испанцев, чтобы обратить в бегство тысячи дикарей. Первая встреча с ними на Гваделупе укрепила как будто испанцев в этом мнении. Доктор Чанка, врач экспедиции, так описывает ее в своем письме, адресованном в севильский капитул:

„Главным оружием их являются дротики, но не железные, так как этого металла у них нет. У одних наконечники дротиков сделаны из щита черепахи, у других—из твердых рыбьих костей, зазубренных как пила. Пользуясь этим оружием против своих безоружных противников, они причиняют последним много вреда. Но для людей, вроде нас, это оружие не представляет особой опасности“.

Но несколько дней спустя, на другом острове, происходит встреча с каннибалами, вооруженными луками и отравленными стрелами; эти дикари не убегают при виде испанцев, но убивают одного из них и другого ранят. Они повинуются женщине, повидимому их королеве, и молодому человеку, „косому и свирепого вида, с внешностью льва“, как говорит Пьетро Мартир, которого приходится постоянно цитировать, так как Колумб сам не описывал этого путешествия.

„Наши моряки,—продолжает автор *De Orbe novo,*—чтобы избегнуть стрел, предпочли бой врукопашную. Они пустили свою лодку на челнок дикарей и опрокинули его. Челнок пошел ко дну, но дикари бросились в воду и, плывя, не переставали с прежней силой осыпать наших моряков стрелами. Добравшись до утеса, поросшего водорослями, они продолжали мужественно сражаться. Наконец их удалось захватить. Один из них был убит, сын королевы получил две раны. Когда их доставили на корабль, они сохранили свой прежний свирепый и дикий вид, как африканские львы, пойманные в засаде и связанные. Ни один из видевших их не мог не содрогнуться от ужаса, настолько их жестокость придала им отталкивающий, адский облик. Я утверждаю это на основании своих личных наблюдений, а также и впечатлений всех тех, кто вместе со мной отправился в Мадрид, чтобы на них посмотреть“.

16 ноября флотилия пристала к большому острову, откуда родом была большая часть женщин, захваченных каннибалами и нашедших приют на каравеллах. Этот остров они называли Борикен; испанцы дали ему название Порто-Рико.

Борикенцы были вооружены, но вели только оборонительные войны. Очень миролюбивые, они никогда не искали ссор со своими воинственными соседями, но умели драться и давать отпор этим „милитаристам“. Они правда не совершали набегов на другие острова, чтобы поживиться человечьим мясом, но побив, что им иногда удавалось, вторгшихся к ним врагов, они их поедали.

18 ноября показывается Испаньола; следуя вдоль берегов, флотилия 22-го пристает к острову в северной его части. Пять дней спустя адмирал прибывает в место, где он выстроил форт да-Навидад. От него остались лишь обгорелые развалины. Тридцать восемь испанцев, составлявших его гарнизон, были перебиты туземцами. В надежде, что кто-нибудь из них уцелел и спрятался в лесах, дают залп из ружей и пушек, чтобы предупредить их о прибытии соотечественников, но никто не возвратился, никто не отозвался—не уцелел ни один.

Адмирал послал несколько человек к Гуаканагари, который не показывался, несмотря на то, что не мог не слышать орудийного залпа. Посланные застали его лежащим в гамаке со забинтованной ногой. Он заявил, что он не единственный король на острове; он—лишь один из наименее могущественных; это другие короли со своими воинами напали на форт, овладели им, подожгли и перебили весь гарнизон. Гуаканагари, поспешивший испанцам на помощь, был ранен стрелой в ногу.

На следующий день Колумб послал к этому верному союзнику, к этому „королю с чувствительной душой“ лекаря экспедиции. „Он снял повязки,—рассказывает Пьетро Мартир,—и не обнаружил никаких следов ранения. Но король лежал в гамаке, притворяясь больным, и это заставило заподозрить, что он был виновником убийства наших соотечественников. Лекарь тем не менее ничем не выказал своих подозрений и добился от короля обещания явиться на следующий день на корабль к адмиралу“.

Он и на самом деле явился, и встреча носила весьма сердечный характер. Случайно король увидел на корабле одну из женщин, спасенных испанцами от каннибалов, которую они звали Екатериной, и он о чем-то „очень милостиво с ней говорил“.

Было решено, что Колумб удержит короля пленником, чтобы заставить его искупить совершенное преступление. Ночью король и семь женщин бежали с корабля. Трех женщин поймали,

но остальные скрылись в горах вместе с королем. На следующий день Колумб утешился, заключив с другим королем, вернее сказать кациком, договор о дружбе.

Земледельцы, которых адмирал взял с собой помимо своего желания, немедленно же принялись за работу. По словам Пьетро Мартира, „они окружили оградой участки земли, расположенные на берегу самой большой реки, намеченные ими под огороды. Там они посадили всевозможные овощи—редиску, латук, капусту и другие виды зелени; через шестнадцать дней после посадки все овощи начали всходить. Дыни, тыквы и огурцы поспели в тридцать шесть дней и были удивительно вкусны. Весь год можно иметь там свежие овощи. Корни тростника, из сока которого добывается сахар, в две недели давали ростки в локоть вышиной. То же нужно сказать и о виноградных отводах и лозах. Уже на второй год они стали приносить великолепный виноград. Но гроздья у них были небольшие, вследствие того, что виноградины были необычайно велики. Один земледелец посеял меру пшеницы в начале февраля и, как это ни удивительно, уже третьего апреля принес в город сноп спелых колосьев. Можно рассчитывать на два урожая в году".

Если бы Христофор Колумб понял, в чем заключается действительное богатство этих островов, его чаяния исполнились бы в первые же месяцы, и он стал бы великим колонизатором. Но земледелие его не интересует. Он всецело во власти своих химерических планов. Гаити представляется ему библейским Офиром, откуда Соломон грудами черпал золото. И на поиски этих золотых россыпей он во все стороны рассылает людей — дворян, как Гохеду и Люксана, матросов и ремесленников; и они неизменно возвращаются с крупинками золота, найденными в реках туземцами.

Десятилетием позже на Гаити прибыл Кортес, привлеченный туда, подобно многим другим, жаждой золота. С первого же дня он понял, в чем состоит богатство этих земель и, отказавшись от поисков золота, он просил предоставить ему земледельческую концессию. В 1518 году на средства, нажитые земледелием и разведением лошадей и скота, он экипировал флот, нанял несколько сот моряков и искателей приключений и во главе их отправился на завоевание Мексики, куда он ввез европейских животных, деревья и овощи,—а попутно открыл там и россыпи золота и серебра.

В декабре Колумб построил новый форт, названный им Изабеллой. Мало-по-малу возле форта стали строить дома, и Изабелла превратилась в маленький городок, первый, возникший в Новом Свете.

3-го февраля адмирал отправил в Испанию, под начальством Антонио де-Торреса, двенадцать каравелл для того, чтобы отвезти больных и доставить оттуда скот, семена и припасы. На этот раз он должен был признать правоту королевы, распорядившейся послать с экспедицией земледельцев. Но все же Испаньола, как бы она ни была плодородна, не в состоянии была прокормить и тысячи живущих там европейцев, если они хотели вести иное существование, чем дикари, потому что земледельцы не захватили с собой многого, оказавшегося впоследствии необходимым; кроме того должно было пройти еще некоторое время, раньше чем хлеба и скота хватило бы на всех. Поэтому Колумб просил прислать припасы и скот как для еды, так и для разводки, а также и лекарств для больных.

В общем Колумб проявил полную неспособность организовать морское сообщение между метрополией и островами для снабжения последних продуктами. Да и что может он послать с островов в Испанию, от чего получили бы выгоду государство, он сам и те богатые купцы, которым он надавал столько обещаний? В январе 1494 года он не богаче, чем при возвращении из первого своего путешествия,—у него нет ни золота и драгоценных камней, ни пряностей и ароматов. Чем же окупить расходы по плаванию в Испанию? Адмирал решает: он покроет их доставкой рабов, которая должна дать внушительные барыши, десятую часть которых он, по праву, заранее удержит в свою пользу.

В первую очередь он намечает — или по крайней мере делает вид, будто намечает,—каннибалов. Они,—говорит он, — гораздо более развиты, чем жители Гаити и Кубы, не являющиеся людоедами; когда же они, пробыв некоторое время в рабстве в Испании, отучатся от употребления человеческого мяса, их можно будет вернуть на острова, где они могут стать проповедниками слова божьего и превосходными миссионерами. Их можно обучать более старательно, „чем других рабов“.

В инструкции, данной им 30 января 1494 года Антонио де-Торресу, говорится следующее:

„Вы скажете их величествам, что для пользы как самих каннибалов, так и других обитателей островов, мы пришли

к заключению о необходимости перевезти их, в возможно большем количестве, в Испанию. Необходимо будет добиться того, чтобы известное число каравелл доставляло на острова скот, жизненные припасы и все необходимое для снабжения земледельцев и улучшения сельского хозяйства. За все это будет уплачено рабами-каннибалами, которых, после того как они отучатся на чужбине от своих варварских привычек, нужно предпочесть другим рабам".

В Европе в ту эпоху рабство еще продолжало существовать, особенно же в странах, граничащих с Средиземным морем, где корсары-мусульмане захватывали христиан и продавали их на рынках своих стран. В свою очередь и христиане уводили в рабство мусульман-военнопленных, и корсары вели торговлю ими. Португальцы доставляли негров из Гвинеи; но общее число рабов в Европе было относительно невелико. Христофору Колумбу первому пришла мысль организовать это дело в крупных размерах, и для этого он, именем правительства, для выгоды последнего и для своей собственной, стал устраивать настоящие облавы на индийцев. Колумб извращал истину, утверждая, что будет посылать на испанские рынки лишь тех, кто является убийцами испанцев, по преимуществу, каннибалов. Он не насчитал бы и десятка пленников-людоедов. Его жертвами стали туземцы Гаити, не евшие человеческого мяса; больше того, он намеревался вывозить женщин, девушек и детей. Во всяком случае, никто до него не решался так цинично прикрывать свои действительные замыслы евангельскими и гуманитарными соображениями.

* * *

В конце марта отправленная вглубь острова экспедиция вернулась с столь же мало ощутительными результатами, как и все предыдущие.

Колумб снова подготовлял путешествие для дальнейших открытий. Но главной его целью было вернуться на Кубу. Между тем положение на Испаньоле требовало обязательного присутствия начальника. Недовольство назревало как среди туземцев, так и среди испанцев.

Постоянные неудачи, постигавшие Колумба, породили в нем в бешеную злобу против индийцев. Он охотился на них с собаками. Он нуждался в рабах для работ в реках и горах,

где он попрежнему рассчитывал найти золото, а также и для того, чтобы снабдить рабами и рабынями земледельцев и авантюристов, последовавших сюда за ним.

Среди испанцев тоже нарастало недовольство Колумбом. Адмирал, бывший плохим мореплавателем, оказался еще худшим администратором. Он не обладал искусством повелевать и не умел внушать к себе симпатии. Своей жестокостью он всех восстановил против себя, особенно же весной 1494 года.

Уже при описании стачки матросов в Палосе, которая была прекращена усилиями Пинсона, было отмечено, что Колумб каким-то загадочным образом умел убеждать королеву, грандов, придворных, прелатов, монахов и даже ученых, но никогда не внушал доверия обыкновенным морякам, как бы простодушны те ни были. И его неспособность быть правителем и администратором на суше в такой же мере бросалась им в глаза, как и его неподготовленность к роли адмирала в плаваньи.

Раздражительный Колумб начинает ссору с отцом Боилем и другими миссионерами, возражающими против жестокости, с которой он расправлялся с индийцами. Тогда он лишает этих монахов продуктов.

Все испанцы переведены на уменьшенные пайки. Рассчитывая выжить таким способом пришельцев, туземцы перестали обрабатывать земли и питаются лишь теми плодами и овощами, которые растут в диком состоянии. Разгораются эпидемии; испанцы принесли туземцам заразные болезни, которых те раньше не знали, и в свою очередь заразились от них болезнью, неизвестной еще в Европе. Распространителями болезни явились главным образом женщины. Индийцы, принадлежащие к слабой расе, оказывают меньше сопротивления заболеваниям и во множестве погибают.

Несмотря на сложившуюся обстановку, Колумб, возложив управление островом на комитет, возглавляемый его братом Диего, отплыл 24-го апреля от Испаньолы с тремя каравеллами. Он снова во власти своих бредней. Он стремится на Кубу, в надежде отыскать там столицу богдыхана.

Достигнув Кубы, он близ гавани Тарквино взял к югу и 13-го мая открыл Ямайку. Затем он возвратился к Кубе, чтобы продолжать ее исследование. Каравеллы, плывя с большими трудностями, среди мелей и рифов, достигли наконец вод

архипелага, состоящего из множества островов, которому Колумб дал название Сада королевы.

— Их тут по крайней мере тысяча!—восторженно воскликнул Колумб, убежденный, что попал в Архипелаг тысячи островов, описанный Марко Поло.

Его возбужденное воображение уводит его от всяких представлений о пространстве. Он уже открыл Японию и север Китая; теперь он безусловно находится в Южном Китае. А несколькими днями позже, все еще не покидая Кубы и даже Сада королевы, он оказывается уже в Кохинхине.

„Колумб,—говорит Пьетро Мартир,—полагал, что находится в противоположной нам части земного шара, недалеко от Золотого Херсонеса. На своем пути адмирал встречал морские течения, бурные, как потоки, и мели, не говоря уже об опасностях, с которыми сопряжено было плаванье среди бесчисленных островов. Но он решил пренебречь всеми опасностями и итти вперед, пока не убедится, представляет ли собой Куба остров или материк“.

Так пишет Мартир со слов самого Колумба. Но Колумб и не собирается продолжать исследования, чтобы установить, является ли Куба материком. Он в этом убежден уже со времени своего первого путешествия. Открыв тысячи китайских островов, описанных у Марко Поло, он окончательно укрепился в уверенности, что находится у берегов Азии.

И вот, двенадцатого июня произошло событие, беспримерное в истории мореплаванья. Колумб послал королевского нотариуса обойти все три каравеллы и отобрать под присягой у всего экипажа, в том числе и у кормчих, показания, что Куба является материком; и моряки, потому ли, что были запуганы адмиралом, или же чтобы угодить ему, все дали подобное показание. На этом основании был составлен нотариальный акт, где значилось, что у всякого, кто, принеся сейчас присягу, станет в будущем утверждать противоположное, т. е. что Куба представляет собой остров,—у всякого будет отрезан язык и он кроме того должен будет уплатить штраф в десять тысяч мараведисов, если он офицер, или подвергнуться ста ударам кнута, если он простой матрос.

На одной из каравелл находился священник, сведущий в космографии, осмелившийся высказать противоположные суждения. Колумб воспрепятствовал ему возвратиться в Испанию. Но он

был бессилен против Хуана де-ла-Коса, состоявшего по королевскому указу космографом экспедиции. По своем возвращении в Кастилию он, не опасаясь, что ему вырежут язык, так как этот нотариальный акт был признан не имеющим силы, составил карту, получившую широкое распространение среди ученого мира той эпохи. На ней Куба изображена как остров, и с запада океан отделяет ее от земли, еще не имеющей точных очертаний и ни под каким названием не обозначенной.

В XIX веке защитники Колумба, которых можно скорее назвать составителями „жития святых", если и не обходят молчанием это заблуждение Колумба, то во всяком случае считают последнее неизбежным и полагают, что разве только при помощи „небесного откровения" мог он не поддаться этой ошибке. Но почему же обошлись без „небесного откровения" и этот священник, поплатившийся за свои взгляды заточением на островах, и Хуан де ла-Коса, и многочисленные современники, отказывавшиеся верить в чудеса Колумбовой географии! Ведь стоило бы Колумбу продолжать плаванье к западу или к северу от берегов Кубы, он в течение нескольких суток достиг бы материка—Юкатана или Флориды. Но он наугад блуждает по всему архипелагу, от острова к острову, не имея никакого представления, ни где он находится, ни куда плывет. Меж тем припасы убывают, и экипаж, не видя у адмирала намерения вернуться назад, начинает роптать.

Лишь 16 июля каравеллы берут курс на Испаньолу, но сильный ураган отбрасывает их в противоположную сторону. В течение нескольких недель их почти ежедневно треплют бури и штормы, пока наконец двадцатого августа они не пристают к берегам Испаньолы, в ее еще неисследованной западной части. Исследовав эти берега, они двадцать девятого сентября, после пятимесячного отсутствия, возвращаются в Изабеллу.

Колумба, заболевшего незадолго перед тем, на носилках сносят на берег, и он пять дней и пять ночей проводит без сознания.

* * *

„Адмирал, вернувшись на Испаньолу,— рассказывает Фернандо Колумб,—застал там своего брата Бартоломео. Узнав, что адмирал открыл новые острова и возвратился в Испанию, он поспешил туда же, но, прибыв в Севилью, уже не застал адмирала,

ушедшего с флотилией из восемнадцати судов. Некоторое время спустя король послал его с тремя кораблями на Испаньолу. Адмирал, вернувшись с Кубы, назначил его префектом—*adelantado*—Индии".

Эти три каравеллы, с новой партией земледельцев и грузом всевозможных припасов, прибыли вскоре после от'езда Колумба. За время его отсутствия положение на острове еще ухудшилось. Под влиянием лишений, болезней и общих неудач испанцы разбились на несколько враждующих между собой групп. Индийцы открыто восстали против пришельцев. Царило полное безвластие. Монах Боиль и Педро Маргарит, особенно враждебно настроенные против Колумба, захватили каравеллы Бартоломео и вместе со своими приверженцами отплыли обратно в Испанию, чтобы принести жалобу королеве.

Адмирал уже выздоровел, когда возвратились, под начальством де-Торреса, четыре каравеллы с продовольствием. Торрес привез ответ королевы на посланные Колумбом через него предложения; все они были приняты с некоторыми поправками и пожеланиями; все, за исключением одного, касавшегося доставки рабов, на которое было обещано дать ответ впоследствии.

Приняв доклад де-Торреса, Колумб приказал погрузить на каравеллы сотни рабов—не каннибалов, а жителей Испаньолы, и притом не военнопленных, так как среди них были женщины, девушки и дети двенадцатилетнего возраста. Этих несчастных, совсем голыми, загнали, как скот, на корабль и отправили 24 февраля 1495 года в Испанию.

Многие умерли в пути. Пятьсот переживших это путешествие были в Севилье, с разрешения правительства, выставлены на продажу. Но четыре дня спустя королевским указом продажа была приостановлена.

„Безусловно необходимо,—говорится в указе от шестнадцатого апреля 1495 года,—прекратить дальнейшую продажу и не утверждать цен на рабов, чтобы иметь возможность посоветоваться с сведущими людьми, теологами и юристами о том, можно ли со спокойной совестью продолжать это дело. Кроме того, Торрес должен немедленно представить письма адмирала, которые он нам везет, чтобы мы могли выяснить, по какой причине адмирал отправляет этих людей в Севилью в качестве рабов".

Королева к тому же предполагает, что все „эти люди"—пленники, взятые с оружием в руках, продажа которых в рабство

не противоречила ни законам, ни обычаям того времени. Впоследствии Изабелла снова дала подобное разрешение нескольким мореплавателям и конквистадорам. Но в апреле 1495 года она испытывала угрызения совести.

Этот акт варварства вызвал взрыв негодования среди всех присутствовавших при выгрузке и продаже рабов, нашедший отклик даже среди друзей адмирала.

Даже Лас-Казас, создатель легенды о Колумбе, и тот в главе, посвященной смерти адмирала, пишет: „Несчастия, постигшие его, явились лишь справедливой карой за его обращение с туземцами“.

В XIX веке защитники Колумба, пытавшиеся изобразить его величайшим гением человечества, замалчивают этот эпизод. Они говорят лишь о проекте обращения в рабство каннибалов, не заключавшем, по воззрениям той эпохи, ничего предосудительного или незаконного. Но документы того времени не оправдывают подобной уловки. Колумб организовал доставку рабов в расчете, что его покровителям из числа придворных, бывшим его сообщниками, удастся в конце концов уговорить королеву. Возвращаясь из своего второго путешествия, он вез с собой рабов. Спустя некоторое время его брат Бартоломео, выполняя его приказания и будучи сам от природы жестоким человеком, снова отправил в Испанию триста человек.

Лас-Казас принужден признать виновность своего героя. В меморандуме, обращенном к Карлу V, доложенном в комиссии, образованной для борьбы с злоупотреблениями в Вест-Индии, он между прочим, пишет:

„... Ваша бабушка, королева Изабелла, никогда не соглашалась допустить, чтобы индийцы имели каких-нибудь других властителей, кроме нее и ее супруга, короля арагонского. Поэтому необходимо довести до вашего сведения о случае, имевшем место в столице в 1499 г. Адмирал распорядился предоставить каждому испанцу, участвовавшему в его экспедициях, по одному индийцу для личных услуг. Королева, тоже находившаяся в Гренаде, узнав об этом, выразила по этому поводу свое негодование: „Кто разрешил адмиралу, — сказала она, — распоряжаться подобным образом моими подданными?“ Она немедленно опубликовала приказание всем, у кого находились индийцы, отправить их обратно в Индию“.

В следующем году все индийцы, проданные в Севилье, были, по ее распоряжению, снова водворены на родину. И когда

Колумб отправлялся в свое последнее путешествие, она вновь подтвердила ему свое запрещение вывозить оттуда рабов.

* * *

В апреле 1495 года королева Изабелла отменила данное ею адмиралу исключительное право на открытие в Атлантическом океане новых земель к западу от Канарских и Азорских островов Этим указом она дала новый толчок ослабевшей было тяге испанцев в Новый Свет.

Правда Колумб первый открыл морской путь. Но, увлеченный своими химерами, одержимый упорным желанием во что бы то ни стало согласовать свои открытия с теориями Аристотеля и Сенеки и с рассказами Марко Поло и Мандвилля, он сам обрек себя на бесплодные поиски. Он не покидает своих островов. Он наугад блуждает между ними в поисках сказочных чудес и в сущности топчется на одном месте.

Меж тем есть мореплаватели—в том числе и проделавшие с ним первое путешествие,—которые его разгадали и хотят итти вперед, чтобы выяснить, что лежит дальше, к западу от Кубы: еще новые острова или же азиатский берег. Этого они еще не знают, но хотят знать. Одно им ясно — Колумб ошибается: Куба—не Азия.

Десятого апреля Изабелла об'являет свободными как плавание, так и торговлю в землях, уже открытых, и в тех, которые будут открыты впоследствии. В том же году и в ближайшие годы мореплаватели испрашивают у нее разрешение уйти в плавание; другие же обходятся и без разрешений: это любители таинственных приключений, зачастую опережающие тех, что заключили формальные соглашения с правительством. Многие не прибегают к помощи казны, как например Педро Алонсо Нуньес, участник первых двух путешествий Колумба, снарядивший каравеллу за свой счет; сам он беден, но он находит деньги, на тяжелых правда условиях, у севильских банкиров. Висенте Хуаньес Пинсон снаряжает экспедицию на средства арагонского правительства. Америго Веспуччи, один из участников банкирского и торгового дома своего соотечественника Жуаното Берарди, тоже отплывает на запад и, опередив Христофора Колумба, достигает материка, который назван его именем.

* * *

Тогда же, в апреле 1495 года, в месяце, отмеченном для Колумба столькими неудачами, до королевы дошли с Гаити разные тревожные слухи, в том числе и о смерти Колумба. Королева немедленно же послала туда своего уполномоченного Диего Карилья „на тот случай, если бы бог призвал к себе адмирала“.

Колумб был жив, но испытывал большие затруднения, вызванные с одной стороны его полной неспособностью управлять страной, а с другой—его жестоким обращением с туземцами. Уже год, как возмущения на острове не прекращаются. В апреле же 1495 года они разрастаются в открытое и общее восстание, которым руководит кацик Каонабо. Колумб, во главе всех находящихся на острове европейцев, способных носить оружие, выступает против повстанцев, громит их артиллерией обращает в бегство и захватывает в плен Каонабо.

Эта победа в корне уничтожает всякое сопротивление. На долгое время туземцы станут самыми покорными из рабов, будут работать до полного истощения сил и делать все, что бы им ни приказали...

„Захватив в плен Каонабо со всей его семьей,—рассказывает Пьетро Мартир,—адмирал решил пройти через весь остров. Ему донесли, что островитяне терпят такой ужасный голод, что погибло уже около пятидесяти тысяч человек, и они продолжают умирать каждый день, подобно скоту во время эпизоотии. В этом несчастьи повинны были сами туземцы“.

Действительно индийцы, чтобы вынудить испанцев покинуть остров, совершенно прекратили все земледельческие работы. Они не только ничего не сеяли и не сажали, но и уничтожали все прежние посевы. Остров был настолько опустошен, что офицер, отправленный с солдатами на юг, на разведку, донес, что „в течение шести дней ему и его солдатам нечего было есть, и им пришлось питаться травой, растениями и плодами, растущими в диком состоянии“.

Меж тем Колумбу удалось наконец найти золото и помимо того, которое собирали на речных берегах; все указывало на то, что в гористой местности Сибао должны находиться месторождения золота. Был найден тяжелый самородок. „Он был с кулак величиною, — рассказывает Пьетро Мартир, — и весил двадцать унций. Он был найден одним кацикомне на берегу реки, но в безводной почве. На рынке в Медина-дель-Кампо,

где двор проводил зиму, я собственными глазами видел его и прикидывал на руке".

За обследование месторождения принялись очень энергично. „Адмирал послал своего брата Бартоломео с несколькими рудокопами и отрядом солдат в золотые россыпи, расположенные, по указаниям туземцев, в шестидесяти лье от Изабеллы. В этом месте нашли колодцы вырытые повидимому в давнишние времена. Адмирал полагает, что отыскал древние россыпи, о которых в древнем завете сказано, что они в Персидском заливе были открыты Соломоном, царем иерусалимским".

Эта находка дает адмиралу новый повод унестись на облака библейских и космографических химер.

„Так ли это?"—задает себе вопрос скептически настроенный Мартир и отвечает беззаботно: „Не мне об этом судить", и продолжает передавать слышанное им от адмирала:

„Рудокопы, просеяв сухую землю, взятую ими в разных местах, утверждали, что нашли в этой земле столько золота, что каждый рудокоп может легко добывать три драхмы золота за день".

Но если эти острова в такой степени золотоносны, почему из своих первых двух путешествий адмирал привез всего лишь несколько пригоршней золота? Его об этом спрашивали, и он неизменно отвечал:

— Прежде всего, я еще не успел подробно исследовать открытые мною острова. На это потребовались бы десятки лет. Затем все испанцы, ушедшие со мной в плаванье, оказались лентяями и лежебоками, только и думавшими о том, как бы поваляться да поспать,—не говоря уже о том, что все они мятежники и бунтовщики. Наконец прежде всего нужно было покорить и укротить туземцев и лишить их возможности в будущем поднимать восстания. Золота же там, особенно в округе Сибао, столько, что и не счесть. Один из моих подчиненных обнаружил его не меньше, чем в пятидесяти реках. Его находят повсюду, даже на поверхности земли. Сколько же его окажется, когда начнут вскапывать землю! Отныне их величества могут себя, по справедливости, считать самыми счастливыми и богатыми монархами в мире, так как нигде и никогда еще не видели на земле подобного богатства. Из следующего своего путешествия я привезу с собой столько золота, что люди остолбенеют от удивления. Все это в свое время так и произойдет, с помощью святой троицы...

Но прошло уже больше двух лет, как он вторично находится на островах и занимается их исследованием. Уже установлено регулярное сообщение с метрополией, откуда на Гаити беспрестанно идут каравеллы с жизненными припасами, а в обмен на них адмиралу, попрежнему, нечего послать в Испанию. Не надоест ли королеве тратить на острова столько денег? Он ей конечно пошлет много золота, больше, чем она могла бы пожелать... но не сейчас, а позже... Ах, если бы его покровителям, Габриэлю Санчесу и Люису Сантанхелю, удалось, с помощью какого-нибудь тонкого казуиста, отрешить королеву от ее чрезмерной чувствительности и щепетильности! Он прикидывает, какие барыши мог бы дать вывоз рабов из одного только небольшого округа на Гаити:

„Отсюда,—пишет он,—можно было бы, с помощью святой троицы, вывезти столько рабов, сколько потребует рынок, хотя бы даже тысячи четыре, стоимостью в двадцать миллионов мараведисов. Я потому держусь такого мнения, что в Кастилии, Португалии и других странах требуется значительно больше рабов, чем их можно доставить из Гвинеи“.

Двадцать миллионов, из которых два пойдут адмиралу, из одного только округа на Гаити! Если б только королева согласилась... Но она вместо того отправляет на Гаити специального комиссара, Хуана де-Агуадо, уполномоченного обследовать, как Колумб управляет страной. Королева повидимому перестала доверять своему адмиралу! Она прислушивается к наговорам его врагов—монаха Боиля и Маргарита... Он уже не хозяин у себя, на этих островах, вице-королем которых он состоит...

Для его самолюбия большим ударом понятно является необходимость отвечать на оскорбительные вопросы лица, выполняющего обязанности следователя. Разыгрываются бесконечные конфликты и дикие сцены. Колумб отказывается давать показания, старается запугивать свидетелей, угрожает следователю. Но Хуан де-Агуадо терпеливо продолжает свой бесконечный допрос. По прошествии нескольких месяцев Колумб наконец не выдержал и, понимая, что защитить себя и в свою очередь выдвинуть обвинения против своих врагов он сможет лишь при дворе, он решил вернуться в Испанию.

10 марта 1496 года он отплыл от Испаньолы с двумя каравеллами, на которых находилось двести пассажиров, по большей части больных, и тридцать рабов, в том числе и кацик Каонабо,

который умер во время плаванья. С самого начала Колумб совершил одну из своих обычных ошибок. Вместо того чтобы, как при возвращении из первого путешествия, взять курс к северной оконечности острова, где он мог бы воспользоваться пассатным ветром, он направился к юго-востоку, углубился в необ'ятный архипелаг Малых Антильских островов и там попал в полосу неблагоприятных ветров.

Он снова оказывается среди каннибалов. Целый месяц проходит в опасном плаваньи при бурной погоде, и Колумбу все еще не удается выбраться из архипелага. Можно было бы подумать, что его единственной целью было бегство с острова, где все—и жители и судьи—были настроены против него. Он наудачу колесит от острова к острову, словно в тайниках души ожидая какого-нибудь чуда, словно надеясь неожиданно оказаться перед горой, разрытой две с половиной тысячи лет назад рудокопами царя Соломона, откуда бы он в один день сумел добыть достаточно золота, чтобы доверху нагрузить свою каравеллу. О, тогда он немедленно отправится на Испаньолу, со всем своим флотом вернется сюда и до основания опустошит эту гору! Какая встреча ожидает его тогда в испанской гавани, Король и королева сами явятся встречать своего адмирала в порт, где будут разгружаться эти кучи золота...

Пока же, 10 апреля, когда уже можно было, взяв правильное направление, достигнуть андалузского порта или хотя бы Канарских островов, каравеллы оказываются перед Гваделупой. Припасы почти иссякли, а до испанской или португальской гавани, где можно запастись провизией, не меньше месяца плаванья. Нужно в течение четырех-пяти недель как-нибудь прокормить свыше двухсот пятидесяти человек! Если по безрассудству и легкомыслию эта поездка чему-нибудь и уступает, то, как будет видно из дальнейшего, разве лишь четвертому и последнему путешествию Колумба.

Тревога охватывает и пассажиров и матросов; они жалуются, возмущаются и ропщут. Нет ни одного плаванья, в котором против Колумба не начиналось бы брожение, угрожающее перейти в бунт среди экипажа, который под началом других капитанов всегда проявлял полное подчинение и дисциплину. Что намерен предпринять адмирал? Возвратиться на Испаньолу? Никогда нельзя знать заранее, какая мысль придет ему в голову. При данных обстоятельствах он и сам не знает, что делать.

Чтобы избегнуть возвращения в колонию, он под конец приходит к решению пристать к Гваделупе, чтобы запастись провизией.

Этот остров представляет наибольшую опасность, потому что он больше других заселен каннибалами. Десять дней провел адмирал со своими солдатами на берегу, воюя с дикарями и собирая с'естные припасы. Нагрузив наконец на каравеллы все, что могли найти на острове с'едобного, двадцатого апреля снялись с якоря, вышли из архипелага и взяли направление на восток.

Больше месяца боролись каравеллы с ветрами и ураганами. Экипажу снова стал угрожать голод. Почти все припасы были с'едены, а так как до земли оставалось еще большое расстояние, то порционы были уменьшены до крайности. Все впали в отчаяние от этого бесконечного и ужасного плавания, от всевозможных лишений и страданий; всеми овладел страх неминуемой голодной смерти. Уже матросы, теряя голову, поговаривали о том, чтобы побросать индийцев в воду или даже с'есть их. Около половины гаитян умерло в пути от голода и холода.

Одиннадцатого июня вошли в гавань Кадикса. По вине адмирала плаванье длилось три месяца.

За этот промежуток времени положение на Испаньоле значительно улучшилось. Эпидемии прекратились. Земледельцы сеют, сажают и собирают жатву; туземцы платят подати натурой. На острове находят золото; его не так много, как в Перу,— действительным богатством острова навсегда останутся земледелие и скотоводство,—но все же его находят.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Колумб ищет пути к Золотому Херсонесу. Междоусобица на Гаити. Арест адмирала и его братьев

УТРОМ 11 июня 1496 года жители Кадикса толпами стекались в гавань, куда только что прибыли две каравеллы.

Печальное зрелище представляли собой прибывшие с каравеллами пассажиры и матросы. У всех были исхудалые желтые лица с лихорадочно блестевшими глазами. Многие не могли сами сойти на берег и их поддерживали другие, у которых еще оставалось немного сил. Горожане теснились вокруг них и, движимые любопытством и состраданием, уводили самых больных из них к себе по домам.

Юноша, по имени Овиедо, ставший впоследствии летописцем открытых земель, присутствовал при этой высадке и сохранил о ней неизгладимое воспоминание. „Они возвратились,—писал он,—больные, изнуренные, и настолько бледные, что скорее казались мертвецами, чем живыми людьми. Они так бранили и поносили эти индийские страны, что вряд ли найдется теперь кто-нибудь, кто согласился бы туда отправиться... Подари мне король Индию, я бы отказался туда ехать, раз там приобретают подобный вид“.

— А дикарей вы с собой не привезли?—спрашивали горожане.

— Некоторые умерли в пути; но их еще осталось достаточно. Вы их увидите...

— А где же адмирал?

— Он сейчас выйдет. Он одевается.

С корабля спустилось десятка полтора индийцев, разукрашенных перьями, обнаженных по пояс и с ожерельями на шее,

повидимому золотыми. Некоторые несли в руках огромные диковинные маски и разные деревянные и бумажные изображения. Позади всех, на некотором расстоянии, шел францисканский монах с длинной белой бородой.

— Вот еще монах, не пожелавший остаться на острове,— шептались в толпе.

— Да нет!—произнес один из прибывших, с трудом державшийся на ногах.—Какой же это монах? Это адмирал.

Даже при этих печальных обстоятельствах адмирал, как и при возвращении из первого путешествия, позаботился о том, чтобы произвести впечатление на окружающих; он подготовил соответствующую случаю театральную постановку, своего рода маскарад. По словам историка Карлоса Боска, он держал себя скорее как цирковой импрессарио, чем как адмирал Кастилии. Но на сей раз ему не удалось поразить воображение толпы. Отправляясь ко двору, находящемуся в Бургосе, он проезжает часть Испании, одетый монахом и в сопровождении своих дикарей. Но от него отвертываются. Его звезда закатилась, и ей не суждено больше взойти. Все уже знают,—или по крайней мере думают, что знают,—что колонизация островов дело невыгодное. Из своего второго путешествия, как и из первого, он привозит лишь образцы золота и некоторых растений. Испания, и та богаче золотом, чем открытая адмиралом Индия!

Историк Андреа Бернальдес, хотя и был другом Колумба, излагает общее мнение в следующих словах:

„Расходы были так внушительны, а результаты так ничтожны, что стали подозревать, что на этих островах вообще нет золота“

Колумб спокойно и с непоколебимой верой в свое предназначение совершает свой торжественный марш—от города к городу, по направлению к Бургосу. Он одет то монахом, то адмиралом, смотря по обстоятельствам и по людям, на которых он хочет произвести впечатление.

Его воображение, под влиянием постоянно преследующих его неудач, толкает его на путь мистицизма и внушает ему представление об его пророческой миссии. Искренно это или притворно? В 1496 году—наполовину. Впоследствии же он дойдет до галлюцинаций и апокалипсической бездны.

Китай и Япония потеряли уже для него всякий интерес. Марко Поло и Мандвилль внушили ему мысль о возможности сказочного путешествия, и он не сомневается, что сумеет это

осуществить. Из Испании он прежде всего направится к Гаити и к Кубе, и, следуя оттуда на юго-запад, доберется до островов, лежащих к югу от Китая. Оттуда он посетит Золотой Херсонес и Малакский полуостров, а затем остров Тапробан, про который он в двух-трех книгах, откуда он черпал свои сведения, читал, что туда Александр Великий посылал философов для изучения существовавшего на этом острове порядка управления. Затем он пересечет Красное море и побывает в Египте. Оттуда он сушей пройдет в Иерусалим и под конец Средиземным морем возвратится в гавань, откуда он отбыл, совершив таким образом кругосветное путешествие и открыв множество стран. От Мандвилля он знает, что подобное путешествие возможно. Он забывает лишь про одну подробность: ему придется оставить корабли с их экипажем в Красном море.

Этот план он в Бургосе излагает королю Фердинанду и королеве Изабелле. Он напоминает им, что подобным образом Александр Великий, Нерон и другие властители древности приумножали свою славу. Особенно часто он вспоминает Соломона, пославшего из Иерусалима на Дальний Восток людей осмотреть гору Сапор, около которой корабли оставались целых три года.

— Гора Сапор,—заявляет он,—состоящая из чистого золота, принадлежит в настоящее время вашим величествам; она находится на острове Испаньоле.

И он сам верит тому, что говорит.

Адмирал опровергает содержание доносов и жалоб, поданных Боилем, Педро Маргаритом и другими дворянами. Они отказывались подчиниться его власти, которою он был облечен самой королевой; прискорбные события, разыгравшиеся на Испаньоле, были делом их рук. Они думали лишь о собственном обогащении и нисколько не заботились об интересах государства и церкви. Что же касается рабов, то в его намерение входило отправлять в Испанию лишь каннибалов, захваченных с оружием в руках. Но впредь он будет следить, чтобы приказания их величеств соблюдались в точности.

Он говорил далее о том, что, где бы он ни высаживался, всюду он водружал распятие и проповедывал слово божие, стремясь обратить язычников в христианство. Он надеется, что бог простит всех тех, кто ополчились и ополчаются против этого предприятия, не понимая того, какое величие и славу оно принесет испанской короне. Чтобы очернить его, они ссылаются

на значительные затраты, которых оно уже потребовало, и на то, что пока с островов не везут еще золото целыми кораблями, забывая при этом, что прошел лишь короткий срок с момента открытия новых земель, и не учитывая представившихся многочисленных и разнообразных препятствий... Хотя кораблей, груженых золотом, он и не прислал, все же он представил достаточно образцов золота и других ценных вещей, чтобы судить о том, что из этих островов можно в короткий срок извлечь большие доходы. В заключение адмирал упомянул о короле португальском, с большой выгодой для страны колонизировавшем Гвинею и другие африканские страны, куда устремилась добрая половина населения Португалии.

Упоминая о славе и выгодах, приобретенных португальскими королями, поддерживавшими в своих подданных стремления открывать новые земли, Колумб сумел задеть королеву за живое. Она ответила ему, что ему нечего тревожиться ни из-за жалоб, принесенных на него, ни из-за того, что он еще не нашел золота в больших количествах. В ее намерения входит продолжать это предприятие и поддерживать его, даже и в том случае, если бы ничего, кроме голых камней, оно не приносило. Она не придает никакого значения расходам, которых это дело потребовало; ей случалось тратить гораздо большие суммы на значительно менее важные дела, и она считает, что все расходы по этому предприятию как бывшие, так и будущие, оправданы распространением христианства и расширением испанских владений.

На заданный ей Колумбом вопрос, как она относится к тем, кто хулит его предприятие, она ответила, что не может не видеть в них врагов кастильской короны.

Впрочем, из сказанного королевой еще не следовало, что Колумб сразу же получит новую флотилию для третьего путешествия. Прошло целых полтора года, раньше чем королева уступила наконец его просьбам. И лишь год спустя, 2 июня 1497 года, Колумб впервые получил доказательство благожелательного к нему отношения королевы: в этот день она отменила те узаконения „о свободе плаванья с целью открытия новых земель“, которые противоречили правам и привилегиям, предоставленным в 1492 году Колумбу, и торжественно подтвердила эти последние.

Но эти привилегии вскоре стали мертвой буквой: нельзя было обречь на бездеятельность лучших мореплавателей страны,

полагавших, и не без оснований, что Колумб уже неспособен впредь доставлять государству славу и выгоду своими открытиями.

Брат адмирала, Бартоломео, был утвержден королевой в звании, которым его наградил адмирал—аделантадо Индии, а оба сына Колумба, Фернандо и Диего, назначены пажами королевы. Но повсюду, за исключением двора, адмирал встречал к себе недружелюбное отношение. Люис де-Сантанхель и другие влиятельные марраны, надежд которых он не оправдал, уклонялись теперь от всяких хлопот за него. Его проект третьего путешествия натолкнулся на противодействие со стороны Родригеса де-Фонсека, епископа бадахосского, председателя совета по делам Индии. В Севилье, в конторе совета произошли по этому поводу ожесточенные споры. Дело дошло однажды до того, что Колумб схватил одного из чиновников, бросил его на пол и стал топтать ногами.

Несмотря на сопротивление де-Фонсека и других своих противников, адмирал получил от королевы разрешение набрать за счет кастильской казны экипаж шести каравелл: тридцать матросов, тридцать юнг, сорок всадников, сотню пехотинцев, двадцать рудокопов, пятьдесят землепашцев, десять огородников, двадцать разных рабочих и тридцать женщин. Но тут снова возникли те же затруднения, которые едва не помешали его первому отплытию из Палоса. Предоставить самые каравеллы должны были частные судовладельцы; но так как оба предыдущих путешествия оказались в денежном отношении безрезультатными, и к адмиралу потеряли всякое доверие, то ни один арматор не захотел предоставить ему свои каравеллы. Тогда государство прибегло к реквизиции. Так же трудно было уговорить рабочих, земледельцев и чиновников. Никто не желал ехать — про Индию шла слишком дурная слава: денег там нажить нельзя, или там умрешь, или в лучшем случае возвратишься оттуда больным.

Тогда решено было послать туда уголовных преступников. Христофор Колумб был первый, кто решил применить подобную систему колонизации, от которой впрочем Испания тотчас же отказалась, как только разрешился кризис на Гаити. Но впоследствии эта система стала широко практиковаться Англией в своих доминионах—в Северной Америке и в Австралии.

В мае 1498 г. флот был готов к плаванью. Несколькими месяцами раньше Колумб составил в Севилье завещание, по

которому все, что ему принадлежало, должно было перейти к его наследнику, а от него к его нисходящим родственникам, по старшинству, на вечные времена.

За эти месяцы, предшествовавшие его от'езду, в его сознании происходит резкая перемена: он приобретает замашки библейского пророка. Он весь пропитался библией, он опьянен ею. Чтобы убедить окружающих в непогрешимости своих расчетов, он начинает по-своему толковать библию и заявляет, что бог избрал его, чтобы исполнить содержащиеся в библии пророчества об Испании. Когда же ему указывали, что пророк Исайя нигде, даже намеками, не говорит об Испании, он возражал, что в некоторых стихах библии под Сионом и Иерусалимом подразумевалась именно Кастилия.

Под конец он принял титул „наместника всевышнего на земле". Так он себя и называет в письме, посланном им королю и королеве, в самом начале своего третьего путешествия.

* * *

30 мая 1498 года шесть каравелл отплыли из Сан-Лукар де-Баррамеда и взяли курс на Мадеру; этот новый путь адмирал, по его словам, избрал для того, чтобы избежать нападения французского флота, поджидавшего его у мыса св. Викентия.

По свидетельству одной хроники того времени, флот, намеревавшийся предательски напасть и потопить корабли этой экспедиции, был португальский. Весьма возможно, что вообще никакого флота, подстерегавшего в засаде адмирала, и не было, потому что Колумб вообще склонен был приписывать всякие кровавые замыслы тем правителям, которые когда-либо отвергли его предложения.

С Мадеры адмирал пошел к острову Ферро, откуда он три каравеллы отправил на Испаньолу. С остальными же тремя он направился к островам Зеленого мыса, где оставался до 4 июля.

В этот день он приступил к осуществлению грандиозного замысла, владевшего им уже больше года. Вместо того, чтобы идти к Антильским островам, он отклонился несколько к югу, рассчитывая отыскать Малакский полуостров и добраться до Золотого Херсонеса.

Прошло два месяца с тех пор, как отплыли из Испании, а земли все еще не было видно. Экипаж сильно страдал от жары, и к тому же стал ощущаться недостаток в с'естных припасах.

Снова начался ропот, и уже стали поговаривать о том, чтобы изменить принятое направление и повернуть прямо к Испаньоле, как вдруг однажды, часовой на мачте закричал, что видит на западе три горных пика. Каравеллы пристали к юго-западной оконечности острова, которому адмирал дал название острова Троицы, а соседнюю землю он назвал островом Грасиа. Но это был не остров, а материк: *адмирал достиг Нового Света.* В поисках Кохинхины он открыл Венецуэлу.

Достигнув мыса, названного им мысом Ареналя, он неожиданно оказывается перед странным, никогда невиданным явлением природы.

„Дойдя до мыса Ареналя,—пишет он,—я обнаружил, что между островами Троицы и Грасиа пролегает с запада на восток канал шириной в два лье; при входе в него я увидел ряд потоков, идущих с оглушительным шумом вдоль канала. Мне показалось, что это происходит от подводных камней и рифов, мешающих проникнуть туда. За этими потоками видно было еще множество других, и все вместе они производили страшный шум, подобный шуму волн, разбивающихся о скалы. Я бросил якорь у мыса Ареналя, за пределами этого канала или устья, и тогда увидел, что вода беспрерывно течет с востока на запад с такой стремительностью, что ее даже нельзя сравнить с течением Гвадалквивира во время разлива. Я подумал, что назад я не смогу вернуться из-за этих течений, а итти вперед мне помешают мели. Вечером того же дня я на своем корабле услышал ужасающий рев или шум, доносившийся с юга; я всмотрелся и увидел, что море, поднявшись с запада на восток, образовало как бы водяную гору, высотой с корабль, мало-по-малу надвигавшуюся на меня. Еще сегодня я с содроганием вспоминаю ужас, овладевший мной при мысли, что эта водяная гора неминуемо потопит меня, как только достигнет моего корабля“.

Колумб открыл устье одной из самых длинных и широких рек Америки—Ориноко, по сравнению с которой самые большие реки Испании представляют собой лишь жалкие речонки. Эти огромные массы воды, буйно устремляющиеся в море и простирающие буйные потоки пресной воды еще на далекое расстояние от берегов, не могли вытекать с острова; они должны были протекать по громадному материку, питаясь водами множества притоков. Адмирал, ошеломленный этим открытием, заявил, что во всем мире нет реки больше и глубже; она течет

из страны, расположенной, как он думает, на юге. Истина ему открывается, он ясно это видит. Ему остается лишь выбросить из головы все теории древних и сказки Мандвилля и продолжать исследовать берега. Не он открыл бы Новый Свет, потому что Кабот и Америго Веспунчи открыли его уже год назад, но он узнал бы, по крайней мере, что этот материк существует и что это—не Азиатский материк.

Но его любимые писатели цепко держат его в своей власти, и он пускается в раздумье. Как?—думает он.—До сих пор не было никаких сведений об этих землях? Не может быть! Как могло случиться, чтобы Аристотель, Сенека, Альфраган, Мандвилль и прочие не упоминали об этой стране, с ее огромной рекой!.. В его сознании всплывают страницы *Книги о чудесах вселенной*, над которой он грезил когда-то в библиотеке Рабиды.

„Взвесив все,—пишет он,—я укрепляюсь в убеждении, что в том месте, о котором я говорю, находится земной рай, и это суждение я основываю на доводах упомянутых уже авторитетов“.

Он начинает с того, что отвергает теорию Птоломея и других ученых, утверждающих, что земля имеет форму шара. Да,—решает он,—одно полушарие действительно вполне круглое, и это то, на котором сами они находились. Земля имеет шарообразную форму, за исключением одного места, наиболее возвышенного, образующего удлинение, наподобие хвоста, или же ее можно сравнить с очень круглым клубком, в одной точке которого находится нечто подобное женскому соску,—и это, похожее на сосок, место, наиболее высокое и близкое к небу, расположено на экваторе и в этом океане, на крайнем востоке“.

Адмирал уверен, что находится близко от этого соска, близко к земному раю. Но от Мандвилля он знает, что из рая вытекают четыре реки, орошающие мир: Ганг, Тигр, Евфрат и Нил. Река, устье которой он открыл,—Ориноко—одна из этих четырех. Но какая именно? Он этого не знает. Судя по названным рекам, это должна быть одна из следующих стран: Индия, Месопотамия, Персия, Эфиопия или Египет. В подтверждение того, что земной рай должен находиться на востоке, он ссылается на св. Исидора, Бэду, Страбона, св. Амвросия, Скотта и многих других ученых теологов. И он умоляюще простирает руки к верховьям священной реки, к невидимому соску, к земному

раю, куда ему не суждено проникнуть, потому что у Мандвилля сказано: туда есть всего один вход, окруженный пылающим пламенем, так что ни одному смертному не дано туда войти".

Колумб во власти галлюцинаций. Это—Дон-Кихот, помешавшийся на библейских легендах и морских повествованиях.

* * *

Несколько дней адмирал плавает вдоль берегов, ведущих к земному раю. 5-го августа он заходит в бухту и высылает к берегу шлюпки. Матросы, высадившись, узнают от жителей, что эта страна называется Пария. Колумб продолжает плыть вдоль берегов, открывает острова Успения (Табаго), Зачатия (Гренада), Маргарита и Кубагуа; к некоторым он пристает, когда находит удобную гавань и когда ветры тому благоприятствуют. За мысом Алькатрасс он находит „лучшие в мире земли, с многолюдным населением".

Туземцы в челноках под'езжают к его кораблю. Все они отличаются прекрасной внешностью, высоки ростом, с приятными чертами лица. У некоторых на шее ожерелье из золотых пластинок, у других—жемчужные запястья. „Где,—спрашивает адмирал,—добывают они жемчуг и золото?" Ему знаками показывают: и здесь и на севере. О том же расспрашивает он и в другом месте, названном им „Садами".

„Я сделал все, что мог,—записывает он,—чтобы выяснить, где они добывают золото, и все показывали мне на возвышенности, расположенные не очень далеко к Западу; но они отсоветывали мне итти туда, потому что там живут людоеды... Затем я спросил их, где они собирают жемчуг, и они также показали на запад и на север. Я не имел возможности заняться проверкой этих сведений, вследствие моей болезни глаз и из-за недостатка продуктов, и потому наконец что такой большой корабль, как мой, не был пригоден для подобной экспедиции".

Между тем, на кораблях, как и в предшествующие плаванья, начинает ощущаться недостаток в с'естных припасах; остатки муки, мяса и вина портятся. Во вновь открытых странах, „лучших в мире", адмирал не может найти, чем прокормить экипаж двух каравелл. Матросы истощены, сам он болеет глазами. Приходится покидать эту землю, с ее земным раем, не найдя пути к Золотому Херсонесу.

Он с трудом отрывается от этих благословенных мест и отплывает к Гаити. Его единственными трофеями являются несколько жемчужин, выловленных на Кубагуа.

* * *

Колумб прибыл на Испаньолу 30 августа 1498 г.

На острове царила полная анархия, испанцы дрались друг с другом и с индийцами. Бартоломео Колумб, губернатор острова, которому адмирал передал на время своего отсутствия всю полноту власти, оказался плохим администратором и сумел своей жестокостью и высокомерием восстановить против себя большинство испанцев. Против него возбуждены были еще сильнее, чем против Христофора, так как последний пользовался все же известным уважением, как открыватель этих островов и как носитель титулов кастильского адмирала и вице-короля Индии. Бартоломео же не внушал к себе ни уважения, ни симпатии и своим положением обязан был лишь родству с адмиралом.

Недовольные нашли себе смелого и неразборчивого в средствах вождя в лице Франсиско Рольдана, верховного судьи Испаньолы, поднявшего знамя восстания против власти губернатора. Со своей стороны и туземцы, угнетаемые обеими партиями, из которых каждая требовала с них в свою пользу налоги и собирала их, применяя насилия, возмутились против испанцев: одинаково против Рольдана, как и против Бартоломео.

Адмирал попытался восстановить порядок, но безуспешно. 18 октября он отправил пять каравелл в Испанию. За несколько дней до этого он известил восставших испанцев, что предоставляет им возможность беспрепятственно возвратиться на родину. Лишь очень немногие воспользовались этим разрешением и то лишь затем, чтобы продолжать в Кастилии кампанию против адмирала. Каждая партия желала остаться полновластным хозяином острова. Каждая, через своих курьеров, отправила королеве свои жалобы и доносы. Пьетро Мартир беспристрастно передает содержание жалоб обеих сторон:

„Адмирал и брат его, аделантадо,—доносили Рольдан и его сообщники,—люди несправедливые, безбожники, ни во что не ставящие испанскую кровь, которую они обильно проливают. Они позволяют себе, под разными предлогами, мучить, душить, обезглавливать и иными способами убивать людей. Они завистливы, высокомерны и невыносимые тираны. Их следует избегать,

как избегают кровожадных зверей или государственных преступников. Оба брата заботятся только о том, чтобы неограниченно хозяйничать на островах. Это видно по многим признакам, но особенно по тому, что они никому не разрешают добывать в приисках золото, кроме как своим родственникам".

„Это мятежники,— в свою очередь писал Колумб,— которых я накажу по заслугам, если только ваши величества пошлете мне подкрепления, чтобы я мог принудить их силой, это мятежники—люди погрязшие в злодействах и преступлениях, бродяги, распутники, воры, грабители и насильники. Они ничто не уважают, ни с чем не считаются, они обманщики и клятвопреступники, уже осужденные судами или подлежащие суду за всякие преступления. Они образовали целую шайку, занимающуюся насилиями и грабежами; остальное время они предаются лишь лени и чревоугодию. Те, которых доставили сюда, на остров, для выполнения обязанностей рудокопов или слуг, теперь ни на шаг не выходят из дому пешком. Они заставляют несчастных туземцев таскать себя на плечах по всему острову, словно они были бы курульными эдилами. Чтобы не разучиться проливать кровь и поупражнять руку, они изобрели следующую игру: обнажив мечи, они развлекаются тем, что одним ударом отсекают головы ни в чем неповинным туземцам. Того, кто быстрее и чище отсечет голову, об'являют самым храбрым, и на его долю выпадает больше всего славы..."

Пьетро Мартир, передавая содержание этих донесений, добавляет от себя лишь следующее: „Таковы были взаимные обвинения, которыми обменялись адмирал и сторонники Рольдана, не говоря уж о многих других жалобах". Будучи другом Колумба, он все же воздерживается от того, чтобы взять его под свою защиту.

Весьма возможно, что обе стороны были по-своему правы. Адмирал—человек заносчивый, жестокий и жадный: тому есть много доказательств. Чтобы по возможности выгородить и обелить его, Лас-Казас возлагает на Бартоломео ответственность за жестокости, приписываемые Христофору, как будто бы аделантадо мог в течение двух лет совершать, в присутствии адмирала, всякого рода насилия без ведома и согласия последнего!

В обеих партиях были и честные люди и авантюристы, способные на всякие преступления. Последних было конечно

больше у Рольдана, потому что все уголовные преступники, которых помиловали, чтобы обратить их в земледельцев, перешли на его сторону.

Два года длилась непрерывная борьба—и с шайкой Рольдана и с мятежными туземцами, предводительствуемыми своими кациками. Адмирал, убедившись, под конец, в невозможности привести своих врагов в подчинение и установить длительный мир, пошел на соглашение с Рольданом, предоставил ему разные права, восстановил его в звании верховного судьи и распределил между его сообщниками большие участки земли. Но как раз в это время, 23 августа 1500 года, из Испании прибыли две каравеллы, доставившие на остров нового губернатора, сопровождаемого чиновниками и солдатами.

Терпение королевы истощилось. Она не могла всецело верить ни Колумбу, ни его противникам. В донесениях каждой стороны содержалась повидимому известная доля истины, но и немало также преувеличений и лжи. Представлялось например совершенно очевидным, что адмирал был виновен в жестоком обращении с туземцами и в невыполнении королевских указов, в части, касающейся вывоза рабов. Наконец это междоусобие, потрясавшее остров, являлось причиной того, что Испаньола, прославленная плодородием своей почвы и обилием металлов, оказывалась не в силах давать своей метрополии что-либо помимо ничтожного количества золота. Выходило так, что открытые земли вызывали лишь расходы и служили поводом для напрасного пролития человеческой крови.

Чтобы покончить с подобным положением вещей, королева назначила губернатором острова командора Калатравы Франсиско де-Бобадилья и уполномочила его произвести полную поверку отчетности Колумба и подробное расследование взаимных обвинений, выдвинутых обеими сторонами, подвергнув затем виновных суду и наказанию на месте или же отправив их в Испанию со всем добытым следственным материалом. Ему была предоставлена высшая власть на острове, и все, не исключая адмирала и аделантадо, обязаны были выполнять его приказания, как если бы последние исходили от самой королевы.

Вскоре после своего приезда Бобадилья приказал арестовать Колумба и обоих его братьев и, продержав несколько недель в заключении, отправил их, закованных как преступников, в Испанию.

Как только корабль вышел в море, начальник стражи хотел расковать заключенных, но Колумб отклонил подобное снисхождение, и в двадцатых числах ноября 1500 года он в ножных кандалах сошел на пристань в Кадиксе.

Этот арест Колумба и ножные кандалы дали повод позднейшим историкам обрисовать Бобадилью, как пристрастного судью и бесчеловечного изверга. Но документы той эпохи, в том числе и принадлежащие перу друзей Колумба, устанавливают противоположное. И Мартир и Овиедо говорят о нем, как о человеке неподкупной честности, а Лас-Казас пишет, что „даже после его смерти никто не осмеливался оспаривать его честности и беспристрастия".

Бесчеловечное обращение Колумба с туземцами и практиковавшаяся им, вопреки запрещению королевы, отправка в Испанию для продажи в рабство индийцев, их жен и детей, давали Бобадилье достаточно оснований подвергнуть Колумба тюремному заключению и, согласно закону, заковать в кандалы. Но над Колумбом тяготело и иное обвинение. Пьетро Мартир, в своем *De Orbe novo*, рассказывает следующее:

„Передают, будто новый губернатор (Бобадилья) препроводил королеве письма, писанные рукой адмирала, но зашифрованные, в которых он спешно вызывал к себе своего брата аделантадо, вместе с его солдатами, и призывал их выступить с оружием в руках против губернатора, если последний вздумает прибегнуть к силе. Аделантадо прибыл раньше своих солдат, и губернатор приказал арестовать его вместе с братом раньше, чем их сообщники подоспели к ним на выручку".

Осуждать Бобадилью Мартиру мешает его честность; он не осуждает и Колумба, так как считает его своим другом; но он и не оправдывает его, так как это невозможно. Бобадилья, располагая документами, свидетельствовавшими о намерении Колумба поднять знамя восстания был конечно вправе арестовать его. Бобадилью можно упрекнуть лишь в излишней суровости, выразившейся в том, что он приказал заковать адмирала, не приняв во внимание его прошлые заслуги перед Кастилией, а также и то, что он продолжал оставаться адмиралом и вице-королем.

Королева была чрезвычайно взволнована положением адмирала и сделала все возможное, чтобы облегчить его участь. Она приняла его, и, согласно легенде, во время беседы оба они не могли удержаться от слез; она будто бы обещала также ему

„наказать его обидчиков и восстановить его во всех правах“. Последнее вряд ли соответствовало действительности, так как вскоре, разобравшись в следственном материале, королева постановила свое окончательное и оставшееся неизменным решение: Колумб отныне не вице-король Индии, этот титул не будет больше упоминаться в официальных актах. Он лишается звания губернатора островов, больше того — ему даже запрещено возвращаться на Испаньолу. У него отняты все исключительные права и привилегии. „Капитуляции“ 1492 года полностью отменяются. Все, что оставлено Колумбу, это титул адмирала Кастилии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Последнее путешествие Колумба. Галлюцинации и смерть

НА КОРАБЛЕ, увозящем его, заключенным и закованным, к Испании, Колумб не теряет все же веры в свое предназначение. Он обдумывает, как бы снова получить от королевы корабли, вернуться к берегам земного рая и отыскать наконец путь, ведущий к Золотому Херсонесу.

Но как убедить королеву? Что послал он ей за все восемь лет из тех сокровищ, которыми он перед ней хвастался? Горсточку золота... Образцы трав... Враги одержали над ним верх Как же теперь добиться своего? Как снова подняться на ту высоту, откуда он сброшен?

В прежнее время он имел дар увлекать королей, грандов и высших сановников, ловко обходить окружающих, привлекать общественное внимание. Но теперь лукавство торгаша исчезло в нем. Теперь он искренен—искренностью галлюцинирующего маниака.

Несчастья и беды, которыми так щедро наградила его судьба, пробудили в нем библейский пафос.

Отправляясь в свое третье путешествие, он об'явил себя „посланником божьим". Верил ли он тогда сам тому, что говорил? Трудно сказать. Но в конце 1500 года он в это безусловно верит. Дух расчетливого торгашества пропал, уступив место навязчивым идеям маниака. Адмирала посещают галлюцинации, он слышит небесные голоса. Посланник божий, он беседует с богом. Обо всем этом мы узнаем из письма, написанного им по пути в Испанию бывшей кормилице принца Иоанна, — письма, предназначенного конечно для королевы, писать которой непосредственно он не решался.

„Добродетельная дама,—писал он,—если для меня внове жаловаться на судьбу, то ее удары для меня не новы и привычны; в тысячи битв посылала она меня, и я боролся до последней минуты, пока не был обезоружен. Судьба жестоко поразила меня. Меня поддерживает лишь вера в создателя; его помощь всегда приходила во-время. Не так давно, при других обстоятельствах, когда я чувствовал себя еще более униженным, он протянул мне руку и сказал: „О, малодушный! Встань и не бойся, я с тобой". Я служил королю и королеве с чрезвычайной преданностью и оказал им неоценимые услуги. Бог сделал меня провозвестником нового неба и новой земли, о которых он вещал через пророка Исаию, а потом в апокалипсисе, устами апостола Иоанна. И бог указал мне место, где нужно искать".

В другом месте он выражается еще точнее: Христос явился ему и показал морской путь, который приведет его в Индию.

Он знакомит далее кормилицу со своим проектом новых путешествий и выражает полную уверенность, что разыщет золото в огромных количествах. „Уже путь к золоту и жемчугам открыт! Можно уверенно сказать, что будут найдены и драгоценные камни, и пряности, и тысячи других вещей... Новости о золоте, которые я в письме, посланном их величествам через Антонио де-Торреса, обещал им сообщить, заключаются в следующем: в первый день рождества, в час, когда я чувствовал себя особенно удрученным, и моей жизни угрожала опасность и со стороны тех, кого нельзя назвать добрыми христианами, и со стороны индийцев, когда я уже готов был все бросить, лишь бы как-нибудь спастись, мне чудесным образом явился спаситель и сказал мне в утешение: „Ободрись, не предавайся тоске и страху—я помогу тебе. Семилетний срок, данный тебе на то, чтобы отыскать золото, еще не истек,—и в этом, как и во всем прочем, я укажу тебе пути".

Письмо полно сетований, порой носящих библейский характер, на злодейские поступки Бобадильи.

„Производя следствие, он обвинял меня в таких преступлениях, о которых и в аду не слыхивали. Но господь справедлив, и он все откроет—и что происходило, и почему. Со мной говорили так, словно я был губернатором назначенным в провинцию, где законы и распоряжения могут выполняться без всяких

потрясений. Меня же следует рассматривать как капитана, посланного из Испании, чтобы покорить многочисленный и воинственный народ, обычаи и верования которого чрезвычайно отличны от наших, живущий в горах и не имеющий настоящих поселений ни для себя, ни для нас, и который я, по воле господа, подчинил власти короля и королевы, вследствие чего Испания, которую считали бедной страной, стала теперь самым богатым государством. Я должен быть судим как капитан, сражавшийся в течение многих лет под ряд, ни на мгновение не покладая оружия. Я должен быть судим завоевателями и воинами, а не судебными чиновниками".

После приема у королевы к нему постепенно возвращается уверенность. Ему не угрожает ни казнь, ни тюрьма, он попрежнему адмирал Кастилии. И вот им опять овладевает надежда вернуть себе все то, что враги у него отняли: и вице-королевство, и пост губернатора островов, и десятую часть золота, драгоценных камней и пряностей, которые он, в своих мечтах, уже видит выгруженными в андалузских гаванях. Ему будет поручена четвертая экспедиция. Но пусть королева поторопится! Время не ждет; было бы преступлением потерять хотя бы год... И он пытается это доказать в *Книге пророчеств,* которую он пишет в ожидании пока каравеллы будут готовы к плаванью.

В этой книге, из которой до нас дошли отрывки и черновые наброски, он утверждает, что конец мира настанет через полтораста лет, в 1560 году, и что до истечения этого срока необходимо, во славу божью и церкви и всего человечества, освободить гроб господень от неверных. Святой дух избрал его, дона Христофора, предводителем христианских воинств в этом последнем и страшном крестовом походе. Но для того, чтобы их собрать, вооружить и доставить сушей и морем к стенам Иерусалима, нужно золото, огромное количество золота. И он, Колумб, берется его достать.

Он говорит об этом повсюду, сообщает это королю и королеве, и то же самое он пишет папе, к которому обещает заехать на обратном пути в Рим и дать отчет в своем путешествии. Да,— сообщает он ему,—я уже разработал план освобождения гроба господня. Но сатана всему помешал; он пустил в ход все средства, чтобы к этому сроку я еще ничего не успел достичь. Для меня совершенно ясно, что это происки лукавого, испугавшегося, как бы не осуществилось столь благочестивое дело.

Но на этот раз он уж наверно одолеет сатану и откроет морской проход между Кубой и Венецуэлой, ведущий к Золотому Херсонесу и к золотоносным странам Индии!..

В это же время португальский мореплаватель, Васко де-Гама, не опасаясь оказаться в противоречии с Птоломеем, Аристотелем и Солином и не помышляя о земном рае, предпринял смелое путешествие: он обогнул мыс Доброй Надежды и проник в Индийский океан с его тысячами островов; он дошел до Калькутты и через Магадоксо (Мадагаскар) и Занзибар возвратился в Португалию. С этого времени португальцы стали посещать все берега Африки и там селиться; морской путь в Индию через юг и восток был открыт.

Почти сразу вслед за тем другой португальский моряк, Альварес Кабраль, открыл Бразилию. Опасения, вызванные при лиссабонском дворе первым путешествием Колумба, рассеялись, Португалия охвачена ликованием. Отныне она больше чем когда-либо может быть названа владычицей морей.

— Нет, нет!—восклицает Колумб, потрясая книгой кардинала д'Альи, являющейся для него энциклопедией.—Есть и другой путь в Индию, короче и выгоднее,—мой путь! мною найденный! Индию открыл я...

Все открытия последних лет привели постепенно к убеждению, что земля не так мала, и пространства, покрытые водой, гораздо обширнее, чем думали древние. Но Колумб продолжает твердо держаться своих догматов. Даже три года спустя он пишет следующее:

„Мир совсем невелик. Из семи его частей—шесть представляют собой сушу, и лишь седьмая покрыта водой. Это установлено опытом, и я об этом уже писал, подкрепляя это цитатами из священного писания, в других письмах, где я говорил о местонахождении земного рая".

Затем с ним происходит перемена: он отбрасывает от себя книги, из которых почерпнул свои знания. Раньше он хвастался, что изучил все науки; теперь он заявляет, что они ему не принесли никакой пользы. Он намеренно унижает себя, чтобы этим еще возвеличиться. Он—невежда,—говорит он пророческим голосом,—ему не нужны науки, бог и без наук укажет ему путь и поведет его каравеллы. Бог с ним беседовал и обещал ему горы золота...

* * *

Успехи Васко де-Гама взволновали короля Фердинанда и королеву Изабеллу в большей степени, чем короля португальского восемь лет тому назад—открытие Колумба. Несмотря на причуды адмирала и на все его ошибки и заблуждения, он все же казалось им в самом главном был прав. Поскольку о существовании огромного материка, разделяющего Европу и Азию, не было еще ничего известно, постольку представлялось очевидным, что в Индию можно попасть, плывя от Европы прямо на запад, и что этот путь должен быть гораздо короче того, что был открыт португальцем. Колумб трижды плавал на запад и всякий раз открывал множество островов, лежащих „по пути в Индию", быть может даже совсем близко от нее. Не было человека более подходящего к завершению им самим начатых поисков. Наконец известную роль сыграло и чувство жалости, которую испытывала к Колумбу королева. Таким образом адмиралу для четвертого путешествия были предоставлены три каравеллы и сто сорок человек экипажа.

11 мая 1502 г. адмирал отплыл из Кадикса вместе со своим братом Бартоломео и сыном Фернандо. 26-го у острова Ферро он повернул на юго-запад. 15 июня он открыл остров Санта-Лючиа и оттуда направился к Гаити, хотя посещение этого острова ему и было запрещено.

Королевский нотариус Диего де-Поррас, участвовавший в экспедиции, писал в своем донесении:

„Он остановился на несколько дней у острова, не заходя в гавань Сан-Доминго; но одного из своих людей он послал на берег: с какой целью—неизвестно".—Это было сделано,—сообщает Колумб в письме к королю и королеве,—чтобы получить разрешение войти в гавань для исправления повреждений на одной из каравелл. В этом ему было отказано,—добавляет он,—новым губернатором, Николаем де-Овандо.

На следующий день разразилась страшная буря, которую адмиралу пришлось выдержать, не заходя в гавань. Он по этому поводу пишет следующее:

„В ту ночь началась ужасная буря, разбросавшая мои корабли в разные стороны; на каждом из них были уверены, что остальные погибли. Кто на моем месте не умер бы от отчаяния при сознании того, что хотя дело идет о спасении моей жизни, жизней моего сына, моего брата и моих друзей, но мне,

тем не менее, запрещают в такую непогоду вступить на ту землю, которую я сам, ценою своей крови, завоевал для Испании!"

Эта буря поглотила четырнадцать кораблей, отправленных губернатором Овандо в Испанию, на которых находились Бобадилья, Рольдан и часть его сторонников.

После того как буря улеглась, Колумб продолжал плаванье по водам Антильского архипелага, обогнул южную оконечность Кубы, затем взял курс на юго-запад, открыл 30 июля острова Гуанаху, недалеко от материка, и на следующий день достиг материка—берегов Гондураса. Плывя вдоль берега дальше на восток, он 12 сентября обогнул мыс Грациа-а-Диос и, идя на юг, прибыл в страну, которую назвал Верагуа, ставшую впоследствии герцогством его потомков.

Он находился на Панамском перешейке. Он же был уверен, что находится в 19-ти днях пути от реки Ганг. Туземцы—языка которых он не понимал—будто бы ему это открыли.

„В какую бы местность я ни приходил, повсюду все подтверждали то же самое, и это дало мне уверенность, что то же будет в провинции Сигуар, расположенной, по словам туземцев, в девяти днях пешего пути на запад. Они утверждают, что там много золота... Они сообщают также, что Сигуар окружена морем и что в десяти днях пути оттуда находится река Ганг".

И он заканчивает:

„То, что я услыхал из уст этих дикарей, я уже раньше подробно знал из книг. Птоломею казалось, что он исправил сведения Марина Тирского, но теперь очевидно, что последний был гораздо ближе к истине".

Колумбу оставалось лишь углубиться в эту страну; после небольшого перехода ему открылся бы необ'ятный океан. Но вместо этого он продолжает строить бесчисленные предположения, порой самые фантастические. Но стоит исследовать эту страну,—он уже знает, что здесь есть золото. Верагуа и есть та страна *Аурea*, куда Соломон в поисках золота отправлял свои корабли; отсюда должно быть недалеко и до Китая. Главное—это найти пролив, ведущий к Золотому Херсонесу...

Он продолжает плыть вдоль берегов перешейка, достигает Пуэрто дель-Ретрете, затем возвращается в Верагуа. 15 января 1503 года он входит в устье Вифлеемской реки. В следующем месяце он заходит в глубь страны и доходит почти до самого Тихого океана; чтобы его обнаружить, достаточно было бы

адмиралу подняться на какой-нибудь холм. Но внимание его отвлечено найденными им золотыми россыпями, за разработку которых он принимается, но золота там не оказывается.

В ночь на пасху он покидает Верагуа, снова плывет вдоль берега и пристает неподалеку от Дариенского залива.

Уже восемь месяцев, как флотилия мечется из стороны в сторону, по воле ветров, течений, бурь и бредовых фантазий полубезумного адмирала. Каравеллы пришли в жалкое состояние. Экипаж обессилел от усталости и лишений. У этих берегов их застигает буря, от которой они едва не погибают.

„Я прошел уже четыре лье, когда буря возобновилась, а я уже так от нее изнемог, что совсем не знал, что мне делать. Моя рана снова открылась, и в продолжение девяти дней не было никакой надежды спасти мне жизнь. Никогда еще море не было таким страшным и темным. Ветер не давал итти вперед и не позволял даже укрыться за каким-нибудь мысом; он все время удерживал меня в открытом море, где вода казалось была из крови и кипела, как котел на большом огне. Небо было необычайно грозным,—таким я его еще ни разу не видел; оно целый день и целую ночь пылало, как горнило, и беспрестанно сыпало огненными лучами. Я каждое мгновение ждал, что наши мачты и паруса будут снесены. Молнии падали с такой бешеной яростью, что казалось нашим кораблям не будет от них спасения. В то же время с неба беспрестанно низвергались потоки воды; нельзя назвать это дождем, это был как бы второй потоп. Экипаж окончательно выбился из сил и призывал смерть, чтобы избавиться от этих мучений. Корабли растеряли свои шлюпки, якоря и снасти, и были без парусов“...

Вскоре после этого, снова находясь в опасности, он пишет целую библейскую поэму, где рассказывает, что в ту минуту, когда все казалось потерянным и он чувствовал приближение смерти, ему послышался голос бога, призывавший его не терять веры в него и в свое предназначение и обещавший помочь ему в возложенной на него великой задаче. Эта задача—освобождение гроба господня. В заключение Колумб с библейским пафосом призывает мир оплакивать его существование:

„Теперь я действительно очень несчастен! Доселе я оплакивал других; да сжалится ныне надо мной небо и да оплачет земля... Я один со своими страданиями, немощный, ежечасно ожидающий смерти, окруженный бесчисленными полчищами

враждебных, жестоких дикарей, вдали от родины и церкви, которые забудут о моей душе, если ей здесь суждено расстаться с телом... Пусть тот, в ком есть милосердие, кто любит правду и справедливость, прольет надо мной слезы"...

* * *

В конце апреля 1503 года экипаж, изнуренный до последней степени, требует возвращения в Испанию. У матросов нет больше сил бороться со стихиями, с лишениями и с туземцами. Многие умерли от болезней, другие убиты индийцами. В битве на берегу Вифлеемской реки им удалось избежать поголовного истребления лишь ценою бегства, бросив индийцам стоявший в устье реки корабль, уже непригодный правда к плаванью. В этом сражении погиб капитан Диего Тристан.

В Порто-Белло пришлось покинуть еще одну каравеллу. У адмирала осталось всего только два судна, „сгнивших, источенных червями и дырявых". Провианта оставалось так мало, что экипажу угрожала голодная смерть. Нечего было и думать о возвращении в Испанию. Колумб решил итти к Антильским островам.

„Я подходил уже к Маго,—записывает адмирал 13 мая,—граничащей с Китаем" (иными словами—к Кубе), но буря отбросила каравеллы в обратную сторону".

Ураган бушевал шесть дней; снасти и три якоря сорваны волнами. Когда буря улеглась, продолжать путь каравеллам мешали встречные ветры и течения. Вода заполнила трюмы, помпы были бессильны ее откачать. Гибель казалась уже неизбежной, когда им наконец удалось войти в бухту Ямайки, где корабли сели на мель. От них остались лишь гнилые остовы, без снастей, парусов и якорей, совершенно неспособные держаться на воде.

Экипаж оказался на острове, населенном воинственными дикарями; не было ни жизненных припасов, ни главное инструментов, нужных для постройки каравеллы. Спасшиеся были совсем отрезаны от мира.

Одному из матросов, Диего Мендесу, удалось завязать сношения с каликами острова, завоевать их дружбу и раздобыть для экипажа кой-какие продукты.

Положение все же продолжало оставаться отчаянным. Тогда тот же Мендес, вместе с матросом-генуэзцем, по имени Бартоломео Фиэски, задумали и привели в исполнение необычайно

смелый план, заслуживающий быть занесенным в историю мореплаванья: они увлекли за собой нескольких товарищей и десятка два туземных гребцов, и на двух лодках переплыли с Ямайки на Гаити.

Вскоре после их отъезда на Ямайке разгорелась междоусобица: часть экипажа, во главе с капитаном Франсиско Порраcом, возмутилась против Колумба. Они хотят последовать примеру Мендеса и Фиэски, но не с тем, чтобы, раздобыв корабль, вернуться на Ямайку за оставшимися товарищами, а чтобы добраться до Сан-Доминго и оттуда возвратиться в Испанию. Пусть адмирал и его сторонники поступают так же, если могут и хотят!

Но план сторонников Порраса терпит крушение: отойдя лишь на небольшое расстояние от берега, они были вынуждены вернуться обратно. Как и пять лет назад на Гаити, на Ямайке начинаются бесконечные распри, приводящие порой к настоящим сражениям, сперва между обеими партиями, а впоследствии и между каждой из них и туземцами. Адмирал болен. Он грезит, его посещают видения...

Во время его болезни его замещает Бартоломео. Он пытается примирить обе партии.

Мендес и Фиэски меж тем не торопятся итти на выручку адмиралу. За время своей поездки они десятки раз были на краю гибели и не хотят снова пускаться в путь в лодках. Они виделись с губернатором и описали ему бедственное положение, в котором очутился адмирал и остальной экипаж. Но Овандо не верит им, он подозревает в этом новую уловку со стороны адмирала, с целью вернуться на Испаньолу, вопреки королевскому запрету. Он говорит Мендесу, что он не располагает достаточно большим судном, чтобы оно могло забрать адмирала и всех оставшихся на Ямайке. Он посылает маленькую каравеллу, под начальством Диего де-Эскобара, личного врага Колумба, с тем, чтобы передать последнему немного провизии и обещать ему скорую помощь. Вслед за этим каравелла немедленно возвращается на Гаити.

Прошло много времени. Об адмирале и матросах казалось забыли, и они уже считали себя обреченными умереть среди дикарей, становившихся с каждым днем все более враждебными, как вдруг Мендесу, оставшемуся на Испаньоле, удалось зафрахтовать каравеллу, возвращавшуюся из Испании. К тому же времени и Овандо решился наконец послать Колумбу корабль.

Оба судна, под начальством Диего де-Сальседо, приходят на Ямайку и забирают оставшихся в живых участников экспедиции.

Пробыв около двух месяцев в Сан-Доминго, адмирал и его спутники 12 сентября отплывают в Испанию и 7 ноября 1504 года высаживаются в С. Лукаре де-Баррамеда.

Четвертое и последнее путешествие Колумба продолжалось два года и четыре месяца. К чему на деле свелись результаты этого плавания?—К бесцельным скитаниям из стороны в сторону, к бесплодным поискам, к потере флота и гибели части экипажа, наконец к видениям, небесным голосам и поэме в библейском вкусе. Это—самое безумное, самое ничтожное по результатам путешествие за всю историю мореплавания и открытий новых земель.

Между тем, на протяжении пяти лет происходят значительные открытия.

В 1497—98 г. экспедиция, в которой участвовал Америго Веспуччи, исследовала Мексиканский залив и берега Гондураса, Юкатана и Флориды.

В 1500 г. Кабраль открыл Бразилию.

В 1488 и 1500 гг. Алонсо де-Гохеда, Веспуччи и Хуан де-ла-Коса открыли Венецуэлу.

В январе 1500 г. Висенте Хуаньес Пинсон, отплыв из Палоса, пересекает экватор и, плывя далее вдоль бразильского побережья, доходит до мыса св. Августина, т. е. до 8-го градуса южной широты; отсюда он плывет вдоль дельты Амазонки, открывает остров Табаго, и в сентябре того же года возвращается в Палос с грузом красильного дерева.

Вскоре вслед за тем Диего де-Лепе, обогнув мыс св. Августина, обнаруживает, что бразильское побережье простирается дальше к юго-западу, между 8-м и 11-м градусами южной широты.

Португалец Гонсало де-Коэльхо продолжает, в 1501 году, начатые исследования дальше к югу. Америго Веспуччи, космограф его экспедиции, приходит к убеждению, что Бразилия составляет часть огромного материка. Очертания берегов Южной Америки начинают обрисовываться яснее. Множится число португальских экспедиций.

В 1501 и 1502 гг. португальские и английские купцы исследуют побережье Северной Америки, открытой Каботом в 1497 г.

Португальская карта 1502 г. показывает, что к этому времени было уже произведено подробное исследование Флориды.

В 1504 году норманы и бретонцы высаживаются в Канаде; на испанских и португальских картах того времени устье реки св. Лаврентия названо „Землей бретонцев“.

Но Колумб продолжает оставаться во власти географических представлений древности. Мир меньше, чем он кажется—лишь одна седьмая часть его покрыта водой. Последнее открытие адмирала: между Панамой и Гангом расстояние такое же, как между Тортозой и Фонтарабией или между Пизой и Венецией. Это он пишет в 1503 году. Меж тем уже в 1501 году Америго Веспуччи установил, что Новый Свет представляет собой материк.

* * *

Никто, ни в Испании, ни в других странах Европы, не интересовался больше Христофором Колумбом; его имя было забыто. Его роль кончилась в 1493 году, с возвращением из первого путешествия. Он открыл дорогу на запад, но с этого момента, если бы его слушались, то он явился бы помехой для дальнейших открытий. Но он продолжает отстаивать правоту своих взглядов, которых ничто не в силах поколебать. Достигнув С. Лукара де-Баррамеда, он, несмотря на тяжелую болезнь, мечтает возвратиться на Панамский перешеек или в Венецуэлу и продолжать поиски пролива, который привел бы его к Золотому Херсонесу.

Через несколько дней после его возвращения умерла королева Изабелла. С ее смертью исчезла и последняя надежда Колумба. Король относится к нему неприязненно и обращается с ним, как с назойливым и докучливым просителем, всякий раз, как Колумб является ходатайствовать о восстановлении его в правах губернатора, которые он намерен передать своему сыну. В течение двух лет несчастного адмирала постигает одно разочарование за другим.

21 мая 1506 года Колумб умер в Валладолиде. Смерть его прошла незамеченной; ни одна хроника того времени не отметила это событие.

Семь лет спустя, в сентябре 1513 года, испанский мореплаватель Васко Нуньéс де-Бальбоа, исследуя Панамский перешеек, обнаружил громадное водное пространство; спустившись на

берег, он понял, что перед ним простирается море. Тогда, с мечом в одной руке и знаменем Кастилии в другой, он вошел в воду и об'явил Тихий океан испанскими владениями.

Так завершилось открытие Америки.

Но и на этот раз космограф опередил мореплавателя. На карте, изданной в 1512 году, были нанесены Панамский перешеек и три четверти Южной Америки; между ее западным побережьем и азиатским берегом простирался океан, размерами превосходящий Атлантический.

Эту карту нарисовал польский космограф Стобниц, из Кракова.

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. — Потомок победителя Митридата в гостях у францисканцев Рабидского монастыря 7
Глава вторая. — Происхождение Колумба. Его жизнь в Португалии. Путешествие за Фуле, его планы открытия новых островов 30
Глава третья.—Первые неудачные попытки и неожиданный успех. 41
Глава четвертая. — Первое путешествие. Красоты океана и тайна острова Сан-Сальвадора 67
Глава пятая. — Христофор Колумб открывает Антилию, „первобытного человека“ и поэзию тропических стран . . 87
Глава шестая. — Колумб возвращается из Индии и подготавливает общественное мнение к необходимости новой экспедиции 107
Глава седьмая. — Колумб открывает каннибалов. Восстание туземцев. Волнения среди испанцев, поселившихся в Гаити. Колумб организует доставку рабов в Европу . . 127
Глава восьмая. — Колумб ищет пути к Золотому Херсонесу. Междоусобица на Гаити. Арест адмирала и его братьев 148
Глава девятая. — Последнее путешествие Колумба. Галлюцинации и смерть 162

100=

РУБЛЬ ДЕСЯТЬ КОПЕЕК